

Глава 1

Человек — это продукт своих собственных мыслей. О чем он думает, тем он и становится.

22 мая 1957 года в стенах судебного комитета города Конектик точно в 10:00 началось слушание дела о разделе имущества Дориана Гордона с бывшей супругой Евой Нельсон. Громкое слушание стало главным событием сезона, особенно после сенсационного развода семьи Стоун. Об этом постоянно пишут газетчики, об этом повсюду говорят люди.

В этот день в Данфорде, в Илсити, в Конектике, в Юдеско и даже в далеком Бертреке не найти радио, которое не было бы настроено на частоту приема из зала суда.

Домохозяйки торопливо собираются вместе, в гостиной или на кухне у одной из своих подруг. В красивых платьях, повторяющих силуэт песочных часов, за чаепитием или за рукоделием, сидя или стоя, они располагаются вокруг радио и внимательно слушают то, что раздается из него. Если одна из подруг в столь волнительный момент вдруг захочет поговорить о чем-то — на нее дружно шикнут! Если собака залает в доме — ее прогонят! Если дети будут мешать... что ж, для детей подготовлено много сладостей и телевизор доступен целый день. А как иначе, когда справедливости хочет добиться женщина столь необычной судьбы, как Ева Нельсон — брошенная в психиатрическую больницу собственным супругом, состоятельным бизнесменом!

Какая драма жизни!

В этот день радиоприемник становится самым важным предметом в любом доме и на любой улице. Даже в шумном и суматошном Данфорде не найти угла, где нельзя было бы услышать о Еве Нельсон и Дориане Гордоне.

К обеду подростки собираются под окнами какой-нибудь квартиры. Люди скапливаются вокруг припаркованных машин такси, где радио работает особенно громко и чисто. Весь день как безумный, а к закату, когда слушание подошло к концу, мир будто сошел с ума!

Шеф-повар в ресторане, уперев руки в бока, на долгие минуты оставил рабочий процесс на своей кухне. Официант торопится вернуться в кухню, едва не сбив посетителя с ног. А в автосервисе — совсем недалеко от того самого ресторана, — вокруг старенького радиоприемника столпились испачканные маслом и бензином рабочие.

Вот-вот объявят решение, и минуты к этому моменту тянутся волнительно долго.

В комнате отдыха офисного центра на Первой центральной улице серьезные джентльмены в деловых костюмах не отходят от большого и дорогого радиоприемника фирмы «Стокс». С чашками давно остывшего кофе эти люди не обсуждают свою жизнь, подруг или работу, они ждут решение судей по делу о разделе имущества бизнесмена Дориана Гордона и его бывшей супруги Евы Нельсон. Неужели возможна такая нелепость, чтобы целое состояние у мужчины увел не конкурент, не враг, а бывшая жена?

— Скоро объявят решение, способное перевернуть существующий опыт жизни в масштабах целой страны, — трещит торопливый голос из радио. — После ошеломительного успеха Анны Лоуренс победа Евы Нельсон станет событием особого значения. Если Нельсон победит — что-то будет!

В 16:35, когда репортер умолк и из радио донесся спокойный и строгий голос председательствующего, жизнь вокруг будто замерла и стало очень тихо. Растянувшись на стареньком коричневом ковре и уставившись в белый потолок, я тоже слушаю этот голос, тихо и внимательно, затаив даже дыхание, заперев на замок волнение и заглушив некогда необычайно громкие мысли в своей голове. Громким остается только голос председательствующего, и после нестерпимо долгого и напряженного ожидания этот голос наконец объявил решение...

Я дважды хлопнула глазами, но не шелохнулась, по-прежнему смотрю в потолок, осмысливая услышанное.

Я удивлена?

Я потрясена?

В чем сомневаться не приходится, так это в том, что мои чувства не в порядке.

Ева Нельсон получила долю компании бывшего мужа, квартиру в Илсити, квартиру в Конектике и 84 миллиона — одна треть всего, чем владеет ее бывший муж.

Из радио с треском раздался удар судейского молотка, и этот звук в одно мгновение привел меня в

чувства. Я поняла, что улыбаюсь, ведь результат слушания превосходен!

Мир за окном опять стал шумным.

Поднимаюсь на ноги и тайком выглядываю из окошка квартиры Гроуза на Северо-западной улице в Конектике, что так любезно предоставил нам Майкл еще несколько месяцев назад. Вход в старенькое кирпичное здание стал настоящим эпицентром собрания репортеров со всей страны. Еву Нельсон ждут как кинозвезду.

Я тихонько смотрю на столпотворение с окон четвертого этажа — кроме репортеров на знаменитость собираются посмотреть любопытные. Не только соседи; по обе стороны дороги уже целый час растут цепочки автомобилей — люди съезжаются со всего города.

Опускаю белую занавеску и отхожу от окна.

Удивительно, какой непредсказуемой может быть жизнь! Ведь несколько месяцев назад никто не знал, кто такая Ева Нельсон. А что теперь?

На темную столешницу ставлю блюдце и чашку, бросаю ложку чайных трав, ложку сахара и все заливаю кипятком. Подношу чашку к губам — у чая есть легкий вкус корицы. Это не случайность. Просто Ева не нашла необходимым освободить емкость от остатков корицы перед новым использованием банки.

За окном чаще раздаются сигналы машин, толпа становится совсем шумной. Кажется, будто все это происходит не на улице, а где-нибудь за стеной в соседней комнате, и не закончится до тех пор, пока публика не встретит ту, ради которой собралась здесь.

Ох, Ева... Припомнив первую встречу с ней в холодных и серых стенах психиатрической больницы, усмехаюсь: я даже подумать не могла, что эта встреча приведет к таким невероятным последствиям. Могла ли одна из нас предположить в те мрачные времена, что настанет день, когда все будет вот так?

Когда стали слышны вопли репортеров, я вернулась к окну. Тихонько отодвигаю занавеску и украдкой выглядываю на улицу. Прибыла новая знаменитость.

Довольная гордая Ева поднялась из черного автомобиля. Со счастливой улыбкой на лице она машет своей маленькой ручкой репортерам и останавливается, чтобы дать им интервью. На ней красивое голубое платье с узкой талией, на ножках светлые туфли, а на руках белые перчатки — с высоты четвертого этажа она совсем как фарфоровая куколка, обворожительная и очень хрупкая. Но, в отличие от кукольной, ее улыбка счастливая и живая. Такого восторга я никогда не видела на ее лице, и кажется странным то, что привычно холодная и осторожная Ева теперь напоминает мне Гроуза.

Мои губы растянулись в слабой улыбке.

Без сомнений, Ева талантливая актриса, — так безупречно играет свою роль! Вряд ли у меня когда-нибудь получится так же. Даже завидно.

Армия репортеров не выпускает Еву из своего окружения по меньшей мере двадцать минут, а когда женщине все же удастся прорваться и даже сделать это вежливо, она торопливо скрывается в дверях старенького арендного дома.

— Справедливость имеет вкус? — спрашиваю я, когда Ева переступила порог квартиры. Совсем не удивляюсь тому, как с ее лица спали следы бывшего счастья. Здесь нет судей, перед которыми нужно хранить непоколебимое выражение лица, здесь нет репортеров, которым нужно улыбаться. Это был тяжелый день, и если в ней остались силы хотя бы говорить — уже неплохо.

— Видела бы ты, как Дориан покраснел от злости... Как рак! — проговорила она. — Так что да, у справедливости есть вкус, лучший из существующих.

Она вымученно улыбнулась, а я не улыбнулась ей в ответ.

Поступки красноречивее всяких слов, и, когда последних не хватает, чтобы выразить всю глубину сильных чувств, жесты, как правило, успешно справляются с этой задачей. Я сделала два решительных шага и крепко обняла подругу.

Мне бы хотелось остаться в Конектике до тех пор, пока Еве нужно быть здесь. Но реальность такова, что я должна вернуться в Данфорд. Это условие Джона — и пусть прежние его запреты сняты, и я могу быть там, где вздумается, нерушимым остается одно правило — возвращаться.

День стремительно уходит в закат, и на город опустились тени.

Не дай бог мне нарушить правило Джона опять... Я хорошо помню, как опрометчиво решила остаться в Конектике на три дня. Тогда мне крепко досталось от Хэнтон, пришлось завоевать его доверие снова, а с этим мужчиной — это подвиг!

Мне не хочется оставлять Еву одну в такой день, но у меня нет выбора. Она это понимает и, кажется, с легкостью отпускает меня за двери своей большой и уютной квартиры. Но так только кажется.

Когда я вышла на улицу, от прежнего столпотворения ничего не осталось. Переговариваются несколько репортеров, местные жители — те немногие, кто задержался — уже расходятся по домам. Машин по обеим сторонам дороги почти нет. Улица на окраине Конектика вот-вот станет пустой.

Когда рядом со мной взорвалась фотовспышка, я заволновалась. Быть может, меня узнал кто-то из репортеров? Тихонько обернулась и с облегчением обнаружила, что мужчина в серой шляпе даже не взглянул в мою сторону: он сделал снимок того, как Ева Нельсон выглядывает из окон своей квартиры. Женщина улыбнулась мне. Когда репортер проследил за ее взглядом, я уже шагала по широкому тротуару мимо редких прохожих к центру города.

Конектик — молодой город. Именно здесь дед Гроуза поставил стилполотно и привел в движение первый в мире стилпоезд. Здесь же возник первый вокзал — в самом сердце поселения, вокруг которого всего за три десятка лет вырос крупный город.

Стальной путь от вокзала Конектика соединили с Данфордом, а затем с Илсити и так до тех пор, пока все города не вошли в эту гигантскую паутину транспортного сообщения. Так стальные артерии растянулись по всей стране.

Каким должен быть первый возведенный в истории вокзал для отправления стилпоездов? Грандиозным, как вокзал Данфорда, или непримечательным, как деревянное сооружение в Гринпарке?

Красное деревянное здание, во многом напоминающее красивую конюшню, и есть вокзал Конектика, и покуда он историческая гордость этого города и страны в целом, еще долго не поменяет свой странный облик.

На улице стало темно. На привокзальной площади зажглись фонари. В моем распоряжении остался последний стилпоезд на Данфорд, и он отправится меньше чем через час.

Я купила билет и спустилась в зал отправления. Здесь мало людей: в большинстве своем прибывшие в город, и только некоторые уезжают из него. Удары моих каблучков по твердому полу могло быть слышно очень хорошо, если бы не четыре гигантские машины на стальных путях — их двигатели работают очень громко.

На шестой платформе я вручила служащему свой билет и, ступив на лесенку-подножку, нырнула в сдержанную роскошь вагона первого класса. Тихонько прикрыв за собой дверь во второе купе, бросила накидку на диван.

Купе первого класса все равно что очень маленькая комната в дорогой гостинице. Здесь темные панельные стены, есть картины и ковер. На столе для меня приготовлены чай и сладости.

Раздался первый оглушительный гудок — красный стилпоезд готовится к отправлению в Данфорд. Механик в коричневом комбинезоне заканчивает осмотр высоких черных колес машинного вагона — легонько стучит по ним гаечным ключом и проверяет механизмы.

Со вторым гудком машину сняли с блокирующих тормозов, а с третьим громче заработали двигатели. Стилпоезд качнулся, и медленно-медленно большая многотонная гусеница выползла из крытого вокзала, проползла через весь город, а за его чертой, стремительно набирая скорость, стилпоезд помчался на восток.

Когда стемнело окончательно, в вагоне зажглись лампы, а по ту сторону борта — вдоль всего поезда — загорелись фонари. Погода портится быстро. Чем дальше от Конектика, тем сильнее бьет дождь по длинной полоске вагонного окна.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу и попыталась разглядеть вдалеке очертания маленького Гринпарка. Вечер безлунный, а стекло мутное от дождя, но я все равно вижу огни этого города. Именно в нем началась жизнь, в которой мне предстояло стать Анной Стоун. Я не хотела этого. Я не просила об этом. И все равно это случилось со мной.

Мое настоящее имя — Виктория. По странной воле судьбы меня унесло на полвека в прошлое, и у меня не осталось другого выхода, кроме как попытаться стать человеком, чье место я заняла. С этой девушкой у нас одно лицо, но жизнь от этого не стала проще. Сыграть роль незнакомого мне

человека в условиях не единых ценностей и разного опыта жизни мне не удалось. А когда я позволила себе опрометчивую вольность — быть собой — это решение едва не стоило мне свободы и жизни.

Если судьба и вправду существует и есть что-то, способное учить и направлять, влиять и бесцеремонно вмешиваться — назовем это нечто вселенной — то эта вселенная любит пошутить надо мной. Она сталкивает меня с необычными людьми, заводит в непростые обстоятельства и частенько бьет по ногам — я спотыкаюсь. Удержать равновесие удается не всегда, и тогда в мою судьбу вмешивается случай... Каковы были шансы, что мне повезет так, как повезло после крушения стилпоезда в горах Ханди? Каковы были шансы встретить таких людей, как Джон Хэнтон, Майкл Гроуз и Ева Нельсон?

Все эти люди самым непосредственным образом повлияли на мою жизнь здесь.

Впрочем, и я влияю на их жизни тоже.

Несколько месяцев назад на моем бракоразводном слушании с Томом Стоуном Джон Хэнтон нашел необходимым вступить за меня. Благородный поступок, вслед за которым неминуемо возникли последствия. У этого мужчины больше нет невесты. Церемония бракосочетания отменена, отношения с Мелиссой Бауэр официально расторгнуты. Зато Джону досталась любовница на вполне законных основаниях, свободная в морали и нравах... Примерно так обо мне пишет пресса.

Я вернулась в Данфорд к полуночи. Черная машина такси с оранжевыми палочками на дверях доставила меня во владения Хэнтона.

— Джон здесь? — спрашиваю я у дворецкого, на ходу стянув накидку с плеч.

— В своем кабинете, мисс Лоуренс, — отозвался мужчина в черном фраке.

По широкой лестнице поднимаюсь на второй этаж, ступаю на персидский ковер и иду до конца узкого и короткого коридора. Прислушиваюсь. За дверью рабочего кабинета тишина. Стукнув костяшками пальцев по дубовой двери, не дожидаясь приглашения, вхожу.

Маленькую комнату почти целиком занимает большой письменный стол. Над головой горит люстра, настольная лампа бросает яркий желтый свет на рабочие бумаги Хэнтона.

— Здравствуй, Джон, — с улыбкой говорю я.

Хозяин кабинета лениво откинулся на спинку кресла, следит за моим перемещением по комнате.

— Я уже не рассчитывал тебя увидеть сегодня, — без гнева сказал он. Берет меня за руку и мягко притягивает к себе. Я не села, а развалилась на его коленях. Слегка коснулась губами его щеки, а мужчина предпочел поцелуй, чувственный и долгий. Так полюбившийся вкус табака на его губах сводит меня с ума...

— Я хочу выпить с тобой, Джон, — ему в губы выдохнула я.

— За победу Евы Нельсон? — спокойно спрашивает он, не поменявшись в лице.

С таинственной улыбкой поднимаюсь с его колен. Подхожу к бару у окна и выставляю вперед графин с виски — его я предпочла всем прочим.

Попытка скрыть от Джона Еву Нельсон с самого начала оказалось предприятием, обреченным на провал. Хэнтон разобрался во всем быстро, а когда решил поговорить об этом со мной... что ж, мне оставалось только согласно кивать и виновато каяться. Впрочем, и этого бы не потребовалось — я плохая лгунья. Все, о чем я думаю и что чувствую, написано у меня на лице, стоит только присмотреться.

Мужчина неторопливо разлил золотистый напиток по стаканам и один из них протянул мне. Смотрю на Хэнтон, а он смотрит на меня.

— За победу, что положит начало для моих подвигов, — гордо объявила я, ибо все мои планы этому мужчине хорошо известны. Вот только относится он к ним не так, как я.

Под скептическим взглядом Джона стаканы соприкоснулись, издав тонкий звенящий звук.

Ева стала знаменитостью. О ней говорят газеты, радиовещатели, о ней говорит страна. Обо мне тоже говорят. Мы могли бы даже посоперничать за рейтинги. Но о Еве говорят как о героине, победившей несправедливость, обо мне говорят как об убийце нравственности.

Публика забурлила, когда в одной из бульварных газет Данфорда появилась фотография, где мы с Евой сидим за одним столиком в тихом кафе. Газета преподнесла это событие как тайную встречу, ведь кафе расположено далеко от Центральной улицы, в переулках непопулярного района.

До судебного слушания нам и вправду приходилось скрывать наше знакомство. Теперь такой необходимости нет, а вот некоторые привычки все равно остались. Например, провести время в каком-нибудь приятном кафе подальше от центральных улиц...

Ева вырезала черно-белую фотографию из газеты бульварной прессы и вклеила ее в альбом.

Я тоже сохранила для себя эту фотографию, но не стала вырезать фрагмент из газеты, а оставила выпуск целиком. Я люблю иногда посмотреть на снимок и вспомнить, какой нелегкий путь пришлось пройти, чтобы один из таких дней настал: оставить позади больничные стены и потребовать для себя ту жизнь, которая есть у нас сейчас.

Не в кафе дело, не в чае, который мы пьем...

Этот снимок — доказательство, что наша жизнь все еще принадлежит нам.

Ева получила желаемое — она свободная и состоятельная женщина. Мне тоже это нужно, но, в отличие от подруги, для меня все обстоит много сложнее. Мне важно отделаться от опеки Джона, мне нужно взять свою жизнь под личный контроль, а для этого нужны деньги и того, что готова предложить мне Ева как результат договоренности — а это немало — все равно недостаточно. Я хочу больше!

Вот почему в дождливый июньский вечер под укрытием большого красного зонта я с таким удовольствием смотрю на серо-черные тени завода «Интера мотор». Когда-то здесь занимались изготовлением кирпича, а теперь собирают автомобили.

В позднее время по территории ходит седобородый сторож с охотничьим ружьем за спиной. Рядом с ним верный компаньон — пес по кличке Бинго. В это время по-хорошему здесь быть никого не должно. Ни рабочих, ни случайных людей. Однако именно в это время должна состояться важная для меня встреча — еще один шаг на пути к тому, что этот завод и все, что находится в нем, станет моим.

Дождь усилился, крупный и частый, барабанит по зонту, глушит ревущий мотор красного «Колибри» — дорогой автомобиль с широким кузовом и высоким капотом. Модная новинка часто встречается на рекламных плакатах и щитах в Данфорде и совсем не каждому приходится по карману.

Машина остановилась рядом со мной. Вышел молодой водитель, распахнул синий зонт и открыл для хозяйки дверцу автомобиля. Из машины на мокрую грунтовую дорогу опустились тонкие ножки в синих сапожках, а рука в кружевной перчатке приняла у водителя зонт.

Ева Нельсон выпрямилась и посмотрела на здание. Ее аккуратно уложенные волосы, тщательно подобранные украшения и элегантное белое пальто совсем не вписываются в окружающую ее мрачную действительность. Оглядев место спокойным взглядом, Ева приблизилась ко мне.

— Мужчины опаздывают? — спросила она в привычной для нее ленивой манере.

— Юристы приехали раньше, смотрят документы, — сказала я. — Идем.

Красивые сапожки Евы тонут в грязных лужах. Она не жалуется. Поджав губы, следует за мной. Когда мы подошли к зданию, с сильным порывом ветра раздался страшный скрежет и наши взгляды пугливо устремились вверх. Гигантские буквы «Интера мотор» над головой убедительно угрожают рухнуть вниз, и мы благоразумно торопимся переступить порог высокого здания.

— Здесь предстоит много работы, — объясняю я Еве. Складываю зонт и молча поднимаюсь по железной лестнице. Ева идет за мной.

В коридорах «Интера мотор» холодно. На третьем этаже тихо и темно, только под дверью руководителя предприятия видна полоска света и слышны голоса. Дважды постучав костяшками пальцев по старой двери, не дожидаясь приглашения, вхожу внутрь. В кабинете полумрак. Круглая настольная лампа блекло освещает лица присутствующих: Брюс Новак, а по другую сторону стола юрист «Интера мотор»:

— Эйдон Ло, — представился человек в сером клетчатом костюме. Эта вежливость предназначена только Еве, мне этому человеку представляться не нужно, впрочем, как и всем, присутствующим здесь.

— Ева Нельсон, — улыбнулась она в ответ, а затем взгляд ее устремился на таинственную и

молчаливую фигуру у окна.

— Чарльз Интера, мисс Нельсон, — растекся по комнате тихий голос владельца завода. Мужчина прислонился к окну и, сложив руки на груди, с любопытством рассматривает молодую женщину. Он знает, кто такая Ева Нельсон, ему хорошо известно, кто я и под чьим покровительством существую. Именно поэтому для него остается неразрешимой загадкой, зачем этой состоятельной женщине финансировать мои интересы? В чем ее выгода во всем этом?

Совершенно очевидно, Чарльз Интера забыл о правилах элементарной вежливости, долго не сводит с Евы прямой внимательный взгляд, а такое поведение откровенно смущает.

— Все готово? — тихонько спрашиваю я Брюса, звуком своего голоса заставив опомниться мистера Интера. Он наконец отвел от женщины свой странный взгляд. Неловкий момент остался в прошлом.

— Дайте нам еще несколько минут, — отозвался Брюс, только на мгновение подняв от бумаг свой взгляд. Я кивнула. Медленно прошла через кабинет и встала у окна, по левое плечо от угрюмого Чарльза. Мужчина никак не отреагировал на мое появление рядом с ним — его взгляд по-прежнему сосредоточен на работе юристов за большим квадратным столом.

Недружелюбное поведения Чарльза Интера не вызывает во мне совершенно никаких чувств. К этому можно отнестись спокойно, а вот к пустой площадке, предназначенной для готовой продукции, равнодушной оставаться не могу. С этих окон должен открываться совсем другой вид, за который руководитель предприятия мог бы быть горд. А здесь все очень грустно. Только восемнадцать автомобилей стоят в ряд у сборочного цеха, в то время как площадь способна уместить тысячи.

Задолго до этого дня я спросила Чарльза Интера: что привело к такому упадку? Чарльз Интера говорил мне о долгах. Но ведь это не причина, а последствия. Когда я уточнила свой вопрос, этот человек сослался на обстоятельства и ничего не сказал о своих решениях. Даже когда я проявила невежливое упрямство, Чарльз Интера все равно не сказал мне ничего вразумительного. Он посчитал это совсем ненужным, и я быстро осознала почему.

Когда я говорила о том, что хочу купить завод, он будто меня не слышал и направлял разговор в то русло, где я не покупаю, а вкладываю взамен на призрачную долю от едва ли возможной прибыли. Этому человеку было проще поверить в заблуждение моих намерений, чем в то, что предприятием его деда, затем отца перейдет к рукам... девчонки.

Мне пришлось проявить упрямство, и, когда хозяин завода наконец поверил в безрезультатность своей попытки повлиять на мое решение, вернулся в прежнее уныние.

— Все готово, — объявил Брюс.

Чарльз Интера отлип от окна. Ева поднялась со стула. Пятерка окружила стол и склонилась над документами. Первой замысловатый росчерк ставит Ева, выступив гарантом выплаты Чарльзу Интера 13 миллионов и погашения долгов компании в сумме 29 миллионов. Затем свои подписи ставим я и Чарльз Интера. Юристы последними заверили своими росчерками страницы договора.

— Когда мисс Нельсон будет удобно рассчитаться? — сухим рабочим тоном проговорил юрист Ло.

— Мне бы хотелось как можно скорее закончить с этим, — сказала Ева. — Может, завтра?

— Предлагаю встречу в банке Данфорд, завтра в десять.

— Очень хорошо, — согласилась Ева.

— Мистер Интера? — юрист обратил на него серьезный взгляд.

— Мне подходит, — хмуро отозвался Чарльз, отпер дверь и неспешно вышел в коридор. Вслед за ним из маленького кабинета вышла Ева. Она сделала это так поспешно, что мне сразу вспомнился день, когда женщина покинула холодные стены психиатрической больницы.

Кроме меня, ее необычное поведение не заметил никто.

— Я вам еще нужен? — спрашивает меня Брюс Новак. Улыбается. Взгляд хитрый. Я бы подумала, что этот мужчина что-то задумал, если бы не знала, что такое выражение лица присуще Брюсу всегда.

Когда комната опустела, я задержалась в ней еще ненадолго, чтобы опять посмотреть на кабинет, который в скором времени назову своим: маленькая комната, сплошь заставленная ящиками для бумаг. Здесь мало комфорта, но есть все необходимое для эффективной работы.

— Мисс Лоуренс? — позвал Чарльз Интера. Я обернулась на голос, из темноты коридора взгляд

мужчины сверкнул.

— Уже иду, — сказала я. Выключила настольную лампу и в некотором замешательстве переступила через порог кабинета в коридор. Коротко взглянула на угрюмое лицо мистера Интера.

Мужчина закрыл дверь и быстрым шагом направился по коридору.

Скрежет гигантской вывески слышен уже в коридорах первого этажа. Я толкнула железную дверь, та со скрипом открылась, и я вышла на улицу, сразу распахнув над головой красный зонт.

Дождь стал заметно сильнее, барабанит по зонту так, что я с трудом слышу собственные мысли.

Машин мужчин не видно. У ворот «Интера мотор» осталась только Ева с большим синим зонтом над головой, она ждет меня у красного «Колибри». Мы улыбнулись друг другу. Я молча встала рядом с ней, и вместе мы смотрим на темный силуэт старого завода. Так проходит минута, за ней другая.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — безрадостно сказала Ева. Посмотрела на меня осторожным предостерегающим взглядом, напомнив, что покупку завода еще не поздно остановить. Я нахмурилась.

Мне понятно ее беспокойство, но я не отступлюсь. Даже когда меня настигают сомнения, причин стоять на своем все равно остается больше.

Ева меня достаточно хорошо знает, чтобы понять — убедить меня в обратном не получится, и мы попрощались без лишних слов. Она опустилась в салон своего автомобиля, двигатель заработал громче, и машина медленно поползла по разбитой грунтовой дороге. Мне бы следовало поступить так же, сесть в машину и вернуться в тепло и уют особняка Хэнтон, но какая-то сила заставила меня стоять на месте. Я опять смотрю на «Интера мотор». Улыбаюсь.

Глава 2

Когда все расчеты были выполнены, а бюрократические формальности улажены, я стала полноправной хозяйкой «Интера мотор». Никаких торжественных мероприятий. Никаких репортеров и громких заголовков. Все свершилось без лишнего шума и суеты.

Даже если со временем в газете появятся строчки о приобретении Анной Лоуренс «Интера мотор», вряд ли новость эта кого-то удивит, ведь всем известно, кто такой Джон Хэнтон и на какие жесты он готов ради своей любовницы...

Под лучами дневного солнца, без мрака и дождя, завод выглядит приятнее.

Чарльза Интера я нашла в рабочем кабинете руководителя предприятия. Хмурый, с уставшим взглядом, он показал мне на кипы аккуратно сложенных бумаг на столе, коротко объяснил их предназначение и важность, после чего передал мне ключи от кабинета и от стального сейфа на полу.

Мужчина спокоен и терпелив, в том, что он делает и говорит, я совсем не чувствую былого раздражения. Всякие попытки удержать компанию остались позади. Все, что можно было сделать, уже сделано, так что мужчина, судя по всему, сделал самое непростое в сложившихся для него обстоятельствах — смирился.

Пропустив меня вперед, мистер Интера прикрыл дверь в рабочий кабинет и пошел дальше по коридору. Он направляется в сборочный цех, а я не отстаю от него ни на шаг.

Со стороны завод не кажется большим, но так только с виду. Миновав несколько лестничных пролетов и не меньше четырех длинных коридоров, от основного здания к сборочному цеху идем через наземный соединительный проход, а потом опять спускаемся по лестнице.

Когда Чарльз Интера остановился перед тяжелой металлической дверью в сборочный цех, взглянув на меня, сказал:

— Я представлю вас рабочим, а потом уеду. Мисс Лоуренс, я хочу, чтобы вы знали, мне не все равно, что станет с этим местом. Если вдруг возникнут трудности, с которыми вы не сможете справиться, прошу вас, позвоните мне, прежде чем отдать «Интера мотор» банку.

Я постаралась поскорее избавиться от странного выражения на своем лице. Кивнула.

Не затягивая момент, Чарльз Интера открыл тяжелую металлическую дверь перед собой, и мои глаза болезненно среагировали на яркий солнечный свет. Мужчина неторопливо прошел вперед, возложив ладони на перила ограждения, а я остановилась немного позади его.

Мне вдруг стало неловко оттого, что на меня снизу вверх смотрят пять сотен любопытных глаз.

В рабочих комбинезонах или в старой мешковатой одежде, люди стоят, спрятав руки в карманах своей одежды или скрестив их на груди. Взгляды осторожные, насмешливые, а есть откровенно недовольные, ведь заводом пришла управлять девчонка.

Чарльз Интера заговорил, а меня настолько охватило волнение, что я не сразу смогла понять значение сказанных им слов, но интуитивно поняла, что это приветствие. В словах мужчины мало радости, но все равно это приветствие.

Чарльз Интера не был многословен. Он сказал несколько слово о переменах случившихся, пытался быть убедительным, объявив их благом... Немного рассказал о собственных планах, коротко выразив сожаление о своем уходе из компании. Пожелал успеха и процветания этому месту и тем, кто трудится здесь.

— Теперь все в ваших руках, мисс Лоуренс, и будущее «Интера мотор» зависит от ваших решений, — отступив от ограждения, сказал мне Чарльз Интера. — Хотите выступить?

Мне бы хотелось сказать «нет», но при всей силе своего желания я так сказать не могу. Чарльз Интера предоставил мне очередь говорить, и я сделала шаг вперед. Подбородки рабочих взметнулись выше, а их взгляды стали по-особенному сосредоточенными и внимательными. Люди с очевидной заинтересованностью хотят послушать, что я им скажу.

Мое выступление началось с короткого приветствия. Я озвучила некоторые из ключевых целей и выразила самые оптимистичные надежды на их достижение. Поделилась мыслями о своем видении будущего «Интера мотор», каким это место могло бы стать и на какие результаты можно рассчитывать, а главное, как эти результаты могли бы отразиться на уровне благосостояния тех, кто вложил в это дело свое время и силы.

Я не готовила речь заранее. Я вышла к людям и говорила о том, что думаю, без запинок или смущения. Я знала, о чем могу говорить, и сделала это; пусть в моих словах не прозвучало чего-то судьбоносного для компании и для тех, кто работает здесь... Уверена, были те, кто очень ждал моего объявления, что «Интера мотор» станет частью корпорации Хэнтон с соответствующим вливанием капитала, уровнем зарплат и прочих привилегий. Этого не случилось. Восторженных аплодисментов ждать не пришлось.

— Я сделал все, что от меня требовалось, — сказал Чарльз, когда я отошла от ограждения и поравнялась с ним. — Не забывайте о том, что я сказал вам. Позвоните, когда это будет необходимо.

— Хорошо... — мои губы растянулись в спокойной улыбке. — Благодарю вас, мистер Интера.

Мужчина кивнул. Выражение его лица остается хмурым.

— Прощайте, мисс Лоуренс, — тихо проронил он, а сказать что-то в ответ я не успела. Чарльз Интера быстрым шагом покинул сборочный цех.

В этот самый миг возникло отвратительное чувство... Будто не купила компанию, а украла ее у него!

Я оглядела огромную территорию цеха. Вдоль стен прикреплены таблички с номерами рабочих бригад. За каждой бригадой на сборке закреплен автомобиль. Стадии готовности машины у всех разные.

Рабочие расходятся. В цеху шумно.

Вместо того чтобы вернуться в рабочий кабинет, я спускаюсь по железной лестнице вниз к людям. Шум и разговоры опять стихают, все больше глаз смотрят на меня. Когда я преодолела последнюю ступень, в цехе стало очень тихо.

Медленно иду по цеху. Смотрю по сторонам.

Порядка нет. Рабочий инвентарь оставлен где угодно, только не на положенных для этого местах.

Перешагиваю пустую стеклянную бутылку. Иду к рабочему месту бригады номер восемь, а люди расступаются передо мной, покосившись на меня осторожными взглядами.

На столе восьмой бригады колода потрепанных игральных карт. Игра не закончена... Под столом бутылки.

О том, что рабочие играют в карты в трудовые часы, Чарльзу Интера всегда было известно, но он предпочитал делать вид, что ничего об этом не знает. Как он это назвал? Ах да... поддержка морального духа в трудные времена.

Я взяла со стола даму крестей.

— Картинка совсем стерлась, — спокойно замечая я.

В этот самый миг толпа зашевелилась. Некоторые из рабочих недовольно скрестили руки на груди. Хмурятся.

Я плохо представляю, как должен быть организован рабочий процесс, но интуитивно понимаю — вот так, как сейчас, быть не должно.

Взглянув на частично собранное шасси на полу, покрытое плотным слоем пыли, понимаю, что за работу восьмая бригада не принималась уже давно.

Пиво. Карты. Восемнадцать готовых машин на площадке за минувшие три недели... Одному только богу известно какого качества.

Я считала — этому месту прежде всего нужна конвейерная лента. Сейчас я так не думаю. Здесь нужнее дисциплина.

Заставить людей отказаться от старых привычек будет непросто.

Мои пальцы коснулись лица. Я уже привыкла к хорошему зрению и отсутствию очков на глазах, но прямо сейчас впервые за долгое время я забыла об этом.

Меня никто не учил быть руководителем компании. Соответствующего опыта у меня нет. Все, что я могу сейчас, — довериться своему чутью, а оно мне говорит, что мне ни в коем случае нельзя положить игральную карту на стол, оставив событие без последствий.

— Мистер Гарт, — обратилась я к начальнику цеха. Все время, что я здесь, мужчина держится в шаге от меня.

— Мэм, — с готовностью отозвался он.

То, что я сейчас собираюсь сказать, нужно проговорить твердо и уверенно, в противном случае, лучше совсем молчать.

— Алкоголь на производстве недопустим, мистер Гарт. Игровым картам здесь тоже не место.

— Да, мисс Лоуренс, — сразу согласился начальник цеха. А потом заговорил о прежнем руководителе и о существующем при нем порядке...

При таком раскладе я еще долго не дождусь нужного уровня дисциплины. Утвердившись, что решение мое правильно, громко объявила:

— Восьмая бригада уволена в полном составе за нарушение производственного графика, порядка и дисциплины. Сегодня им будет предоставлен расчет.

По цеху прокатился возмущенный рокот. Поднимается буря.

В первый день. В первый же час... я уволила девять человек!

— Всем заведующим бригадными блоками рекомендую привести дела в порядок, — моя рекомендация прозвучала как приказ.

Бегство из сборочного цеха маскирую быстрым решительным шагом. Я почти не заметила, как взлетела вверх по лестнице; промчалась по длинным коридорам и вернулась в рабочий кабинет, с силой захлопнув за собой дверь. Прижавшись лбом к прохладной двери, выдохнула тяжесть сковавшего меня напряжения.

Невероятно, как это было тяжело! Все это.

Неторопливо приближаюсь к рабочему столу. Когда в дверь тихонько постучали, почти с сожалением сказала:

— Войдите.

Скрипнула дверь, и в кабинет вошел младший по рангу бухгалтер. Не помню, как его зовут... Молодой мужчина с ярко выраженной линией скул вежливо поздоровался и прошел в мой кабинет.

— Мне сказали, что вы интересовались возможностью освободить склад от ненужного оборудования, — мужчина положил передо мной лист желтой бумаги и уселся по ту сторону стола.

— То, что для сушки кирпича? — припомнила я огромные многотонные печи, оставшиеся еще от прежнего производства. Смутно припоминаю, что разговор об этом состоялся с кем-то из рабочих около двух месяцев назад.

— В декабре сталелитейный завод на юге Данфорда предложил выкупить печи, но сделка не состоялась.

— Почему?

— Не получилось договориться о цене. Мистер Интера счел сумму слишком малой.

— Восемьсот пятьдесят тысяч? — резко поднимаю на мужчину взгляд. Такая сумма указана в предложении сталелитейного завода. — Эти ребята готовы собственными силами вывезти габаритный мусор с моего склада и заплатить при этом восемьсот пятьдесят тысяч? — многозначительно смотрю на высокого умного человека в круглых очках.

— Если позволите, я свяжусь с заводом, — с готовностью объявил он.

— Благодарю.

Когда мужчина ушел, я посмотрела на свой рабочий стол. Оставленные Чарльзом Итнера кипы бумаг, откровенно говоря, пугают.

Предстоит огромная работа. Я уже в ней.

Статистика, графики, планы...

Час за часом.

Солнце опускается за горизонт слишком быстро, на моем столе уже горит настольная лампа. Когда совсем стемнело, отдел, ответственный за учет персонала, предоставил мне краткий отчет. Как мне пояснили, это срочно...

Взглянув на бумагу с машинописными строчками, я упала на спинку кресла и нахмурилась.

Расчет в этот день потребовали сорок семь человек!

Одна десятая всего штата — таковы потери. Это очень много.

Прикрыв глаза, думаю...

Спустя неполный час я закрыла кабинет и спустилась по железной лестнице. В коридорах «Интера мотор» тихо и темно. Должно быть, я последней уйду из здания.

За мной хлопнула входная дверь, вывеска над головой опасно скрипнула.

Совсем недалеко, под слабым светом фонаря блестит темно-коричневый «Прайд» Хэнтон — внушительная в размерах машина с далеко вытянутым капотом. Этот автомобиль — представитель дорогой классики. Таких немного.

Дверь автомобиля для меня открыл водитель. Опускаюсь в темный салон, и сильная рука Джона сразу притягивает меня к себе. Только слегка приподняв подбородок, позволила мужчине губами коснуться моих губ, а когда распахнулась водительская дверь, я резко отстранилась. Джон тоже отдалился и сделал это с неохотой — ведь присутствие водителя смущает только меня.

— Как твой день? — спрашивает Хэнтон.

— Трудный, но продуктивный, — улыбнулась я. Ободряющей улыбки в ответ не последовало, Джон просто сказал:

— Хорошо.

Этот мужчина тверд во мнении, считая управление компанией не женским делом, тем более когда компания терпит сложные времена. Он убежден, женщине для этого от природы не хватает морально-волевых качеств. Разумеется, я ни в чем с ним не согласилась.

«Руководящая женщина — это как собака, шагающая на задних лапах и жонглирующая носом. Нелепо — да. Но поражает тем, что это вообще возможно», — как-то сказал Джон во время очередных дебатов между нами. Вот в такой насмешливой форме, процитировав кого-то, Джон Хэнтон оставил попытки убедить меня в том, во что верит сам, предоставив мне полную свободу действий. Разговоры об «Интера мотор» больше никогда не переходили в спор между нами.

Теплое прикосновение отвлекло меня от мыслей. Джон поднес мои холодные пальцы к своим губам. Я улыбнулась.

Укладываю голову ему на плечо, рассматривая сцепленные пальцы наших рук, и вдруг понимаю, что впервые за долгое время я не боюсь...

Не боюсь мыслей о новом браке.

Не боюсь представить кольцо на своем пальце.

Как странно. Ведь я знаю обо всех последствиях такого поступка! Это все равно что стоять перед черной пропастью, из которой нельзя будет выбраться, сделай я шаг вперед. Я все это знаю и все равно думаю об этом?

Это безумие! Иррационально, нелогично и... так оправданно, ведь источник моего помешательства — любовь.

Любовь...

Любовь лишает рассудка, а гнев отрезвляет его.

— Джон Хэнтон! — в ярости выкрикиваю имя мерзавца, как торнадо ворвавшись в его кабинет. — Акции «Интера мотор». Объяснись!

Мужчина в кресле только на мгновение теряет строгость лица.

— Мистер Хэнтон, я не смогла ее остановить, — за моей спиной оправдывается секретарь Джона,

Дэйзи.

— Все в порядке, — кивнул ей Джон. Женщина вышла, тихонько прикрыв за собой дверь.

— Акции продают, их покупают, — спокойно сказал мужчина, отложив бумаги в сторону. — Если ты так реагируешь на деловые процессы, принять на себя руководство было ошибкой.

— «Акции продают, их покупают»...? — мрачно повторила я. Костяшками пальцев упираюсь в гладкую поверхность рабочего стола и бесстрашно заглядываю в холодную сталь его глаз. С яростью в голосе говорю:

— Не в твоей природе оставлять что-либо вне собственного контроля. Нужно влезть в мое дело, нужно вмешаться в его работу и влиять на мои решения, ведь ты не согласен обладать только наполовину, тебе нужно завладеть всем! Наверное, так будет точнее, Джон?

В объяснениях своей позиции Хэнтон остался краток:

— Я хочу получить твою компанию, — невозмутимо и холодно сказал он мне. — Я ответил на твой вопрос?

В приступе безудержной ярости я хлопнула ладонью по столу.

Мужчина нахмурился.

— Столкнулась с проблемой, что оказалась тебе не по силам? — вдруг сказал он, откинувшись на спинку кресла. — Тебе не нравится, что акции твоей компании скупает персонально заинтересованное лицо. Хорошо, что ты будешь с этим делать?

— Будь ты трижды проклят, Хэнтон, — тихо выругалась я.

Джон скупает акции «Интера мотор» не только на бирже. До меня дошел слух, как запугали Эндрю Хогана, вынудив его продать Хэнтону самый внушительный пакет акций компании, что находился в частных руках. Как это грязно!

— Когда кто-то встает у тебя на пути, вымещать свой гнев, так как это делаешь сейчас ты, — самый, черт возьми, непродуктивный способ решения проблемы, — объявил Джон. Между нами возникла короткая тишина, градус конфликта остался прежним. — Если тебе по-прежнему важны мои мотивы... Да, Анна, я предпочитаю держать все под собственным контролем: тебя и все, что ты делаешь, в том числе! Мне так нужно, — тон его голоса вдруг переменялся, и уже мягче мужчина добавил:

— Так будет лучше и для тебя самой.

— Как благородно... — с хмурой иронией бросила я.

Джон поднялся с кресла и подошел ко мне. Взгляд его остается строгим, но ладонь мягко ложится к моей пылающей от гнева щеке, бескомпромиссно доказывая нежность, что даже сейчас мужчина испытывает ко мне.

— Ты плохо представляешь, какой грязной может быть игра в деле, в котором ты стремишься преуспеть... — говорит он мне. — То, что я делаю — необходимость.

Когда он склонился к моему лицу для поцелуя, я сразу сбросила его ладонь со своей щеки. Не говоря ни слова, громко хлопнула дверью, покинув серый кабинет Джона Хэнтона.

Любовь... Еще никогда прежде это возвышенное чувство к Джону не было таким приземленным.

Браво, Джон! Как предусмотрительно подождать, когда Ева Нельсон выполнит данное мне обещание, и завладеть компанией, средства из которой мне уже не вывести. Обладать «Интера мотор» — все равно что завладеть моей свободой. Джон Хэнтон отнял у меня мою свободу, предложив взамен только иллюзию о ней.

День близится к концу, в небе сгустились тучи. На Первую центральную улицу опустились первые капли дождя. Небоскреб Хэнтон на фоне хмурого неба кажется совсем темным.

В моменты отчаяния приходят лучшие идеи. Они приходят внезапно, и все сознание отныне охвачено только мыслями о них.

Идея, крепко засевшая в моей голове, требует от меня немедленных действий. Я не смогу есть, не смогу спать и не смогу думать о чем-то еще, пока цель не будет достигнута. Это как безумие. Эйфория. Взрывная волна, что переполняет меня энергией. Это одержимость!

На пути к машине я плечом задеваю случайных прохожих, проигнорировав их недовольные замечания. Сажусь в автомобиль, резко проворачиваю ключ, и машина срывается с места.

На пути к «Интера мотор» в небе разыгралась настоящая гроза. За окном сверкнула молния, где-то далеко прогрехотал гром. Начался штормовой ветер, а дворники едва справляются с ливневыми потоками, что хлещут по лобовому стеклу. Дорогу вижу плохо.

Пост охраны открывает шлагбаум, и я проезжаю на территорию завода. Заглушив машину у самых дверей высокого здания, вышла вон из теплого и сухого салона. Над головой дребезжит гигантская вывеска. Некоторое время провозившись с проржавевшим замком, ныряю в темноту производственных коридоров.

Времени, что я стояла под дождем, оказалось достаточно, чтобы вымокнуть насквозь. Перепрыгивая по несколько ступеней за раз, поднимаюсь на третий этаж. Вхожу в свой кабинет и, сбросив мокрое пальто, вынимаю из сейфа устав компании. Кабинет во мраке, только желтый свет настольной лампы хорошо освещает страницы очень старого документа на моем столе.

Палец скользит по плотным страницам, а губы нашептывают отпечатанные на их поверхности слова. С моих удлиненных мокрых волос на страницы соскальзывают капли. У меня все еще влажное лицо и холодные руки. Но неудобства мне не кажутся таковыми. Все мое внимание сосредоточено на крупных строчках из букв, формирующих слова и мысли.

Чувствую, как подбираюсь к цели, и всю меня охватывает волнительная дрожь, взгляд мечется быстрее, попутно ускоряется и темп сердца. Губы больше не формируют слов, выдавая лишь невнятные звуки.

Взгляд остановился, а сердце замерло.

Я несколько раз прочла две короткие строчки, окончательно убедившись в смысле изложенных на бумаге слов, и в тот же миг на моем лице растянулась злая улыбка. Догадка оказалась верна, в условиях этой реальности я могу беспрепятственно выпустить десятки, сотни и даже тысячи новых акций, никого не спрашивая ни о чем! Удивительно, что в этой реальности это остается все еще возможным.

Мои намерения, коли обретут форму — мошенничество, но этот мир пока еще не знает об этом.

Сложив устав на место в сейф, взамен беру маленькую металлическую табличку, укрытую плотной тканью, — модель для размножения акций на печатном станке весом в небольшую гирьку. Обняв табличку, тороплюсь в подвалы «Интера мотор».

Дверь в подвал заперта.

Я разозлилась.

У одного из складов я нашла лом. Когда вернулась к двери в подвал, безжалостно и с силой воткнула его в крупную щель между дверью и серой кирпичной стеной. Приложила усилие, но с первой попытки у меня ничего не вышло.

— Проклятие... — задыхаясь, выругалась я. Попробовала еще раз, так, что мышцы в руках заняли от напряжения. Раздался скрежет — большой старый замок сорвался с петель. Дверь распахнулась.

Дышу глубоко и громко.

Я выломала дверь в собственном предприятии...

Невероятно!

Пальцы разжались. Лом громко звякнул у самых ног.

Впереди тьма. Нащупываю рубильник на стене, и, преодолев первые сомнения, опускаю железный рычаг вниз: с треском замерцали лампы вдоль короткого темного коридора.

Я прошла вперед, до самого конца коридора, и вошла в широкую комнату с низким потолком. Здесь бочки, коробки и строительный инвентарь. Среди всех этих вещей есть что-то габаритное, накрытое плотной тканью: необдуманно и резко срываю ее. Поднялась пыль, и я закашлялась.

«Кто здесь?» — услышала я громоподобный голос за дверью.

— Анна Лоуренс, — сразу отвечаю я.

Послышались торопливые шаги, скрипнула дверь и на пороге появились сторож и его пес Бинго.

Очевидно, я была слишком шумной.

— Что вы здесь делаете? — признав во мне новую хозяйку компании, сторож складывает оружие за спиной.

— Мне нужно запустить печатный станок.

— Сегодня?

— Сейчас.

Прогредел гром, и сразу сверкнула молния. Пес заскулил, трусливо поджав хвост.

— Дверь сломали вы? — уточняет у меня сторож.

— Да.

Старик странно посмотрел на меня.

— У меня были ключи...

Печатный станок завода — устаревшая версия больших копировальных машин. Работает не от электричества. Очень старое оборудование, но в отличие от новых машин, принцип ее работы интуитивно прост: вручную прокручивается колесо, за счет чего опускается пресс, и под силой давления смазанная чернилами табличка оставляет отпечаток на листе бумаги.

— Им не пользовались уже лет семь, — задумчиво проговорил сторож. Огляделся и указал на шкаф у стены. — Таблички с образцами букв вы найдете в верхних ящиках, а чернила внизу, если еще не усохли.

— Вы знаете, как им пользоваться? — сразу спрашиваю я.

— Конечно. Я работал за станком три года. Пропускные талоны, инструкции, брошюры. Мог бы работать еще годы, но работа моя больше не нужна.

— Что вы делаете? — спрашиваю я, когда старик поднес к машине инструменты.

— Из него вынули пару деталей, чтобы не оставлять в рабочем состоянии. Ну, знаете, народ здесь всякий... Займет немного времени. Не волнуйтесь.

— Спасибо, — благодарю я и резко спрашиваю: — Для вас не нашли другой работы? Я подразумеваю странную смену квалификации из штатного машиниста печатной машины в сторожа.

— Меня уволили, когда завод сократил рабочий штат, для экономии. Мне не предложили никакой работы.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Живу, — просто ответил он. — Мне некуда идти, и я пытаюсь оправдать свое присутствие здесь. Стараюсь быть полезным, — старик улыбнулся. — То, что я делаю сейчас, — это взятка, чтобы вы понимали.

Я тоже улыбнулась, но робко. Оглядываюсь в поисках бумаги для печати.

— Не мое дело, конечно, но вам бы надеть что-нибудь теплее, — говорит мне сторож. — Работать в холоде и сырости всю ночь — очень плохая идея.

Опустив полезное замечание, спрашиваю:

— Где я могу найти бумагу для станка?

— Раньше она хранилась здесь... — затянув гайку, крепко задумался он. — Если мне не изменяет память, из-за сырости здесь бумагу унесли на склад.

— Я схожу за ней, пока вы заняты.

— Я помогу подготовить образец, — бросил он мне вслед.

— Образцом займусь я сама, — сказала я. Обернулась. — Благодарю вас за желание помочь.

— Это взятка, — упрямо объявил старик.

— Я помню.

Глава 3

Гроза кончилась, показалось солнце.

Из приоткрытого окна в своем кабинете слышу голоса прибывающих на завод рабочих.

Устало потерев веки подушечками пальцев, берусь за ручку; продолжаю ставить аккуратные подписи на новых акциях «Интера мотор» — 340 штук, столько мне удалось напечатать за ночь. Без сомнений, машина позволяет сделать больше, но для этого нужно набраться опыта. Несмотря на желание сделать все в одиночку и тайком, я всерьез задумалась над тем, чтобы привлечь к работе сторожа, в противном случае еще несколько таких ночей, и я упаду без чувств.

Уже к полудню я пришла в кабинет служащего фондовой биржи. Предполагала, что на соблюдение всех формальностей и порядка потребуется время, а на деле угрюмый служащий сверился только с положением устава «Интера мотор», принял акции и протянул мне расписку. Вот так запросто напечатанные мною за ночь акции попали на торги.

Я не ушла сразу. Я вышла в торговый зал и тихонько наблюдала за тем, как человек Хэнтон выкупил все акции моей компании. Все до последней. Без шума и быстро.

Я узнала, что акции «Интера мотор» доставляют Хэнтону на рабочий стол. Джон хранит их в своем сейфе. А это проблема.

Новые акции во всем идентичны первым, но... Если даже Джон каким-то чудом вдруг не посмотрит на мое имя в них, то запах свежей типографской краски рано или поздно привлечет его внимание, особенно когда акций в его сейфе станет много.

Пришлось немного подождать и, воспользовавшись отъездом Хэнтон в рабочую поездку в Юдеско, я организовала едва ли не круглосуточную работу печатного станка.

Следующие три дня на биржу поступало до трех тысяч акций «Интера мотор» ежедневно. К моему несказанному удовольствию люди Хэнтон забрали все. Слепая скупка акций остановилась только на четвертый день, когда из Юдеско вернулся сам Джон.

Когда я пытаюсь представить лицо Хэнтон в момент, когда ему открывается истина, на моем лице растягивается самодовольная и злая улыбка — ничего не могу с собой поделать, улыбку никак не стереть с моего лица. Мне удалось победить Джона в нашем маленьком состязании принципов, и пусть я сделала это не совсем честно, я своего добилась и невероятно довольна этим!

Но не теперь, когда стою перед порогом его дома, в котором живу сама.

Теперь мне улыбаться совсем не хочется. Вернулась способность не только относиться ко всему серьезно, но и мыслить так же.

Итак, Джон Хэнтон выкупил более 10 000 «пустых» акций «Интера мотор», находящиеся в моей персональной собственности. 128 миллионов — такую сумму заплатил мне Джон. Компания не стоит и половины этих денег.

Я представила, что могла бы сделать с таким состоянием...

Стало грустно.

Поскольку в моих планах все-таки проучить Джона, а не грабить его, намереваюсь вернуть Хэнтону его деньги в обмен на акции «Интера мотор». Так Джон вернет десятую часть своего состояния, а я — компанию.

Утвердившись в мыслях и намерениях, храбро переступаю порог дома. Прислуга принимает у меня верхнюю одежду. Мне навстречу идет дворецкий.

— Мисс Лоуренс, — коротким кивком приветствует он. — Прошу вас, поднимитесь к мистеру Хэнтону, он ждет вас в своем кабинете.

— Переоденусь и сразу к нему...

— Немедленно, — робко добавил он, и я с подозрением смотрю на мужчину. Это не его слова. Это Хэнтон в своем распоряжении был резок с ним.

— Хорошо, — соглашаюсь я. Без колебаний поднимаюсь вверх по лестнице, сразу свернув влево. Осторожно подхожу к рабочему кабинету. Дверь приоткрыта. Прислушиваюсь — тишина. Коснувшись кончиками пальцев, тихонько толкаю дверь, заглянув внутрь. В кабинете пусто.

Не похоже, чтобы меня здесь очень ждали...

Медленно прохожу внутрь. С любопытством смотрю на стопки бумаг на столе Хэнтон, аккуратно перевязанные белой бечевочной нитью, — акции «Интера мотор» с моей подписью на них.

По другую сторону стола мое внимание привлёк отчет с большими машинописными буквами «ИНТЕРА МОТОР». Беру отчет. Перелистываю тонкие серые страницы с указанием сумм, затраченных на покупку акций: месяц назад это были тысячи, а последние четыре дня — уже миллионы. Последняя страница сильно смята, и я представила, как Джон сжал пальцы на ней, когда увидел финальную цифру расхода. Не хотелось бы мне в тот миг быть где-то рядом...

— Здравствуй, Анна.

По телу пробежала дрожь. Я трусливо обернулась, а Хэнтон демонстративно облокотился плечом к дверному косяку, перегородив мне всякую возможность отступления. В руках его бокал с бренди.

— Они должны были поставить в известность, когда сумма достигла пятидесяти миллионов, но не сделали этого, даже когда перевалило за сто, — спокойно проговорил он. — Я уволил их всех.

— Брокер, что не разобрался в ценности акций, достоин этого, — хладнокровно говорю я, несколько не переживая об участии ответственных за это людей. Затаив дыхание смотрю на него, а он с упрёком смотрит на меня.

— Это мошенничество, — констатирует Джон, подразумевая выкупленные им стопки ничего не стоящих бумаг на своем столе.

— Подай на меня в суд, — необдуманно дерзнула я и сразу об этом пожалела. В серых глазах сверкнула сталь, и я поспешно предлагаю:

— Верни мне акции — все, а я верну тебе деньги. Тоже все.

Совсем не поменявшись в лице, мужчина молча отлипает от дверного косяка.

— Как интересно, — со странной улыбкой заметил Джон. Медленно направляется к окну.

Проходят мучительные секунды, прежде чем он заговорил опять:

— «Интера мотор» останется за мной, — решил он. — Верни мне деньги, Анна, и я буду согласен забыть о том, что ты сделала.

— Ты спятил?

— Я могу запереть тебя в этом доме до тех пор, пока ко мне не вернутся мои миллионы, — предупреждает он. Я разозлилась. — Давай попробуем еще раз... — Говорит так, будто предоставляет мне последнюю возможность. — Где мои деньги, Анна?

— Посмотри в банке, — огрызнулась я.

Мужчина подошел ко мне. Стоит близко. Взгляд у него до неприятного пронизательный. Я ненавижу этот взгляд. Под ним обнажается сама душа.

— А если я предположу, что ты их держишь в одной из камер хранения Данфорда? — уверенно сказал Джон, и я нахмурилась.

Выражение моего лица — непростительная ошибка!

Хэнтон поставил бокал с бренди на стол.

— Так-то, дорогая, — без улыбки объявил он. — Ты останешься здесь до тех пор, пока Джеферсон во всем не разберется.

Меня затрясло от гнева и обиды. Как же глупо я выдала себя!

Широким твердым шагом Джон вышел из кабинета. Я помчалась вслед за ним, опередив его на лестнице.

— Остановите ее! — прогремел Джон, и прислуга на дверях сразу преградила мне путь на улицу. Лица, что мне совсем недавно улыбались, теперь камены и бесстрастны.

— Прочь с дороги, — разозлилась я.

— Невозможно, мисс.

— Сэр, — на шум вышел дворецкий.

— Мистер Батлер, — позвал его Хэнтон, преодолев последнюю ступень. Говорит громко. — С этого момента мисс Лоуренс запрещено покидать дом. Ни под каким предлогом не выпускать ее за порог. Оповестите прислугу.

— Да, сэр, — безропотно повинуетя Батлер. Сразу уходит.

Взгляд Джона метнулся ко мне.

— Или мы упростим друг другу задачу? — предлагает он.

Щеки вспыхнули, глаза сверкнули, и, не сказав ему и слова, я убегаю вверх по лестнице. Чувства подлинные, но даже они не заставили бы меня проявить себя так недостойно как сейчас, если бы не цель.

В комнате Джона — или, точнее сказать, в нашей с ним комнате — запираю дверь на замок. Распахнув дверцы высокого резного шкафа, хватаю самые необходимые из своих вещей — мои документы. Тороплюсь к окну. Прощупав прочную серую раму, цепляюсь за нижний край и пытаюсь поднять ее вверх. Сделать это невероятно тяжело, а еще всякий дюйм вверх сопровождается жутким звуком.

Проклятое окно!

В дверь тихонько постучались, и я замерла.

— Анна, — позвал Джон. Пытается открыть дверь, но она не поддается. — Я хочу поговорить с тобой.

Голос мягкий. Наверное, я перестаралась с демонстрацией обиды, потому что этот мужчина настроен на утешительные беседы.

С тревогой оцениваю проделанную мной работу. Мне хотелось бы верить, что имеющегося отверстия достаточно, чтобы перебраться через окно и выбраться наружу, но это не так. Раму нужно поднять еще выше, но тогда Джон неизбежно услышит этот страшный скрежет.

— Я не хочу с тобой ни о чем говорить! — крикнула я, маскируя злостью сильное волнение в голосе.

— Открой дверь, — настаивает Джон.

— Нет! — крикнула я, в ту же секунду с силой дернув раму вверх. Скрежет получился страшный.

— Анна? — голос Хэнтон потерял былую мягкость. Дверь загрохотала. — Открой дверь. Сейчас же!

Я полезла через окно. Ноги и бедра протиснулись легко, а вот в груди я пролезла с трудом.

Чувствую прохладу улицы. Вдалеке сверкнула хромированная сталь, и мой взгляд ненадолго уткнулся на черную машину, что въезжает во владения Хэнтон, а затем взгляд пугливо метнулся в комнату Джона. В дверь больше не стучат, ее выламывают.

Я поспешно опустила на корточки и тихонько поползла по карнизу между вторым и первым этажами особняка. Передвигаюсь медленно и осторожно, ведь в случае ошибки... высота до земли большая. Если придется падать, на благоприятный исход не приходится рассчитывать слишком сильно.

Шифер под ногами неприятно хрустит. Это страшно. Вопреки здравому смыслу продолжаю двигаться строго вперед.

Я почти достигла края карниза, когда, несмотря на всю мою осторожность, поверхность под ногами стремительно покатила по наклонной плоскости, и я вместе с ней. Я не могу даже кричать. Хватаюсь за все подряд, только в последний момент уцепившись за водосток, локтем и коленкой упираюсь в него. Я в ужасе.

Хлопнула дверь автомобиля.

— Господи, Анна! — откуда-то снизу завопил Майкл. — Не шевелись!

Еще несколько кусочков красного шифера скатились вниз, и я вижу, как они вдребезги разбиваются о землю, совсем рядом с Майклом.

Крепко цепляясь за водосток карниза, ползу к торцу дома. Хватаюсь за железную лестницу и по холодным перекладинам быстро спускаюсь к земле.

— Анна! — воскликнул подоспевший ко мне Майкл, когда я спрыгнула на землю. У мужчины взволнованное лицо. — Ты в порядке?

— Дай мне ключи от машины, — потребовала я, вытянув к нему ладонь. Майкл рассеяно вынимает ключи из кармана, а когда я потянулась за ними, мужчина вдруг опомнился и оттянул руку назад.

— Джон будет недоволен? — все еще потрясенный, спрашивает он.

Я отрицательно мотнула головой, а когда вырвала из его рук ключи, вдруг говорю:

— Да.

Быстро бегу к его машине и сажусь в салон из светлой кожи. Майкл от меня не отстает.

— Насколько он будет недоволен? — на ходу кричит он, когда в дверях дома появился Джон. Смотрю на тревожное и злое лицо Хэнтонна и сразу перевожу взгляд на Майкла, честно сообщив:

— В ключья порвет, если я уеду на твоей машине, а ты останешься здесь.

Гроуз побледнел.

— Я с тобой! — заявил Майкл и бросился в салон.

За машиной торопится прислуга. Я выкрутила руль и выдала педаль газа, машина резво развернулась и помчалась за границу владений Джона Хэнтонна.

По неровным дорогам мчусь, сильно выжимая газ.

Ощущаю торжество, сопряженное с диким страхом.

От владений Хэнтонна мы еще не успели далеко уехать, когда Майкл опомнился и вдруг сказал:

— Мы должны вернуться.

— Что? — усмехнулась я, а когда посмотрела на его серьезное лицо, перестала улыбаться. — Нет.

— Что бы между вами ни случилось, я не желаю участвовать в этом. Хэнтон с меня три шкуры спустит!

— Майкл, ты трус.

— Останови машину, — голос мужчины становится резким.

— Нет, — все равно говорю я.

— Анна, это моя машина! Остановись сейчас же! — злится Майкл, а я все равно упрямо мотаю головой.

Рука мужчины нырнула в бардачок. Из него он вынул небольшой в размерах пистолет, твердой рукой наставив оружие на меня.

— Ты рехнулся?! — опешила я.

— Я не знаю, как еще могу повлиять на тебя, — очень решительно говорит мне Майкл. — Анна, останови машину!

С тревогой смотрю на оружие в его руках. Конечно, он не может всерьез рассматривать возможность использовать его, и все же... Майкл наставил на меня оружие. Мне страшно.

— И что потом? — немного сбавив скорость, спрашиваю я.

— Мы вернемся во владения Хэнтонна. Вместе.

Я крепко разозлилась.

— Я знаю тебя, Майкл. Ты этого не сделаешь!

Автомобиль сильно подпрыгнул на неровности, и раздался выстрел. Я ударила по тормозам, и машина резко встала. Я чуть не умерла от страха. Боковое стекло с моей стороны разбито, а на лице Майкла отразилась безобразная маска подлинного ужаса.

Тихо. Мелкие осколки все еще осыпаются с битого стекла.

— Предохранитель, — голосом, лишенным жизни, сказал Майкл и глупо уставился на пистолет.

— Проваливай из машины, — процедила я. Мой голос еще никогда не звучал так страшно.

— Это моя машина, — опрометчиво заметил Майкл, и я сразу принялась колотить его в плечо.

— Выметайся!

Страх и гнев сообща становятся источником невероятной силы. Я буквально вышвырнула Майкла из машины в лучших традициях бандитского жанра. При обычных обстоятельствах у меня едва хватило бы на это решимости и сил.

Дала по газам — по инерции захлопнулась пассажирская дверь.

Майкл Гроуз, совершенно потерянный, недоуменно смотрит вслед удаляющемуся автомобилю. Когда машина окончательно скрылась за поворотом, он поднялся, отряхнулся и побрел к особняку Хэнтон, весь путь осмысливая случившееся.

В доме Джона ему предложили отрезвляющий чувства виски.

— Она угнала мою машину! — возмущен Майкл. Мужчина одним глотком осушил свой бокал и поставил его на стол, рядом с Хэнтоном.

Джон равнодушно посмотрел на Гроуза, плеснув ему в бокал еще виски. Молча наблюдает за тем, как Майкл мерит шагами широкую гостиную.

— Она ограбила меня! — горячо продолжает Майкл, и на его лице будто бы отразился восторг.

Джон нахмурился.

— Когда я думаю, что понял эту женщину, всякий раз оказываюсь неправ, — задумчиво проговорил Хэнтон. — Предположить не мог, что она способна на такое безумие.

— Решительность похожа на безумие, но это не одно и то же, — заявил Майкл. Остановился и, глядя на Джона, осторожно добавил:

— Может, у нее были веские причины поступить так?

— Она полезла по карнизу, неоправданно рискнув своей жизнью, — разозлился Хэнтон. — Какими бы ни были причины, это не кажется безумным, это и есть безумие! Угнать твою машину — это решительно.

Майкл спорить не стал. У него вдруг задрожала рука, будто пистолет все еще был в его ладони. Он взял бокал с виски, поднес к губам, в один большой глоток опять осушив его.

Нет, Джону он ни в чем не признается, а с Анной нужно поговорить. Она разозлилась. Это хорошо. Злость лучше слез. Он совершил глупую оплошность, а она забрала его машину — квиты. Так думает Майкл.

— Что у вас случилось? — спросил Гроуз и упал в кресло.

— Она ограбила меня, — спокойно сказал Джон.

Сначала на лице Майкла растянулась недоверчивая улыбка, а потом он рассмеялся.

— Стального короля и железнодорожного магната ограбила Анна Лоуренс. Я не могу в это поверить!

— Что в этом смешного? — мрачно заметил Хэнтон.

— Джон, это невероятно смешно! — смех Майкла опять наполнил большую гостиную.

В этот миг на лице Джона Хэнтон появилась веселая ухмылка. Истина и вправду необычна.

Я отправилась на другой конец города, к единственному близкому человеку, что у меня еще есть. Дверь в квартиру на Второй центральной улице открыла Ева. На ней белое платье с глубоким декольте. Платье целиком усыпано сиянием мелких блесков.

— Анна? — подруга вглядывается мне в лицо и втаскивает в квартиру. — Что случилось?

— Мне нужно остаться у тебя до утра, — смотрю на ее красивое платье. — Если это возможно, конечно.

— Ну конечно, возможно, — взгляд у женщины очень решительный. — Ты в порядке?

— Да, — протянула я. И пока от Евы не посыпались новые вопросы, говорю:

— Не спрашивай меня ни о чем. Не сейчас.

Воспользовавшись ее коротким замешательством, я сразу унеслась в ванную и встала под холодный душ, смывая с себя ужас сегодняшнего дня.

Майкл... Как можно было забыть про предохранитель? Глупец!

Я потрясена решением Хэнтон. Я была уверена, что он согласится вернуть мне компанию в обмен на свои деньги, но он этого не сделал. Упрямец!

А потом я вспомнила, как лезла по карнизу...

Этот день — что-то невыносимое.

После душа я натянула пижаму, что приготовила для меня Ева. К тому времени, когда я вышла в гостиную, женщина сменила свое замечательное белое платье на домашнюю одежду.

— Ты куда-то собиралась, — виновато говорю ей я. — Я помешала. Прости.

— Не говори ерунды, — отмахнулась Ева. Растянувшись на диване с сигаретой между пальцев, женщина внимательно следит за моими перемещениями по квартире. По ее горящему любопытством взгляду понимаю, ответить на некоторые вопросы мне все же придется.

Я села в кресло с цветочным рисунком.

Квартира Евы вся в цветах... Огромный розовый букет рассыпан в широкой вазе на столе. Обои здесь в коричневых пионах. Застежки на светлых шторах выглядят как розы.

— Что с тобой случилось? — тихонько спросила Ева. Мой взгляд вернулся к ней.

За чашкой согревающего чая я рассказала все. Вот только о том, что сделал Майкл, умолчала. Как бы я ни злилась сейчас на Гроуза, знаю, что молчать буду не только сейчас, а всегда. Майкл совершил непростительную глупость, но он мой друг.

Все время, что я говорила, Ева слушала внимательно и спокойно, только изредка о чем-то спрашивала меня. А когда рассказ закончился совсем, женщина спросила:

— Что будешь делать теперь?

— Уеду в Стилдон.

— Почему в Стилдон?

— Там есть нефть, — сказала я и сразу задумалась. — Она должна быть там.

Изящные брови Евы удивленно взметнулись вверх. Прямо как в рекламе, когда привлекательная женщина делает поразительно круглые глаза и сворачивает губы в трубочку.

— Постой... — попросила Ева. Собирается с мыслями, слегка сощурился свой взгляд. — С чего ты взяла, что в Стилдоне есть нефть? И что с «Интера мотор», ты всерьез решила бросить все?

— Компания больше мне не принадлежит, — резко говорю я. — «Интера мотор» и все, что с ней связано, — теперь забота Джона. Не моя.

Сказала эти слова, и стало больно.

— Когда ты все это решила? — спрашивает Ева. Взгляд у нее сочувствующий.

— Сейчас.

В воздухе повисла долгая тишина.

— Милая, ты в своем уме?

— Да, — спокойно говорю я.

С подозрением смотрю на подругу. Кажется, в здравости моего рассудка она крепко сомневается.

— На чем ты собираешься ехать в Стилдон? — спрашивает она.

— На стилпоезде.

— В Стилдон не ходят стилпоезда, дорога закончится много раньше.

— Правда? — удивилась я. Я считала, что на стилпоезде можно добраться куда угодно. Судя по всему, это не так. — Ну, хорошо, поеду на стилпоезде сколько получится, а дальше на такси.

У женщины приоткрылись губы. Кажется, она потрясена.

— У тебя есть хоть какое-нибудь представление о месте, куда ты направляешься? — с раздражением требует она.

— Нет.

— Стилдон мертв! Там нет такси. В Стилдоне нет городского комфорта и безопасности. Одумайся, Анна.

— Я хотела предложить тебе поехать со мной, — дружелюбно улыбнулась ей я.

Ева фыркнула.

— Я еду завтра. «Хьюго гранд» на дороге твой? — спрашиваю я.

— Даже думать забудь, «Хьюго» не дам, — отрезала женщина. Заметно волнуется. — Купи себе машину. Денег у тебя достаточно.

— Денег достаточно, а времени нет. Машина нужна завтра утром.

— К чему такая спешка?

— Ты знаешь Хэнтон не так хорошо, как знаю этого мерзавца я.

— Я его совсем не знаю, — деликатно поправила Ева. —

Свет в гостиной горел недолго. Я убедила Еву в непоколебимости своих намерений; женщина наконец сдалась. Она нехотя пообещала что-нибудь придумать с машиной, а мне велела отправляться в комнату и крепко выспаться, обронив в надежде, что к утру я не стану придерживаться плохого плана.

Глава 4

— Что с машиной? — Ева уставилась на разбитое окно автомобиля Майкла Гроуза, припаркованного в тени между двух домов на Второй центральной улице.

— Это случайность, — уклончиво говорю я и протягиваю Еве желтый конверт. — Пусть твой водитель привезет машину по этому адресу и оставит письмо на сидении.

Ева кивнула.

— Спасибо, — поблагодарила я подругу, а потом огляделась в поисках обещанной мне машины. — Ну, где «Дейсмо»?

— Скоро должен быть. Подожди немного.

— Я думала, машина уже припаркована где-то здесь, — растерялась я.

— Не волнуйся, — улыбнулась мне Ева. Почти сразу взгляд ее метнулся к дороге, и улыбка на лице стала шире. — А вот и он.

Я обернулась. Небесно-голубой «Дейсмо» вырулил к обочине и припарковался рядом с нами. Смотрю на водителя... у меня приоткрылись губы от изумления.

— Не может быть, — протянула я.

— Мистер Коллинс, — приятно улыбнулась ему Ева, когда Клайд поднялся из машины. — Я очень рада видеть вас.

— Это взаимно, мисс Нельсон, — сказал ей Клайд, а затем его взгляд обратился ко мне. — Анна.

— Здравствуй, Клайд, — проговорила я так, будто вижу призрак. Прошло столько времени...

Я опять смотрю на «Дейсмо», крепко усомнившись, что мужчина здесь только для того, чтобы привезти мне машину. Спрашиваю:

— Что ты здесь делаешь?

— Я еду с тобой в Стилдон.

Я разозлилась.

— Почему ты мне ничего не сказала? — обрушилась я на Еву. Сама женщина несколько не чувствует за собой вины.

— На то они и сюрпризы, что о них узнают только в нужный момент.

Ах ты лиса!

— Клайд, что бы она тебе ни сказала, я не нуждаюсь в компании. Я справлюсь сама, — решительно говорю я. — Просто дай мне ключи, и все.

Протягиваю руку, но мужчина не торопится отдать мне ключи от машины.

— Мисс Нельсон права, в Стилдоне может быть опасно, — спокойно говорит мне Коллинс. — Ехать одной неразумно.

Я нахмурилась.

— Не упрямясь! — вмешалась Ева. — Я же глаз не сомкну, если ты отправишься в Стилдон одна.

Стилдон... Что это за место такое, что всякий предостерегает меня о возможных опасностях там? Учитывая, что со мной было... мне вообще трудно представить место опаснее самого Данфорда.

— Сейчас не время быть упрямой, — опять говорит мне Ева. Смотрит на меня, а я, уперев руки в бока, смотрю на нее. Потом мой взгляд переместился к Клайду.

С очевидной неохотой соглашаюсь.

Я обошла Коллинса и села в машину.

Смотрю, как Клайд и Ева тихонько говорят о чем-то. Нахмурилась. Почему Ева вообще нашла возможным обратиться к Коллинсу? Эти двое настолько хорошо поладили, что поддерживают связь

друг с другом до сих пор?

Когда Клайд сел в машину, Ева склонилась к открытому окошку с моей стороны.

— Я сделала это, потому что люблю тебя, — с нежной улыбкой сказала мне она.

— Я знаю это. Спасибо, — ответ мой был искренним, хотя прозвучал сухо. Я попыталась улыбнуться. Вышло неубедительно.

Ева отступила от машины.

Двигатель заработал громче, и, когда автомобиль уже тронулся, Ева крикнула вслед:

— Удачи вам!

Июнь. Стоит жара.

Люди устали от ливневых дождей и вышли на улицы в платьях и легких рубашках, зонтами, укрывшись теперь уже от лучей палящего солнца.

Мне вдруг тоже захотелось сменить брюки на легкое невесомое платье. Посидеть в уютном кафе или погулять по улицам... Кажется, начинаю уставать мчаться куда-то. Хочется остановиться и просто отдохнуть.

— Ева убедила тебя, будто я не в себе. Поэтому ты согласился ехать со мной? — серьезно спрашиваю я.

Смотрю в окно. Чем дальше от центра, тем ниже дома.

— Ехать в Стилдон в поисках нефти не кажется мне странной затеей, когда речь идет о тебе, — объясняет Клайд. — Но ты едешь в Стилдон, а там небезопасно. Я разделяю тревоги мисс Нельсон. Ехать одной тебе нельзя.

Остаюсь спокойной. Ничего не говорю в ответ.

Коротко взглянув на меня, Коллинс сказал:

— Я согласился тебе помочь. Можешь меня за это поблагодарить.

— Я не просила о помощи. Ты навязал мне свою компанию. И Ева тоже.

Мы проезжаем закусочные и магазины. Скоро начнется промышленный район. Скоро я увижу «Интера мотор», оттого стало совсем грустно.

У меня были грандиозные планы! Я надеялась воплотить в жизнь блестящую идею. Мои знания будущего и мой энтузиазм — ведь все могло получиться.

Ох, Джон... Какие же мы упрямые! Как два скоростных поезда, что сошлись на одних рельсах, и никто не согласился уступить другому дорогу, хотя для этого были все возможности. Мы столкнулись — случилась катастрофа...

Раздался слабый щелчок. Это Коллинс достал из бардачка бумажную карту.

— Здесь обозначены места стоянки для сна, еды и заправки, — сказал он мне, вручив мне карту в руки. — Ты — штурман.

Бумажная карта?

Растягиваю большую цветную картинку у себя на коленях. К этому нужно привыкнуть.

— Никогда не пользовалась дорожной картой? — заметив озабоченность на моем лице, спрашивает Клайд.

— Я справлюсь.

Мы проехали пригород Данфорда, вышли на трассу межгородского сообщения и сразу попали в транспортный коллапс. Машины длинными колонами в три полосы стоят в очереди заплатить транспортный налог.

С нами поравнялась маленькая красная машина. На крыше два велосипеда, весла и каяк. Супруги спорят о чем-то, дети дурачатся. Я дружелюбно улыбнулась самому маленькому из троих, а он нагло показал мне язык.

Пекло. Шум. Скука.

Колона впереди еле движется...

— Как думаешь, почему Анна ушла, а я появилась вместо нее? — вдруг спросила я.

Мой вопрос для Клайда стал неожиданностью.

— Я никогда не приму мысль, что я результат чьего-то безумия, — сразу пояснила я. — Но готова ненадолго представить что я — выдумка Анны Лоуренс и хочу поговорить с тобой об этом. Я хочу знать, что заставляет тебя думать, что я — плод ее воображения.

— Виктория, по-другому и быть не может... — не сразу и осторожно проговорил Клайд.

— Не говори мне о возможном и невозможном, — без гнева перебила его я. — Я хочу услышать мнение доктора, который в этом разбирается, и все.

Впереди началось движение, колонна медленно поползла вперед.

— Каким человеком тебе представляется Анна Лоуренс? — немного обдумав, спросил меня Клайд. — Подбери для этого одно слово.

— Слабость, — сразу говорю я.

— О тебе можно сказать то же?

— Не думаю...

— Когда Анна не смогла справиться с тем, что с ней случилось, ей понадобилась помощь. Ей нужен был кто-то, кто существует за рамками той жизни, в которых существует она сама. У тебя, Виктория, другая оценка действительности, иные моральные устои. Ты не боишься того, чего боялась она. Ты — та, в ком она нуждалась.

— Чтобы спасти ее?

Клайд не ответил прямо.

— Ты знала, что в августе 56-ого она обращалась за юридической консультацией в социальную службу, — сказал он. А потом засомневался. — Или это сделала ты?

— Это была не я. Считаешь, она пыталась аннулировать брак с Томом?

— Думаю, что так...

— Ей бы там не помогли! — припомнив, что было на суде, уверенно говорю я. — Зачем она пошла к ним?

— Адвокат стоит денег, Виктория, бывает, что больших. У нее их не было.

— Ладно... Предположим, ей очень нужен был юрист, — согласилась я. — Но все равно мои знания бесполезны для решения ее проблемы. Здесь все по-другому... В том, что в слушании удалось победить, заслуга обстоятельств.

— Не в знаниях дело, — говорит Клайд. — Твоя убежденность в том, кто ты есть — вот что имеет значение. Ты бы добилась слушания, несмотря ни на что. Без Хэнтон был бы только другим исход. Возможно.

При упоминании Хэнтон возникла некоторая неловкость. Но ненадолго.

— Выходит, сознание Анны наделило меня теми качествами, которые были необходимы для того, чтобы решить ее проблемы? Ты так думаешь?

Когда очередь заплатить транспортный налог подошла к нам, Клайд, вытянув руку из машины, отдал несколько медных монет служащему в тесной будке. Бело-красный шлагбаум перед машиной поднялся, и небесно-голубой «Дейсмо» взял плавный разгон.

— Ты когда-нибудь сравнивала себя и Анну? — спросил Клайд.

— Мне пришлось какое-то время быть ею, так что — да, я сравнивала.

— Какой результат?

— Мы разные во всем, — не задумываясь, говорю я.

— Прямая ей противоположность, — добавил Коллинс. — Есть что-то, что могло бы тебе понравиться в ней? Что угодно... ее внешность, ее характер, личные вещи? Может, тебе привлекателен ее образ жизни?

— Мне непривлекательна вся ее жизнь.

Смотрю на Коллинса. Мне не нравится этот взгляд.

— Ты — та, кем она хотела быть в самое тяжелое время своей жизни...

— Кем угодно, только не собой.

Отчего-то стало страшно. Неужели Клайду удалось меня в чем-то убедить?

Нет! Никогда не приму эту мысль. Никогда...

— Моя жизнь не выдумка, — совсем тихо, но упрямо проговорила я, будто желая себя убедить в этом.

Стилдон — это не только возможность обрести свободу в этом непростом мире; еще это способ, наконец, разобраться в том, кто я.

В Стилдоне я буду искать нефть, а знания о ней принадлежат моей прошлой жизни. Если черный фонтан в Стилдоне ударит в небо, сомневаться ни в чем не придется. А если нефти не будет, значит, это знание — еще одна выдумка Анны Лоуренс. Причин сомневаться тоже не будет...

— Почему ты решила, что в Стилдоне есть нефть? — вдруг спросил меня Коллинс. Мужчина будто знал, о чем я думаю прямо сейчас. Удивленно смотрю на него.

— Я знаю место, где она должна быть, — уклончиво говорю я.

— Даже если ты найдешь это место... Для этого понадобятся деньги. Много.

— Денег Хэнтон будет достаточно.

Смотрю в пейзажи за окном небесно-голубого «Дейсмо». Дома, магазины и другие признаки городской жизни остались позади, а впереди — зеленые деревья по обе стороны дороги и редкие дорожные знаки.

Задача штурмана мне далась нелегко. Каждый раз, всматриваясь в карту, я хотела увеличить разрешение, в точности как в телефоне или планшете. Неосознанно я даже водила пальцами по карте, повторяя характерные для этого движения, за что получила от Коллинса вопрос, на который не захотела дать ответ.

Карта в бумажном исполнении не показывает всех существующих по факту дорог. От этого возникли проблемы. Мне не стоило быть такой самонадеянной, следовало спросить совета у Клайда.

Но я так не сделала. Свернули мы в ложном направлении.

Ошибка стала очевидна, когда мы наткнулись на фермерские угодья — это был тупик.

Коллинс отнесся ко всему спокойно. Он разложил карту на капоте и разобрался, где мы, а потом, коротко озвучив несколько советов, как пользоваться ею, опять вручил карту мне.

— Ты все еще штурман, — сказал он.

Мы вернулись к главной дороге. Солнце уходит в закат, а высокие зеленые деревья вдоль дороги уже оставляют длинные тени. Это значит, что ошибка стоила нам трех часов пути.

Указатель Форклода мы миновали уже по темноте.

Форклюд. Здесь узкие улицы, белые заборы и похожие один на другой красивые дома. Вдоль улиц светят фонари. В окнах домов горит свет.

В этом городе живут родители Анны, супруги Лоуренс. Как они?

После слушания я к ним ни разу не приехала и не сделала ни одного телефонного звонка. Это нехорошо.

Коллинс догадывается, о чем я думаю, и предлагает сделать остановку. Мне совсем не хочется соглашаться, но какая-то сила заставила меня поступить правильно, и я попросила мужчину остановиться на улице Лоуклау, у дома 13.

Я должна убедиться, что у них все хорошо, не из чувства какой-нибудь личной привязанности к этим людям, а из уважения к самой Анне. Ведь это ее родители. Если Анна и вправду заняла мое место, я бы хотела, чтобы моя семья ею тоже не была забыта.

Машина остановилась у белого забора дома 13. К тому времени, когда я прошла через калитку, Бенджамин Лоуренс ступил на крыльцо дома. Должно быть, он увидел «Дейсмо» в окно.

Я замерла. Смотрю на мистера Лоуренса, а он смотрит на меня.

У меня будто сердце остановилось. Я с трудом могу даже дышать.

Мужчина быстро спустился по узким ступенькам, подошел ко мне и крепко обнял. Обнимаю его в ответ. В моем жесте чувствуется неловкость.

— Как ты? — спрашиваю его я. Голос дрогнул.

Высокий мужчина очень медленно разомкнул объятия.

— У меня все хорошо, — солгал он. — А у тебя?

— Все хорошо, — тоже солгала я. Помолчала немного. — Как мама?

— Мама не готова встретиться с тобой, — прямо сказал мистер Лоуренс. Мне стало грустно.

— Джон Хэнтон хорошо с тобой обращается? — вдруг спросил он. Эти слова дались мужчине нелегко. Услышать их из уст этого человека было не легче.

— Анна? — позвал мистер Лоуренс, когда молчание совсем затянулось. У меня приоткрылись губы, но я не смогла ответить ничего вразумительного. — С тобой все в порядке?

Взгляд мужчины сосредоточился на приближающейся фигуре Коллинса у меня за спиной.

Клайд встал по правую сторону моего плеча и протянул Бену руку.

— Меня зовут Клайд Коллинс. Я сопровождаю мисс Лоуренс в путешествии.

Бен пожал ему руку в ответ.

— Вы работаете на мистера Хэнтона?

— Он не работает на Хэнтон, — вместо Коллинса со злостью говорю я. Осеклась, но было уже поздно. Мистер Лоуренс всерьез забеспокоился. — Нам пора...

Я хотела, чтобы голос мой звучал спокойно, но все равно получилось резко.

Вмешался Клайд.

— Нам действительно пора, — спокойно сказал он. Обратив на меня взгляд, говорит:

— Возвращайся в машину. Я еще немного поговорю с мистером Лоуренсом.

— До свидания, папа, — сразу сказала я. Еще раз с той же неловкостью обнимаю Бена, и тот рассеянно прощается со мной в ответ.

Не затягивая момент, возвращаюсь к машине. Уже из «Дейсмо» наблюдаю, как мужчины разговаривают.

Совсем скоро лицо мистера Лоуренса перестало быть тревожным, а губы растянулись в спокойной улыбке. Кажется, Клайду удалось поправить ситуацию. Это хорошо.

Мужчины опять пожали друг другу руки, и Клайд вернулся в машину.

— Ни о чем не волнуйся, — сказал он мне. Коллинс провернул ключ в замке зажигания, заработал двигатель. — Бенджамин Лоуренс спокоен за тебя.

Смотрю на Клайда и говорю:

— Спасибо.

Уголок рта на лице мужчины легонько приподнялся вверх.

Двигатель заработал громче. Машина неторопливо движется на юг.

В утро нового дня опять стоит жара. Боюсь подумать, какое пекло будет в полдень.

Небесно-голубой «Дейсмо» завернул к придорожному кафе «Миссис Харис». Коллинс остался с машиной на заправке, а я пошла в само кафе заказать нам завтрак.

В утро выходного дня в придорожном кафе много людей. Большие столы занимают семьи или компании друзей. Сильно шумят дети.

Я заняла место у окна. «Дейсмо» из него видно очень хорошо.

— Что тебе, хорошая? — официантка в козырьке и в белом фартуке приготовила ручку и блокнот. Улыбается мне.

В любом густонаселенном городе не увидать девушки в должности официанта, но в дороге в кафе вроде этого — запросто.

Я озвучила заказ. К просьбе принести мне кофе покрепче девушка отнеслась спокойно, с чем редко столкнешься в Данфорде.

Перед окнами кафе паркуется красный прогулочный автомобиль. Название у дорогой машины «Модель номер 4». Из салона широкого кабриолета эффектно выбирается парень в белой рубашке. На шее у него аккуратно завязан тонкий платок. Вслед за ним из машины поднялись еще двое. Тот, что в голубой рубашке, провел рукой по волосам, подмигнув своему отражению в полированном кузове машины. Втроем друзья вваливаются в кафе, расположившись у стойки бара. Девушка-подросток не может оторвать от них глаз. Ее старший брат смотрит туда же, вот только взгляд у него недовольный. Их родители этого совсем не видят.

— Надеюсь, ты любишь блинчики, — уткнувшись в дорожную карту, говорю я Коллинсу, когда он сел напротив. Блинчики уже перед ним на столе, а мой заказ еще не принесли. Как так?

— Уже решила, каким будет маршрут? — спрашивает Клайд.

— Проедем мост «Карнеги» и по прямой до самого мотеля.

— Ты хочешь ехать через Форстонское шоссе? — уточняет он. Я кивнула. — На заправке слышал, там был разлив реки после дождей. Дорога в плохом состоянии, ее начнут восстанавливать только в августе.

— Выходит, по шоссе мы не проедем?

— Я бы не стал рисковать.

— Тогда... — задумалась я. — Выйдем на шоссе и через миль десять свернем вправо. Не уверена, что там будет асфальт.

Показываю карту Коллинсу. С моими опасениями мужчина согласился.

— При таком маршруте дорога займет больше времени, чем мы планировали, — говорю я.

— Зато нам не придется возвращаться на многие километры назад, если вдруг окажется, что шоссе закрыто.

С этим тоже не поспоришь.

Мне принесли мой заказ. Я буркнула что-то похожее на «спасибо», не поднимая от дорожной карты глаз. Вместо того чтобы исчезнуть, девушка задерживается у столика. Начались расспросы...

Я поднимаю глаза. Девушка улыбается Коллинсу и все, что она говорит, адресовано исключительно Клайду. Я нахмурилась. Она флиртует с ним! Я опять опустила глаза к карте. Буркнула:

— Принесите расчет.

Девушка смутилась. Уходит.

— Виктория, — мягко позвал Клайд, когда стало очевидно, что глаз от карты я отрывать не намерена.

— Меня зовут Анна, — заявила я.

— Нет, тебя не так зовут.

Я собрала дорожную карту и наконец отложила ее на стол. Смотрю на Клайда.

За многие месяцы я привыкла быть Анной. Виктория неизбежно забывалась. Так было до вчерашнего дня, пока в мою жизнь не вернулся Клайд Коллинс.

— Этот мир знает Анну, и никакой Виктории в нем нет, — говорю я. — Не называй меня прежним именем, иначе я окончательно запутаюсь.

— Ты всерьез этого хочешь?

— Так будет лучше.

— Анна Лоуренс?

Я сразу обернулась на дрогнувший голос рядом. Это была девушка в розовом платье. Жмет к груди ручку и блокнот. Рядом с ней подруга с яркими рыжими волосами. С некоторым недоумением смотрю на обеих.

— Мы знакомы? — спрашиваю я.

Девушка в розовом платье едва не задохнулась от восторга.

— Я же говорила, это она! — заявила она своей подруге. Опять смотрит на меня:

— Я Глория, а это моя сестра Грейс, — Глория протягивает мне ручку и блокнот, а я никак на это не реагирую. — Пожалуйста, подпишите, — просит она, продолжая при этом глупо улыбаться.

В прежнем замешательстве беру блокнот и ручку и ставлю на серой странице короткую закорючку с инициалами Анны Лоуренс.

Люди вокруг зашептались громче.

«Анна Лоуренс?»

«Да, очень похожа...»

«Что она здесь делает?»

— Какая вы потрясающая, — впервые за все время что-то сказала Грейс. Глория согласно закивала головой, прижимая к груди блокнот с моим автографом.

Официантка появилась внезапно.

— Я вас не узнала, — говорит так, будто извиняется передо мной. Тоже протянула мне блокнот и ручку.

— Рассчитайся, — тихонько говорю я Коллинсу. Ставлю росчерк на блокноте и поспешно ухожу из заведения.

Я села в машину.

Смотрю на придорожное кафе. Люди заходят и выходят.

Совсем скоро из кафе вышел парень. Поправив завязанный на шее платок, он огляделся по сторонам и неторопливо пошел к «Дейсмо». Я напряглась.

— Привет, — сказал он, лениво махнув мне рукой. Нехотя кручу ручку на двери, и окно ползет вниз.

— Куда вы направляетесь? — дружелюбно спрашивает он.

— Для чего вам?

— Ну, может, нам по пути. Кто знает.

С подозрением смотрю на парня.

— Я сомневаюсь в этом, — наконец говорю я. Окно поднимается вверх.

Парень обошел «Дейсмо» и ненадолго остановился перед капотом. На его лице возникла странная ухмылка.

Такие, как он, всегда ищут неприятности и, как правило, находят их.

Из кафе вышел Коллинс. Парень так же беззаботно поздоровался и с ним.

— Странный парень, — говорю я, когда Клайд сел в машину.

— Просто мальчишка.

— Он спросил, куда мы едем, а потом запомнил номер машины.

— Ты что-нибудь сказала? — теперь Клайд менее спокоен.

— Конечно, нет.

Заработал двигатель, небесно-голубой «Дейсмо» отправился в путь. Густые деревья вдоль дороги закончились быстро, им на смену пришли фермерские поля — вспаханные гектары. Мне вдруг вспомнился рассказ Джона о том времени, когда он взбунтовался воле отца и отправился работать на ферму. Мне по-прежнему трудно представить это. Какие это были года, сороковые?

— О чем думаешь? — спросил Коллинс.

— Ты будешь спрашивать об этом всякий раз, когда я молча уставлюсь в окно?

— Да.

Из груди вырвался смешок и, немного подумав, отвечаю:

— Я ни о чем таком не думаю... просто злюсь.

— Из-за того, что произошло в кафе? Из-за того парня?

— Нет, из-за девушек, что просили у меня автограф — сказала я и пальцами забарабанила ритм на приборной панели. — Мне было стыдно.

Клайд коротко взглянул на меня. Я сказала:

— Быть любовницей и... знаменитой любовницей — не одно и то же.

Мы проехали несколько маленьких городов по плохим сельским дорогам. Все реже на пути встречаются автомобили и чаще появляются телеги. К виду конных повозок по асфальтированным дорогам пришлось привыкать.

Начались голые равнинные просторы. Их пустошь на огромной скорости режет стилпоезд, оставляя позади след из дыма. Эта железная машина сильно отличается от тех, что следуют на маршрутах крупных городов. Это очень старая машина. Если бы я отправилась к Стилдону на стилпоезде, то путешествие мне предстояло бы на нем.

Жара спала. На горизонте появился оранжевый закат.

По радио началась передача. Радиодиктор очень эмоционально рассказывает фантастическую историю о том, как на страну нападают пришельцы... Захватывающая история, быть может, для человека этой современности, но не для меня.

К мотелю «Звездная ночь» приехали поздно. На небе высокая луна и невероятно ясное небо — хорошо виден Млечный путь.

В фильмах семидесятых такие мотели выглядят достаточно зловеще. Впрочем, к семидесятым это место способно превратиться во что угодно, а сейчас здесь очень мило. Рядом с мотелем расставлены красивые клумбы с цветами. Персонал вежлив и услужлив. В номерах чисто.

В моем номере две кровати, тумбочка и часы. В ванной чистые полотенца, халат и тапочки.

Комната Клайда сразу за стеной.

Мне следовало бы рухнуть на кровать и провалиться в крепкий сон, но не повезло — даже под грузом усталости спать совсем не хочется. Я приготовила две чашки чая и вышла в коридор, а когда постучалась в соседний номер — сделать это получилось только ногой — дверь мне Коллинс не открыл. Может, он в душе?

В коридоре приоткрыты окна. Заслышав голос Клайда, я вышла на улицу.

Клайд осматривает руку мальчика, а мама малыша кружится рядом. Отец семейства облокотился о черную машину и не вмешивается.

— Что-то серьезное? — спрашиваю я у женщины.

— Доктор говорит, ушиб.

— Быстро пройдет, — заверил Коллинс. Отступил от маленького пациента на один шаг.

— Все равно болит, — пожаловался ребенок.

— Не надо было прыгать по клумбам, — рявкнул его отец и, сухо поблагодарив Клайда, продолжил сборы.

— Какой неприятный тип, — сказала я, когда мы с Клайдом отошли на достаточное расстояние. Протягиваю ему кружку с чаем.

— Мне приятна твоя забота.

— Если кто-то и заботится о ком-то, так это ты обо мне, — призналась я. — Ты поехал со мной, хотя не должен был. Спасибо.

Клайд дождался моей благодарности. Улыбнулся мне.

Мы сели на одну из скамеек.

— Почему ты захотел стать психиатром? — спрашиваю я.

— Знаешь, твои внезапные вопросы часто застают меня врасплох, — улыбка Клайда стала шире. Чувствую, как краснею. — Я не всегда хотел быть психиатром. Когда-то собирался стать хирургом.

— Что-то не получилось?

— Все было хорошо. Я стал лучшим на курсе. В Южной больнице Данфорд мне предложили практику... Отец был очень горд.

— А потом ты что-то натворил?

— Почему ты так решила?

— Ты серьезный и ответственный, — заволновалась я. — Ну, знаешь, из тех зануд, которые всегда поступают правильно...

Задумалась. Кажется, я сказала что-то не так.

— По-твоему, так характеризуется зануда?

— Я о том, что ты поступаешь правильно. Всегда.

— Не способен на глупости. Это ты пытаешься сказать, — поправил меня Клайд.

— Ну, так?

— Непрофильный курс психиатрии изменил мои планы на жизнь.

Не верю своим ушам.

— Ты отказался? — я потрясенно уставилась на него, а Клайд тихонько рассмеялся.

— Сейчас ты смотришь, как мой отец.

— Клайд, это трагедия.

— Хирург лечит тело, а психиатр душу. Я сделал выбор, — уверенно изрек он. — Я хочу понять людей. Разобраться, что в их голове работает не так и как это можно поправить.

У меня даже сердце на мгновение замерло. Эти слова я восприняла очень лично.

— Тебе дорого обошлось твое решение?

— Вложившись в мое образование, отец счел себя обманутым. Потребовалось время, чтобы наладить с ним отношения.

— Девушка?

— Не думал, что ты об этом спросишь, — улыбнулся Коллинс.

— А я спросила.

Клайд ответил не сразу.

— Ей не слишком понравилось мое решение...

— Мне жаль.

— Нет, тебе не жаль, — уверенно заявил Клайд.

— Ты прав. Мне все равно, — выдержав недолгую паузу, просто говорю я. Делаю глоток уже остывшего чая, а потом... слышался наш тихий смех.

Уже в холле мотеля Клайд меня спрашивает:

— Почему юрист?

Вопрос озадачил.

— Спонтанное решение на самом деле, — пожав плечами, призналась я.

— Как это?

— Когда ничего не нужно от жизни... юрист, экономист — да все равно.

Клайд остановился, чтобы внимательно рассмотреть мое лицо.

— И так вся жизнь, — добавила я. — Спокойное существование и никаких целей. Я там, куда заведут обстоятельства.

— Ты создаешь прямо противоположное впечатление.

— Потому что теперь я Анна Лоуренс, не Виктория... Это как шоковая терапия. По ощущениям, будто сама жизнь взяла меня за грудки и хорошенько встряхнула, — объясняю я. — Жизнь Анны — кошмар. За один только год мне пришлось бороться за тело, мысли и убеждения столько, сколько не приходилось за всю историю собственного существования. Да что там, мне и за жизнь приходилось бороться!

Идем по коридору. По правую сторону двери в номера гостей.

— Ты хочешь вернуть себе прежнюю жизнь? — спрашивает Клайд.

— Помнится, я уже отвечала на этот вопрос.

— Я спрашиваю о том, чего ты хочешь сейчас.

— Неважно, чего я хочу. В этом вопросе от меня ничего не зависит, и, пока я здесь, все, что мне остается — поставить цель, построить план и двигаться вперед. Иначе меня заглотит этот мир, — останавливаюсь у красной двери в свой номер. — Ну, вот и все... Спокойной ночи, Клайд.

— Если бы ты могла выбрать жизнь, вернула бы себе прежнюю?

— И этот вопрос я уже от тебя когда-то слышала, — улыбнулась я. — Знаешь, эта жизнь способна преподнести мне грандиозное будущее, но, если я останусь здесь, мои родные и близкие останутся жить только в моих воспоминаниях. Высокая цена, не находишь?

— Понимаю.

Опять задумалась, уперев руки в бока.

— Нельзя категорично сказать: там хорошо, а здесь плохо, или наоборот. При любом раскладе есть потери. Если Анна заняла мое место, что ж, такая жизнь ей может подойти лучше. Ну, а я... — я подняла глаза на Клайда. — Шоковая терапия пошла мне на пользу. Этот мир заставил ценить то, чего никогда не ценила раньше, — свободу. В погоне за ней я начинаю чего-то хотеть, а значит, жить.

Мягким прикосновением Клайд отвел мне за ухо прядь волос. Смотрю на мужчину и даже не моргаю... Это было неожиданно. По телу пронеслась дрожь.

— В какое время едем завтра? — робко спрашиваю я.

— В восемь.

— Рано.

Мужчина отступил на шаг назад.

— Доброй ночи, — сказал Клайд и провернул ключ в соседнем номере.

— Спокойной ночи.

Я вошла в свой номер, неторопливо прошла к дальней кровати и упала на нее. Разговор оставил тяжелый осадок. Я уставилась в потолок без надежды на сон.

Анна... Вот бы узнать, как она относится ко всему, что с нами происходит.

Вот бы узнать, что с моими родными. Как они?

Всякий раз, когда думаю об этом, становится больно, ведь правду говорят... нет ничего хуже неизвестности.

Глава 5

К полудню следующего дня мы достигли конечной станции на пути в Стилдон. То, что именуется станцией, я привыкла видеть в исполнении грандиозных сооружений, подземных и наземных, выполненных из мрамора и камня, а здесь я вижу ничем не примечательную ветхую деревянную постройку в пустынной местности: невысокий навес с козырьком и несколькими лавочками. На деревянной балке старенькие, но исправные часы, а рядом расписание стилпоезда, только одного, ведь станция на большую нагрузку не рассчитана.

В нескольких метрах от станции стоит кассовая будка, она же киоск для продажи газет, журналов и сигарет.

— Журнал трехмесячной давности, — с некоторым удивлением заметила я.

— Начинается Стилдон. Ничего удивительного.

Клайд выжал газ, и небесно-голубой «Дейсмо» понесся по пустынной дороге, оставляя позади вихрь пыли.

В моих руках дорожная карта.

В тридцати милях к западу есть гостиница, и заселимся мы в ней к закату, после того как осмотримся в здешних местах. Впереди много миль палящего солнца, море песка, высокие каньоны и получасовое радио-шоу Рики Джонсона о войне человеческой нации с инопланетными формами жизни.

Стилдон — это не только долина песка и солнца. Далеко на востоке зеленая полоска жизни. А на границе этого необыкновенного контраста стоит город — Новый Стилдон.

Я не ждала увидеть город в благополучии и достатке, и тем не менее никак не думала встретить реальность такой. Даже пришлось снять солнцезащитные очки, чтобы поверить собственным глазам.

— Это Новый Стилдон? — поражена я.

Некогда промышленный город недалеко от завода стоит в вертикальных руинах: несколько домов, брошенные, остаются стоять голые и ограбленные. Все, что можно было вывезти, уже увезли, не осталось даже досок на крыльце.

«Как после бомбежки», — подумала я.

Кирпичи, стекло, сталь и редкие фигуры, отдаленно напоминающие предметы быта, лежат под ногами.

Прогуливаясь среди руин, обнаруживаю заселенный дом. Человек внимательно следит за нами из окна. На веревке вдоль стены висят лохмотья. Есть будка для пса, но самого пса не видно.

— Прежде чем успели возвести первые дома, Новый Стилдон объявили городом, — говорит мне Клайд. Вместе со мной ходит по руинам. — Это должно было помочь привлечь новых жителей.

— Что здесь случилось? — ногой переворачиваю металлическую табличку. Предупреждение «Осторожно» почти выцвело.

— Землетрясение. Девять лет назад. Новый Стилдон был назван городом, но таковым так и не стал, — мрачно пояснил он, а затем указал на запад, туда, где стоят многоквартирные дома в несколько этажей. Эти дома тоже разрушены. — Думаю, те из жителей, кто остался после землетрясения, теперь там.

Смотрю туда, куда указывает Клайд. Заприметив мое любопытство, мужчина добавил:

— Делать там нечего.

— Я не собиралась глазеть на местных жителей, как на животных в зоопарке.

— Что ж, здесь тоже делать нечего. Возвращаемся?

— Мы приехали в такую даль ради этого? — возмутилась я, раскинув руки.

— Цель сегодняшнего дня — осмотреться, что мы и сделали.

— Завод в милях десяти отсюда, — предлагаю я, уперев руки в бока.

— Зачем он тебе?

— Я хочу посмотреть на него, — объясняю я. — В конце концов, это лучше, чем сидеть в гостинице и пялиться на стены. Тем более что мы уже так близко.

Заработал двигатель. «Дэйсмо» тронулся в путь. Когда мы проезжаем вдоль руин некогда существовавшего городка, мне становится грустно. Здесь были люди. Здесь была жизнь, а теперь только горькое напоминание о том, что было и что могло бы стать.

«Новый Стилдон. Начало строительства 16 марта 1942 года» — едва читаема надпись на рекламном щите.

— Что стало с заводом? — спрашиваю я.

— Компания обанкротилась. Завод закрыли. Это все, что мне известно.

— То есть не стал жертвой разрушительного землетрясения?

— После землетрясения завод уцелел, но его все равно закрыли спустя год.

Солнце высоко в зените, стоит жара. Я бы с удовольствием включила кондиционер... если бы он существовал. В таких условиях теплый ветерок из приоткрытого окна приятно шевелит волосы и создает для меня сносный комфорт.

Спустя несколько миль мы остановились у обочины дороги. Вышли к обрыву, заморожено всматриваясь вдаль, где видны яркие блики солнечных лучей. Завод Стилдона, несмотря на годы разрухи, все равно гордо возвышается среди восточных горных вершин.

— Еще миль пять, — предполагает Клайд.

Тоже оценив расстояние, я согласно кивнула.

Впереди старая и забытая дорога, из трещин в асфальте уже проросла жизнь. Мы дальше уходим на восток, и мир вокруг становится зеленым. Здесь почти нет солнца, его лучи с трудом пробиваются сквозь густую листву склонившихся над нами высоких старых деревьев.

Здесь прохладно, тихо и спокойно. Больше не хочу возвращаться на прожженную солнцем долину Стилдона, я хочу быть здесь.

Вселенная мое желание услышала.

Вдруг раздался хлопок, и машина накренилась вправо. Я испугалась, но быстро пришла в себя.

— Потеряли колесо? — спрашиваю я.

— Похоже, что да, — скривился Клайд, дернул ручник и вышел из машины.

Я тоже вышла из машины. Обойдя «Дейсмо», вижу, как резина заднего колеса разорвана в клочья — мы наехали на кусок острого железа. Клайд закатил рукава по локоть и достал из багажника запасное колесо.

— Мы можем прогуляться пешком, — скрестив руки на груди, смотрю на дорогу, заросшую высоким сорняком. — Под травой может оказаться что угодно, а другого колеса у нас нет.

Коллинс поставил новое колесо взамен прежнего.

— Мы можем не успеть вернуться до темноты. Слишком далеко, — возразил Клайд, тыльной стороной руки убрав влагу с виска. — Лучше развернуться в обратный путь.

— Мы можем поторопиться, — не сдаюсь я.

С силой притянув первый из болтов, мужчина опускает к земле инструмент.

— Даже если пойдем по крошечной тьме?

— Мы не пойдем по тьме, — уверенно заявила я. Прислонилась к машине и улыбнулась ему. — Не придется, если ты поторопишься.

Мужчина задумался. Ему не слишком нравится моя идея, но, кажется, он видит возможность уступить.

Вскоре машина была исправна. Клайд собрал инструмент и убрал все в багажник. Я взяла две бутылки с водой и протянула одну Коллинсу.

Отправиться пешком оказалось очень верным решением: на забытой человеком дороге под зеленью высокой травы скрыт проржавевший и бесформенный металл.

С любопытством смотрю на брошенные у обочины телеги.

Лес становится гуще, трава выше. Совсем скоро мы достигли искореженных ворот завода. Перебравшись через огромную дыру, сквозь высокий сорняк пробираемся к высоким серым стенам.

Я подняла голову. Здание тянется высоко вверх.

Мы поднялись по ступеням. На дверях висит большой ржавый замок.

— Он висит здесь до сих пор? — удивилась я.

— Давай через окно, — предлагает Клайд.

Окна расположены невысоко от земли. Клайд подсадил, и я перебралась через огромную оконную раму, мысленно поблагодарив свою предусмотрительность и решение надеть брюки.

Я спрыгнула, и осколки стекол под ногами громко захрустели. Осматриваюсь. Холл завода — это просторный высокий зал. На пол и стены падают золотые лучи солнца.

Послышался новый хруст. Это через окно перебрался Клайд.

Я медленно иду вперед. Под ногами металл, стекло, резина, обломки досок, обрывки кабеля. Среди мусора есть вещи, едва ли принадлежавшие прежним владельцам завода — бутылки из-под виски и жестяные банки.

— Я наверх, а ты осмотришь в мастерских, вдруг найдем что-нибудь интересное, — предлагаю я, заметив лестницу в стороне.

— По-твоему, бродить здесь в одиночку хорошая идея?

— У нас есть только час. Потом нужно возвращаться к машине, — размышляю я. — Я не хочу уехать с мыслью, что мы здесь что-то не закончили. Я не успокоюсь, и придется возвращаться опять.

Клайд не так спокоен как я.

— Здесь может кто-то быть, — предостерег он.

— Слышишь, какое здесь эхо? — громче, чем требовалось, говорю я. — Здесь так тихо. Любой шорох будет за милю слышен.

— Мы идем вместе, — без намека на компромисс сказал Коллинс. Прошел вперед.

Этот мужчина во многом готов мне уступить, но не сейчас...

В стороне лестница, на вид прочная, и мы поднялись по ней на второй этаж. Здесь длинный прямой коридор. Под ногами мусор.

Я с любопытством смотрю по сторонам, время от времени заглядывая в пустые ограбленные кабинеты. Возникла странная тоска, будто я прогуливаюсь вдоль могильных плит на кладбище. Есть в этом что-то неправильное и даже отвратительное. У завода крепкие стены, прочная крыша, надежный фундамент — это место должно работать!

В одном из кабинетов Коллинс обнаружил что-то интересное для себя. Опустившись на одно колено, Клайд заинтересованно перелистывает пожелтевшие страницы старых книг. Я не стала ему мешать и пошла дальше, оставив мужчину немного позади себя.

Коридор длинный и светлый. Здесь много окон.

Еще здесь много развилочек. Завод Стилдона чем-то напомнил мне «Интера мотор», вот только это здание крупнее и сложнее во много раз.

Я свернула в восточном направлении. Почти сразу послышался шорох.

Я замерла, затаив дыхание. Все еще светло, и лучи вечернего солнца оставляют мягкий желтый свет на стенах коридора. В воздухе повисла тишина, но я продолжаю усиленно прислушиваться.

Когда послышался новый звук, я отступила. Сначала на шаг, а потом на два.

Спустя мгновение из кабинета выбежал грызун, удерживая мелкую добычу в острых зубах. Взглянув на меня, маленький зверек торопливо скрылся за углом коридора. Я выдохнула с

облегчением, но дрожь в руках проходит очень медленно.

Кабинет, из которого выбежал зверек, — бухгалтерия. Об этом говорит старая табличка на двери. Дверь распахнута настежь. Я долго смотрю внутрь.

Я не вижу в кабинете ничего такого, что привлекло бы мое внимание, но все равно делаю шаг вперед. В голове будто возникла цель, но она еще не открыта моему разуму, а мчится где-то впереди моих возможностей восприятия. Наверное, такой момент зовется интуицией.

По центру кабинета пустой стол — другой мебели здесь нет. В стене дыра, а под ней куски бетона и дерева — это грабители вынимали сейф. Интересно, они нашли то, что искали?

Упираю руки в бока и осматриваюсь на месте.

Среди металла и стекла под ногами взгляд нашел брошюру «Национальный банк Илсити». Брошюра сильно выцвела, но на обратной стороне четкими остались строчки, написанные когда-то от руки: «Эрик Браун» и номер телефона. Я сразу вспомнила рекламный щит на пути к заводу, бумага на нем разодрана, краски стали серыми, но суть осталась ясна — банк что-то продает.

«Когда компания обанкротилась, банк наверняка принял недвижимость на свой баланс», — подумала я.

В задумчивости рассматриваю брошюру в своих руках. Подхожу к окну.

Завод еще в хорошем состоянии, даже водонапорная башня не накренилась спустя столько лет. Здесь крепкие лестницы и толстые прочные стены. Конструкция создавалась на века.

Любопытно, как много готов запросить банк за недвижимость сегодня?

На моем лице растянулась довольная ухмылка.

Развернулась, чтобы уйти, и...

Улыбка мгновенно сошла с моего лица. Я осторожно пячусь назад, в то время когда бродяга в дверях подступает ближе.

Глаза-щели внимательные и целеустремленные, даже злые, особенно выделяются среди неухоженной растительности на лице. Двигается с манерой охотника, медленно и твердо.

В его руках нет оружия, но он превосходит меня по физической силе. Если попадусь, вряд ли смогу вырваться.

Я обхожу стол, а бродяга замер у двери. Он не намерен оставлять выход открытым.

— Коллинс! — что есть мочи кричу я. Бродяга бросился ко мне.

Поражаясь собственной прыгучести, проскользнула по поверхности стола и рванула к выходу. Бегу, не разбирая дороги, совсем скоро сбившись с пути в коридорных лабиринтах старого завода...

Бродяга не отстает от меня, его тяжелое дыхание слышу очень близко за своей спиной.

У меня сердце бьется где-то в горле.

Свернув вправо на одной из коридорных развилок, вижу лестницу и мчусь к ней. Я не сбавляю скорость, а следовало бы... Я сильно ударилась в перила: они не выдержали и деревянная конструкция разрушилась. Я успела ухватиться за стальные прутья, что торчали теперь вместо перил, беспомощно повиснув над пропастью.

Бродяга замер только на мгновение, а потом бросился на колени и с силой отлепил мою руку от железного прута.

— Анна! — крикнул Коллинс откуда-то снизу. Я слышу, как он бежит ко мне на помощь.

Бродяга замешкался. Он больше не пытается раскрыть застежку бриллиантового браслета, он срывает его с моего запястья и бежит прочь.

Я не успела надежно ухватиться за стальной прут. Коллинс не успел меня схватить за руку.

Прут прогнулся. Я падаю вниз.

Это было мгновение, в котором с быстротой молнии все мое существо охватили страх и ужас неминуемой участи.

Момент, когда сожалеть о чем-то поздно.

Удар...

Я почувствовала резкую боль во всем теле. Из моего тела будто вырвалась сама душа, а сознание едва не покинуло меня.

Делаю глубокий вдох, затянув в легкие одну только пыль. Кашляю.

Я жива?

В голове хаос. Открываю тяжелые веки, моему зрению быстро возвращается четкость. Вижу облако пыли вокруг себя. Под лучами вечернего солнца пылинки особенно яркие.

Я цела?

Пошевелив конечностями, предполагаю, что да.

Приземление пришлось не на бетонный пол — с такой внушительной высоты мне не суждено было бы остаться живой. Я упала на что-то менее твердое, то, что буквально разлетелось подо мной на куски.

«Почему нечто подобное происходит со мной с завидной регулярностью?» — подумала я, припомнив похожий по ощущениям удар во время крушения стилпоезда в горах Ханди. Мне сразу вспомнились холод и страхи того дня.

— Не торопись, — сказал подросевший ко мне Клайд, когда я попыталась встать.

У мужчины весь висок и шея в черной пылице — она светится на солнце. Синяя рубашка тоже запачкана. Выглядит так, будто на Клайда откуда-то сверху посыпалась сажа, а он не успел вовремя вернуться.

— Что с тобой произошло? — надломленным голосом спрашиваю я его, приняв устойчивое положение сидя.

— Тебе не об этом сейчас нужно беспокоиться. Как ты себя чувствуешь? — всматриваясь мне в лицо, с тревогой спрашивает он.

Коллинс прав. Сосредоточившись на собственных ощущениях, еще раз пошевелила кончиками пальцев рук и ног — все в порядке. Когда привела в движение все тело, боль отозвалась в шее и в пояснице. Я скривилась, потянув пальцы к голове.

Клайд сразу коснулся моей шеи. У доктора холодные пальцы, так что по телу побежали мурашки.

Возникли неприятные ощущения, когда Коллинс совсем легонько повернул мне голову вбок.

— Думаю, я в порядке, — вопреки тому, что чувствую, сказала я.

Клайд опустил руки. Смотрит на меня

— Он забрал браслет? — спрашивает он.

Я подняла руку, демонстрирую покрасневшее запястье.

Мне не хочется поднимать глаза вверх и видеть, с какой высоты мне довелось падать. Голова и так идет кругом, если посмотрю и представлю, что со мной было минутами ранее, упаду в обморок.

— Зря я отвлекся и оставил тебя одну, — сожалеет Клайд.

— А я могла держаться тебя и никуда не ходить, — возразила я. — Но я же так не сделала.

Коллинс не стал спорить. По выражению его лица понимаю — этот мужчина убежден, что вина в случившемся за ним.

— Постарайся обойтись без резких движений головы. Береги шею, — сказал он и задумался о чем-то — Тебя тошнит?

— Не знаю...

— Голова кружится?

— Да.

Мужчина посмотрел вверх и еще раз оценил высоту, с которой мне довелось упасть.

— Тебе нельзя оставаться в Стилдоне, нужно ехать в больницу, — уверенно заключил он.

— Все равно что послать Джону открытку с обратным адресом, — отрезала я.

— Ты должна быть под наблюдением врача по меньшей мере еще несколько дней.

— Ты — врач.

— Еще тебе нужен отдых и покой, — опять попытался Клайд. — Больница может тебе это обеспечить.

— Я не уеду из Стилдона, пока не найду то, что ищу, — без компромисса в голосе упрямо говорю я. Смотрим друг на друга. В игре в «гляделки» мне редко удается победить, так что взгляд мой почти сразу переместился в сторону, к его виску.

— На тебя будто ведро сажи свалилось, — с раздражением выдохнув, молча протягиваю ладонь и мягкими, почти ленивыми движениями пробую стереть черноту с его лица. Мужчина не шелохнулся.

— Что ты делаешь? — спрашивает он.

— Пытаюсь привести в порядок твое лицо.

В сомнениях я заглянула в синеву его глаз — взгляд у мужчины стал темнее прежнего.

Я знаю, что произойдет, если не перестану вот так смотреть на него. Знаю и ничего не делаю, чтобы воспрепятствовать этому. Я будто околдована. Клайд сократил между нами расстояние и легонько коснулся губами моих губ. Тяжелые веки мгновенно опустились, и приятное тепло растеклось по всему телу, до самых кончиков пальцев.

Лицо у мужчины гладкое и приятное, а губы мягкие и нежные. Я совсем не чувствую терпкий вкус сигары у себя на губах. Не ощущаю покалываний колючей щетины. Кажется странным ощущать под пальцами совсем другой рельеф плеч...

Я резко отстранилась от губ Клайда, но мы все еще соприкасаемся лбами и чувствуем дыхание друг друга.

Стыд и вина — не те чувства, которые мне бы хотелось испытывать прямо сейчас.

В своих мыслях я вижу Джона. Я слышу несогласие строгого рассудка в отношении всего, что сейчас происходит! Я поступаю неправильно?

Клайд проводит пальцами по моим губам, и я смутно осознаю, что улыбаюсь. Обхватив руками его шею, не задумываясь о правильном и неправильном; я делаю то, что сейчас мне хочется больше всего, — не сопротивляюсь ощущениям, что подталкивают меня в объятия этого мужчины.

Когда-то, всерьез задумавшись над тем, что чувствую к Клайду Коллинсу, я утвердилась в мысли, что не могу испытывать к этому мужчине хоть отдаленно похожих чувств, что испытываю к Джону Хэнтону. А теперь все не так!

Когда это случилось? Несколько дней назад или только что? А может, все началось еще в Данфорде, когда Коллинс так опрометчиво последовал за мной в квартиру Джона?

Еще светло, но вдали уже наступает синий горизонт.

Лезть через окно больше не пришлось, Клайд нашел другой путь.

Вернулись мы к машине уже по темноте. Я с удовольствием опустилась в салон и, вытянув ноги вперед, прислонилась к окну.

Клайд провернул ключ. Заревел мотор, загорелись фары, и «Дейсмо» тронулся в путь.

Из кармана брюк я осторожно достала мятый клочок бумаги. Расправила его. Клайд коротко взглянул на брошюру Национального банка Илсити в моих руках.

— Тебе удалось что-то найти? — спросил он.

— Банк продает завод. Я хочу его купить.

— Купить? — Клайд нахмурился. — Ты уверена?

— Я ни в чем не уверена, но все равно буду делать то, что считаю нужным.

В боковом зеркале показался высокий темный силуэт завода, и я добавила:

— Когда я найду нефть, это место обретет новую жизнь.

Глава 6

Я потеряла «Интера мотор», потому что у меня на пути встал Джон Хэнтон. Этот мужчина решил, что знает лучше, как для меня все должно быть. Он опять решил...

Я намеревалась победить Джона, вынудив его продать мне акции за его же деньги, но результат оказался неожиданным. Все потерпело крах. Не только мое будущее в «Интера мотор», но и будущее с Джоном.

Я бросила все. Теперь я в Стилдоне.

Это хорошо или плохо?

Когда я закрываю глаза, былая тьма в моих мыслях обрисовывается деталями обозримого будущего: теперь в нем есть Стилдон, его нефть, его завод, а вместо руин я вижу город, настоящий, такой, каким он должен был стать еще десять лет назад.

Все может быть!

Солнце искрится на хромированной стали, а в синей эмали отражается небо.

Уже третий день подряд мы колесим по этим землям в поисках того самого места, в котором предположительно должна быть нефть. Все случилось бы гораздо раньше, но здесь нет заметных ориентиров, какие существуют в моей прежней жизни: ни железной дороги, ни электростанции, ни аэродрома, только река! Найти нужный ее изгиб — та еще задача.

Хорошо, старая дорога много километров тянется вдоль сверкающей на солнце реки — возвышается над ней, иначе нам пришлось бы передвигаться в облаке желтой пыли в долинах Стилдона.

Смотрю в окно. По мере продвижения вперед возникло любопытство, а затем волнение. Блестящая на солнце голубая нить вдруг резко свернула на запад. В этом изгибе есть что-то знакомое.

— Остановись здесь, — прошу я Клайда.

Машина сбавила ход. «Дейсмо» припаркован у обочины.

Первым из машины вышел Коллинс.

— Что думаешь? — спрашивает он, осматриваясь среди желтых равнин. В этих местах только изредка попадаются зеленые островки. Далеко впереди видны горы.

Подхожу к краю дороги. Палящее солнце обжигает мне лицо.

Приблизив пальцы к глазам, отгородившись от солнца, смотрю вдаль.

В моей прошлой жизни я никогда не путешествовала до нефтескважин на автомобиле. Я всегда летала на вертолете компании. Теперь я отчаянно пытаюсь вспомнить извилистый путь реки, что запомнился мне с высоты птичьего полета.

Продолжения реки не видно, но ее зигзагообразный изгиб где-то там, уверена, спрятался за неуловимыми в границах перепадами неровного рельефа.

— Прокатимся мили две на запад?

Клайд молчаливо кивнул.

Мы вернулись в машину. Двигатель небесно-голубого «Дейсмо» заработал громче, и машина свернула со старенькой, прожженной солнцем асфальтированной дороги на горячий грунт. «Дейсмо» летит быстро, позади остается высокий столб дорожной пыли.

По мере продвижения вперед сверкающая на солнце голубая нить становится шире.

Совсем рядом с рекой есть возвышенность. Машина без труда поднялась по крутому склону на пологую вершину. Когда я вышла из машины, чтобы еще раз взглянуть на захватывающий вид бескрайнего простора, сердце будто замерло.

С этой высоты видны изгибы реки на многие километры. Среди желтой земли воды нереального зеленовато-синего цвета кажутся чудом.

Широкая река уходит в крутой зигзаг, а потом опять вытягивается в ровную линию. Такой вид открывался из моего временного рабочего кабинета на нефтестанции когда-то очень давно.

Мужчина с заинтересованностью смотрит на меня, уголки его губ приподняты вверх, а в глазах тепло. Он с любопытством наблюдает, как меняется мое лицо.

— Мы нашли то, что ты искала? — спросил Клайд.

— Да!

Это место непривычно видеть пустым, без нефтедобывающего оборудования, прилегающих к нему конструкций и сооружений, толпы рабочих и забора по периметру с предупреждением держаться подальше от охраняемого объекта.

Когда я, наконец, осознала, какой цели достигла, из моей груди вырвался смешок — он стремительно перерос в настоящий смех. А когда волнение и сомнения остались позади, меня переполнил восторг!

Я не справилась с эмоциями. Точнее сказать, не сопротивлялась им. Я набросилась на Коллинса, обхватив ладонями его лицо, примкнула к его губам в долгом поцелуе. Почти сразу мои ноги оторвались от земли — к своей груди Клайд прижал меня очень крепко.

По возвращении в Данфорд первым делом я встретила Брюса Новака. Он хотел казаться скромным на комплимент его профессиональному успеху, но глаза его выдали — в них сияет заслуженная гордость. За чашкой чая в небольшом кафе мы обсудили возможность приобретения участка в восемнадцать тысяч гектаров в окрестностях Стилдона. Новак пообещал справиться очень скоро.

После непродолжительного разговора с юристом я направилась к выходу. Мне навстречу сразу бросился человек.

— Мисс Лоуренс, зачем Джону Хэнтону «Интера мотор»?

Ослепленная фотовспышкой, не сразу понимаю суть вопроса молодого репортера.

— Лучше вам спросить об этом самого Хэнтон, — рассеянно говорю я и быстро иду к машине. Вслед слышу расторопное:

— С вами работает Брюс Новак? О чем вы говорили сейчас?

Быстро сажусь в автомобиль, захлопнув дверь.

— Что вы будете делать с деньгами? Мисс Лоуренс! Мисс Лоуренс, два вопроса, — репортер скачет рядом, пока я выруливаю с обочины на дорогу. Когда автомобиль вышел в общий поток, я с облегчением выдохнула.

Эта внезапная встреча выбила меня из состояния равновесия. Я не против репортеров, но к такой встрече была объективно не готова. К сожалению, недостает опыта общения с людьми этой профессии. Что ж, теперь у меня будет достаточно практики, чтобы привыкнуть к подобным неожиданностям: историю с «Интера мотор» репортеры по косточкам обглодают.

Вернувшись в Данфорд, я совсем не рассматривала возможность жить с Джоном под одной крышей. В тот день я арендовала для себя дом в тихом уединенном месте на берегу реки в пригороде.

Дом принадлежал пожилой супружеской паре, и всю обстановку в нем составляли атрибуты тридцатых годов. Если для жителей Данфорада это скучный стиль их бабушек и дедушек, то для меня это очень редкий винтаж.

Новый владелец дома целый год безуспешно пытался сдать его в аренду и был счастлив согласиться на мои условия. Думаю, он был готов согласиться на любые условия.

В день переезда я оценила, как мне повезло с соседями — их нет. Еще здесь нет магазинов, бутиков и ресторанов. Сплошные деревья вокруг.

Чье-то появление здесь не станет для меня неожиданностью. Звук работающего двигателя я услышу сразу.

Ни в предыдущий день, ни в этот никто не явился за мной. Это хорошо. Любопытно, Хэнтон предпринял что-нибудь для этого, или я боюсь напрасно?

После встречи с Брюсом Новаком я вернулась в дом на берегу реки.

Я сбросила обувь, отбросила сумку и пошла в кухню. На столе газета в развороте, а рядом кружка с

остатками давно остывшего кофе. Я сделала для себя новый кофе, сгребла газету со стола и пошла в гостиную. Уселась на диван, определив в ногах квадратный черный телефон.

Скрючилась над газетой в неудобной позе и обвела в кружок несколько объявлений — компании, в чьих силах поставить буровые установки в Стилдон, но обзвонив две из них, услышала немислимые сроки — три месяца. Столько требуется, чтобы переправить людей и оборудование в Стилдон, и только потом можно будет приступить к работе.

Но так объявили крупные компании, быть может, их менее крупный конкурент будет расторопнее в желании угодить клиенту?

Опять вожу пальцем по круглому телефонному циферблату. Ждать ответа пришлось только один гудок.

— Арчи Томпсон у аппарата.

— Меня зовут Анна, — умышленно не называю полное имя. — До конца месяца мне нужны три буровые установки в Стилдоне. Вы можете это сделать?

На той стороне провода возникла тишина. Когда я уже забеспокоилась, твердый, почти грубый голос вдруг сказал:

— Да. Тринадцать тысяч поверх обычной цены за каждый день. Предоплата сорок процентов против обычных двадцати.

— Это круто, — я разве что не присвистнула.

— Двадцать шесть дней на грузоперевозку и монтаж — тоже круто.

Требовать соразмерную плату за улучшенные условия выполнения — честное требование. Если бы не потребовал, я бы усомнилась в реальных возможностях этого человека сделать так, как нужно мне.

Без сомнений, я разговариваю с тем, кем нужно! Улыбнулась.

— Мне нравится ваш ответ, мистер Томпсон, — призналась я.

— Вы согласны работать со мной на заявленных условиях?

— Да.

— В таком случае нам следует как можно скорее встретиться у меня в офисе и обговорить детали.

— Разумеется.

Я получила от мужчины краткие инструкции. Были рекомендации.

Когда я положила грубку на место, с некоторым замешательством обнаружила, как вспотела от напряжения ладонь. Хм... Разговор был и вправду волнительным.

Через несколько часов, когда совсем стемнело, в дверь тихонько постучались. Я спокойно прошла в прихожую и провернула круглую металлическую ручку.

Когда я взглянула на гостя, мне стало холодно. У Евы белая кожа и красивые сапфировые глаза, но в сочетании с темно-синим платьем ее природная холодная красота воспринимается сейчас как лед.

— Ты могла позволить себе лучшие квартиры Данфорда, но живешь здесь. Я никогда не пойму твоей страсти к скромным удобствам, — призналась она.

Я улыбнулась Еве.

Женщина прошла в дом, осторожно осмотревшись по сторонам. Взгляд у нее в точности такой, какой был перед серым силуэтом «Интера мотор» в дождливый июньский вечер. Точно такой же взгляд!

— Мило... — сказала она.

Это слово я от нее услышала еще несколько раз, пока показывала дом. Она посмотрела его без особого любопытства, скорее из вежливости.

Когда мы поднялись в мою спальню, женщина пришла в короткое замешательство.

— Почему здесь? — спросила она про мой чердак.

— Мне здесь хорошо, — просто ответила я. — Тебе не нравится?

Женщина прошла в небольшую прямоугольную комнату. Посмотрела на старую мебель, с некоторым любопытством взглянула на неширокую кровать. Когда у нее приоткрылись губы, я с насмешкой спросила:

— Мило?

Ева смущенно улыбнулась.

— Смотри-ка, — из-под кровати я вытащила большой старый сундук. Раскрыла его: здесь одежда эпохи двадцатых в очень хорошем состоянии. Перебираю вещи в руках. — Думаю, прежняя хозяйка сама их сшила. Только посмотри на этот бисер, узоры, меха.

Ева опустилась на колени рядом со мной.

— Посмотри на это платье, — показываю я на тонкий шелк серого платья на широких бретельках, расшитое белым бисером. — Оно в отличном состоянии!

Вынимаю из сундука повязки на голову, украшенные бисером и перьями. Протягиваю Еве повязку из зеленого бархата.

— Надень, — прошу я.

— Нет, — отказалась Ева, выставив на меня ладонь. — Не стану надевать чужие вещи.

— Твои богатства тебя совсем испортили, — я демонстративно надела зеленую повязку себе на голову и уставилась на подругу.

— Выглядишь глупо, — сказала Ева.

Не поменявшись в лице, я протянула ей повязку с копной коротких перьев.

— Ради меня, — опять прошу я. Недовольный взгляд Евы упал на серую ленту в моих руках и опять вернулся к лицу. Немного поразмыслив, женщина сдалась.

У Евы светлые и короткие волосы, сильно завитые на концах. Когда она растянула повязку на голове, я улыбнулась.

— Тебе очень подходит образ той эпохи, — с любопытством оценивая внешность подруги, сказала я. — Знаешь, мне вдруг тоже захотелось быть блондинкой, состричь волосы и завить их как у тебя.

Женщина слегка качнула головой, только на мгновение прикрыв глаза.

— Ты ребенок, — заявила она.

Чем мне нравится мой чердак, это большим светлым окном и потрясающим напольным зеркалом — металлическое, оно немислимо тяжелое! Чтобы его поднять на чердак, уверена, в свое время понадобилась не одна пара рук.

Я не сняла с головы повязку. Ева тоже.

Мы спустились в гостиную и под джазовую музыку виниловой пластинки разлили красное вино.

— Было бы любопытно побывать очевидцем этой эпохи, — вдруг говорю я. Ева подняла на меня спокойный взгляд. — Я о двадцатых. Эта эпоха представляется мне временем ослепительных вечеринок, буйства, фейерверков и всеобщего безумия. Как думаешь, это так?

— Ты говоришь об этом времени, как о чем-то невероятно далеком, — сказала Ева. Смотрит на меня странно. — Неужели супруги Лоуренс ничего не рассказали тебе о своей юности?

Может, и рассказали, но не мне.

Я и Ева соприкоснулись широкими, почти плоскими бокалами на длинных ножках. Раздался короткий звенящий звук.

Все очень спокойно. Прилично. Скучно.

Разве я на такую встречу рассчитывала? Где же смех, куда делось веселье и удовольствие от жизни? Я помню, как я умела веселиться. Я помню, какой была моя жизнь. Я хочу хоть сколько-нибудь окунуться в те мгновения свободы и удовольствия.

Я хочу!

Поэтому очень скоро время подошло к откупориванию второй бутылки. Нетвердой рукой я разлила для нас бокалы, и все встало на места. Мысли, слова и действия обрели наконец нужное направление.

Музыка стала заводной и веселой — это Ева поменяла пластинку. В моих глазах появился легкий туман.

Мы танцуем. Смеемся над чем-то. Происходит то, что допустимо назвать весельем. А спустя час или два, когда на столе стоят уже три пустые бутылки...

«Слишком много джаза», — подумала я. Из моего рта выплыло светлое облако сигаретного дыма.

Я вытянулась в кресле, запрокинув ногу на ногу, задумчиво смотрю на белую дамскую сигарету в своих руках.

А я разве курила раньше?

Вкус и ощущения не кажутся мне новыми и непонятными. Мне совсем не хочется незамедлительно затушить сигарету.

Похоже... мне стала известна одна из привычек Анны.

Я опять осушила свой бокал и поднесла к губам сигарету.

Зачем я это делаю?

Не знаю. Просто хочется.

Когда музыка прекратилась, я поднялась с кресла и подошла к граммофону. Сняла иглу с виниловой пластинки, чтобы поставить новую.

— Не надо больше музыки, — просит Ева.

Без всяких размышлений сразу закрыла крышку граммофона и вернулась в кресло. Запрокинув подбородок, смотрю на желтый потолок, что когда-то был белым.

— Что с тобой происходит? — медленно проговорила Ева. Я нахмурилась. — Ты позвала меня. Этот вечер — чудо. Спасибо!

— Но...

— Но я же вижу, что все это неспроста. Ты о чем-то хочешь рассказать мне. Я все жду, но ты молчишь.

Я больше не смотрю на желтый потолок. Теперь я смотрю в немного туманные сапфировые глаза подруги.

— Я хочу расстаться с Джоном, чтобы быть с Клайдом, — негромко проговорила я.

Ева не поменялась в лице. Она даже не пошевелилась. Она ненадолго задумалась и тихонько уточнила:

— Ты хочешь быть с доктором Коллинсом?

— Да.

— Хэнтон, стало быть, не любишь больше?

— Любить Джона трудно, — не сразу и уклончиво говорю я.

— Хм...

— Что значит твое «хм»?

— Ты не любишь Хэнтон или отказываешься от него?

Размышляю долго, а потом говорю очень честно:

— Мне нестерпимо надоело, вступая в противостояние с Джоном Хэнтоном, оказываться в пекле войны с ним. Я устала верить, что со временем станет как-то по-другому, — мой голос дрогнул. — Последней выходкой он сам все испортил.

Ева загадочно улыбнулась мне.

— Что? — нахмурилась я.

— Отказаться от бессовестно богатого человека ради доктора, — улыбка ее становится шире. — Чокнутая.

— Возможно, и так, — без улыбки говорю я.

Жаркие дни остались в прошлом, в утро четверга моросит дождь. Подхожу к старому граммофону, ставлю иглу на виниловую пластинку — послышался слабый треск и в гостиной растеклась спокойная музыка.

На веранде тоже слышно приятную музыку оркестра «Твини». Под деревянным навесом я удобно расположилась в плетеном кресле с теплой кружкой чая в руках. Морось становится дождем, и я совсем затосковала по палящему солнцу Стилдона.

Ох, Стилдон! Неделя в прожженном солнцем юге была великолепна, несмотря ни на что. Только там удалось укрыться от непоколебимых правил и нравов этого непростого мира. Только там получилось почувствовать себя опять свободной.

И вот теперь, когда неделя свободы закончилась, возникли последствия.

Клайд Коллинс, обаятельный и рассудительный доктор, благородный по сути своей, заставил меня по-новому взглянуть на отношения между мужчиной и женщиной. В этих отношениях есть диалог и есть компромисс. Я могу говорить, зная, что буду услышана, а это как глоток воздуха, свежего и необходимого после долгих и ожесточенных битв с Джоном Хэнтоном.

Я больше не могу думать об этом и сомневаться...

Я больше не раздумываю.

Я решила.

Но чтобы воплотить в жизнь свое решение, я не могу просто поднять телефонную трубку и объявить Джону о том, что хочу... уйти от него. Уйти из его жизни. Уйти из его дома. Как бы скверно ни сложились обстоятельства между нами, встреча должна состояться. Учитывая то хорошее, что сделал для меня Джон Хэнтон, так будет правильно.

Я позвонила Дэйзи, чтобы записаться на прием к Джону. Встретиться в его рабочем кабинете вне стен особняка будет безопасно. Наверное.

Дэйзи мне предложила тот же день. При плотном графике Хэнтона это необычно. Женщина назвала время, и я перестала удивляться.

В поздний вечер в высоком темном небоскребе почти никого нет. В холле стоит непривычная тишина.

На этаж Хэнтона я поднялась на лифте и, когда двери расступились, Дэйзи за рабочим столом я не увидела. Свет в приемной приглушен. Стол секретаря чист от бумаг.

Я прошла через приемную к кабинету Джона и костяшками пальцев дважды ударила по двери. Не дожидаясь приглашения, вхожу.

— Не понимаю, зачем ты стучишься, если разрешение войти тебя в принципе не интересует, — без гнева сказал мне Джон. Откладывает бумаги в сторону.

Такое чувство, будто сердце перестало биться.

Свет ламп приглушен. Я наблюдаю за высокой фигурой хозяина кабинета. Он встает из-за стола и неспешно приближается ко мне. Его белая рубашка расстегнута на три пуговицы. Жесткие волосы слегка растрепаны, как если бы мужчина только что провел по ним рукой.

— Как путешествие? — спрашивает он.

Мои брови удивленно взметнулись вверх. Но не слишком.

— Как ты узнал?

— Мальчишка, — лениво улыбнулся Джон. — Пришел ко мне через пару дней после твоего побега.

«Наглец у придорожного кафе», — припомнила я. Он пришел к Хэнтону. И что потом?

— Как много ты знаешь?

— А я должен что-то знать? — голос мужчины стал подозрительным.

Красноречиво молчу, и Джон сознался:

— Парень предложил мне сделку. Она не состоялась.

Любопытно, почему?

Впрочем, не это сейчас важно.

Подхожу к окну и без особой заинтересованности смотрю на огни большого города. Все как на ладони.

— Ты не передумал насчет акций? — тихонько спрашиваю я.

— Нет.

Не то чтобы я рассчитывала на что-то... Просто попробовала. Поэтому вполне спокойно говорю:

— Ладно.

Мужчина облокотился о край рабочего стола, скрестив на груди руки. Чувствую на себе его взгляд.

— Ты хочешь вернуть мне деньги?

Я грустно улыбнулась.

— Нет.

Джон остался спокоен. Кажется, он тоже так, попробовал.

Впервые я не боюсь этого большого страшного окна. Я стою совсем рядом с ним и спокойным взглядом смотрю на город с высоты небес.

— Я хочу расстаться с тобой, — резко и без эмоций говорю я.

Я не смотрю на Джона, но душа холодеет, оттого что он молчит.

Почему так тихо?

Почему болят глаза? Ах вот в чем дело, я их слишком долго держу открытыми. Но если моргну, неизбежно покатятся слезы.

Вздрагиваю, почувствовав дыхание за спиной. Хэнтон положил ладони мне на талию, лицом коснувшись моих волос, вдыхает их запах. Это не выглядит помешательством, тем, что можно назвать одержимостью или безумием. Это нежность пополам с муками души. Я причинила боль.

— Почему? — очень спокойно спросил он.

Я не сразу смогла ответить.

— Управлять, подчинять и властвовать, — очень тихо проговорила я. — По-другому ты не можешь, Джон, а я не могу вечно жить по твоим правилам. Мы не заодно. Мы можем ставить друг другу условия и совсем не умеем договариваться. Это ненормально.

Я почувствовала, как пальцы Джона крепче сжались на моей талии. Голос его стал жестче.

— Я во многом деспотичен. Прямолинеен. Бываю очень груб, — сказал он у меня за спиной. — Разве я когда-нибудь дал тебе повод думать о себе как-то иначе? Разве ты только теперь поняла, какой я?

— Я всегда знала, какой ты, — резко возразила я. — Я думала, что когда-нибудь со мной ты сможешь быть другим.

— Я никогда ни в чем тебе не лгал, — со сталью в голосе объявил он. — А ты мне лжешь постоянно. Даже теперь.

Чувствую, как мужчина улыбнулся, крепче прижав меня к своей груди.

Влажная ладонь накрыла мою руку, сцепив в замок наши пальцы. Откуда влага? Слезы с моих глаз уже некоторое время скатываются по щекам и падают ему на руки.

— Кто он? — прямо спросил Хэнтон. Спокойно. Без гнева.

Закружилась голова, и пол под ногами становится не таким твердым, каким должен быть. Мои чувства не спокойны.

— Мистер Коллинс. Так, кажется, его зовут? — задумчиво сказал Джон. С глубоким выдохом, неторопливо, он выпустил меня из кольца своих рук и посмотрел мне в лицо. На губах его странная улыбка, а взгляд очень мрачный. Он стер с моего лица капли слез и, склонившись, губами тихонько коснулся моих губ. Это была нежность. А еще это самое прямое доказательство его намерений — между нами ничего не кончено.

Потрясение. Гнев и страх. Вот что чувствую, прикрыв за собой дверь в кабинет Хэнтона.словно в транс вхожу в лифт и выжимаю кнопку первого этажа.

Небоскреб пуст. Лифт спустился непривычно быстро.

— Всего доброго, мисс, — очень вежливо сказал мне человек за стойкой администрации. Я посмотрела на него странным взглядом, а потом уставилась на светлый телефон на стойке. Подошла. Ни о чем не спрашивая представителя администрации, сняла трубку и набрала нужную комбинацию цифр. Мужчина мне ничего на это не сказал. Он спокойно опустил свой взгляд, предоставив мне свободу действий.

— Психиатрическая больница Данфорда, — ответил мне ленивый и скучный голос на той стороне провода.

— Клайд Коллинс все еще в больнице?

— Да.

Я сразу положила золотистую трубку на место.

Когда карусельные двери небоскреба Хэнтон остались позади, я обнаружила, что на улице идет дождь. Разве может этот вечер стать еще мрачнее, чем он есть сейчас?

Вышла к дороге. Махнула рукой и к обочине свернуло такси. Сажусь в черный автомобиль с оранжевыми шашечками.

— Психиатрическая больница, — говорю я.

Молодой мужчина внимательно смотрит на меня в зеркало заднего вида.

— С вами все хорошо? — осторожно спрашивает он.

— Нет.

На пути в больницу у меня было достаточно времени опомниться и изменить намерение. Но я так не сделала. Мне очень нужно увидеть Клайда Коллинса. Именно сегодня. Сейчас.

— Вы уверены, что хотите войти? — предостерег водитель. — Я могу отвезти вас куда угодно. Может, у вас есть друзья? Я сделаю это бесплатно.

Я не слышу водителя. Точнее, слышу его, но нисколько не вникаю в смысл сказанных им слов. Я смотрю на мрачные стены больницы, высокие и серые. Меня здесь не было уже целую вечность.

Я поднялась по широким черным от дождя ступеням. С протяжным скрипом открылась дверь, и я тихонько вошла внутрь. Негромкий стук моих каблуков разлетается по пустому холлу.

Женщина в черных угловатых очках с безразличием подняла на меня взгляд. Между нами стекло и решетка.

— Приема нет, — резко бросила она.

— Клайд Коллинс на месте?

Пока стояла перед больницей, успела вымокнуть под дождем. По телу сильная дрожь. Мне холодно.

— Имя, — потребовала женщина.

— Анна.

— Это все?

— Этого достаточно.

Женщина подняла телефонную трубку и доложила обо мне Коллинсу. Услышав ответ, бросила мне чопорное:

— Ждите.

Опускает взгляд и ведет себя так, будто меня здесь вовсе нет. Берет чашку с чаем, над которым все еще поднимается прозрачный дымок. Шумно отпивает глоток.

Ненавижу.

Очень скоро я услышала, как где-то в коридоре лязгнули двери лифта и в холл направились торопливые шаги.

— Мисс Лоуренс? — появился в дверях Клайд. Оглядев меня, мужчина стал тревожным. — Идем, — сказал он, положив ладонь мне на плечо. Ведет в коридор.

Двери лифта расступились. Мы зашли внутрь. Коллинс выжал кнопку с надписью над ней «прачечная», и лифт пополз вниз.

В прачечной на одной из полок мужчина взял большое серое полотенце. Вернулся, вручив мне его.

Старенький лифт с шумом поднимается вверх.

— Что случилось? — спрашивает Коллинс, когда мы вошли в его кабинет на третьем этаже больницы. В этом кабинете ничего не поменялось: стол, стул, шкаф и много книг.

Я облокотилась о стол, укутавшись в большое полотенце.

Смотрю на Клайда, а он с очевидным волнением смотрит на меня. Этот мужчина беспокоится обо мне.

— Что с тобой случилось? — опять потребовал от меня Клайд, доверительно заглядывая мне в глаза. — Джон Хэнтон что-то сделал?

Я сразу оттолкнулась от края стола и примкнула к губам Клайда, вцепившись пальцами ему в халат так, как если бы от этого зависела моя жизнь. Мужчина отвечает на поцелуй очень робко. Кажется, своей выходкой я застала его врасплох.

Мне недостаточно простого поцелуя, мне недостаточно обычной нежности. Во мне полыхнуло пламя, и оно обещает испепелить меня дотла, если вдруг не получу того, чего мне хочется сейчас больше всего.

Вытягиваю его синюю рубашку из пояса брюк, ощутив под пальцами рельеф горячего тела.

— Остановись, — заключив мои запястья в своих руках, мягко потребовал Клайд. У меня дрогнуло сердце, а жар на щеках полыхнул ярче прежнего. Кажется, так чувствуется жгучий стыд.

— Посмотри на меня, — сказал он, высвободив мне руки. Мне не хочется смотреть на него именно сейчас, но я все равно робко поднимаю подбородок вверх. В поисках ответов мне в глаза он смотрит так, словно заглядывает в душу.

У меня все еще тяжелое дыхание. Я все еще горю.

— Если ты опасаясь поступить со мной как-то бесчестно... тебе не о чем беспокоиться, — тихонько проговорила я. — Я хочу этого.

Мой ответ не кажется ему убедительным. Я вижу это в его глазах. Но в этих же глазах я вижу кое-что еще... Совершенно очевидно, сейчас горю не я одна!

Убежденность в этом прибавила мне храбрости.

Мои ладони легли ему на грудь, а потом я медленно-медленно подтянулась к его лицу, примкнув к щеке в нежнейшем поцелуе. Не встретив сопротивления, мои поцелуи продолжились неторопливой дорожкой к его губам. Я почувствовала прикосновение его руки у себя на поясице. А потом...

Его губы с силой раскрыли мне рот, и я едва не задохнулась от удовольствия!

Наш поцелуй, неудержимый и глубокий, подобен столкновению поездов на безумно высокой скорости. У меня подогнулись ноги. Мне совсем тяжело стало дышать.

Мужчина подхватил меня, а в следующую секунду я уже была на гладкой поверхности его стола. Я слышу, как посыпались на столе книги, а некоторые из них упали даже на пол.

Через меня в этот самый момент проходит невероятный поток чувств и ощущений. Это цунами. Этому нельзя противостоять. Нельзя сопротивляться. Просто невозможно!

Его рука зарывается мне в волосы, а я распахнула его рубашку, не заботясь о целостности пуговиц на ней. Ногтями вцепилась ему в плечи, губами прижалась к его губам.

Тепло, подобное жару вулканической лавы, растеклось по телу. Его губы покрывают мне лицо, потом шею, и я тяну подбородок вверх для этих поцелуев. Мой рассудок оставляет меня. Я почти потеряла ощущение времени и пространства. Я оказалась в своем собственном мире, где нет ничего важного, кроме этих самых мгновений.

Как восхитительно быть с ним!

Любить его.

Быть его.

— Клайд Коллинс... — с улыбкой выдохнула я, когда мужчина коснулся губами уголка моих губ. Он улыбнулся мне в ответ.

— Как ты себя чувствуешь?

— Очень хорошо.

И это действительно так!

Оставив на моем плече короткий поцелуй, мужчина отступил на шаг. Вернул рубашку себе на плечи, не застегнув ее. Проходит к шкафу и снимает с вешалки темные брюки и светлый джемпер, заявив, что не позволит мне вернуть на себя мокрое платье.

Я не возражаю. Перспектива оказаться в холодной и мокрой одежде мне и самой не нравится.

Я надела теплый джемпер. Брюки Клайда оказались мне очень велики... Мужчина снял с собственных брюк ремень и надел мне его на пояс. Никакого платья с узкой талией. Никаких чулок. Одежда Коллинса висит на мне словно мешок, и мне это нравится.

Мы вышли из кабинета и спустились в холл. Безразличная медсестра только на мгновение подняла на нас взгляд.

Вышли за дверь, и я сразу почувствовала ночную прохладу лета. Дождя нет. Высоко в небе очень яркая луна.

Мы сели в небесно-голубой «Дейсмо». Двигатель зарычал. Загорелись фары.

В машинах пятидесятых нет отдельных сидений, только сплошной вытянутый диван — в этом есть некоторые удобства. Я прижалась к мужчине, а он обнял меня ладонью за плечо.

Двигатель заработал громче. «Дейсмо» тихонько покатился по грунтовой дороге.

В салоне тепло и хорошо. Играет приятная музыка, а мне все равно беспокойно.

— Я говорила с Джоном. Расстаться со мной он не согласен, — когда машина выехала на асфальтированную дорогу, я вдруг призналась Коллинсу. Приятные поглаживания на моем плече прекратились. — Ты должен об этом знать.

Клайд легонько коснулся губами моего виска. Мягкие поглаживания на моем плече возобновились.

Украдкой поднимаю взгляд — мужчина крепко задумался о чем-то.

Дорога тонет в темноте. Только изредка навстречу вырастают фары других машин.

Клайд привез нас к небольшому дому у реки. В мой дом.

Машина остановилась. Двигатель заглох.

Мы вошли в дом, и, едва за нами закрылась дверь, мужчина притянул меня к себе в сильнейшем поцелуе.

Глава 7

С рассветом я помогла Клайду застегнуть его синюю рубашку. Мы вместе позавтракали, а потом, запахнув плотнее свой халат, я вышла на крыльцо, чтобы проводить мужчину, оставив на его щеке нежный поцелуй.

Задержав на мне недолгий взгляд, Клайд улыбнулся мне и опустился в салон небесно-голубого «Дейсмо».

Зарычал двигатель.

Я смотрю вслед удаляющемуся автомобилю. Я улыбаюсь. Мне хорошо.

После дождя на улице свежо и влажно. Спокойно.

Я не вернулась в дом. Я села в плетеное кресло на крыльце, и мысли мои сразу обратились к событиям дня минувшего. Улыбка мгновенно исчезла с моего лица.

Так много случилось в тот день!

Я помню себя как в тумане, совершенно пьяной эмоциями и чувствами, с которыми пришлось столкнуться. А теперь настал новый день. У меня похмелье.

На какой исход я рассчитывала, когда пришла к Джону Хэнтону вчера вечером? Я пришла, чтобы развязать новую войну между нами? Я надеялась на мирный исход?

Нет. Я не размышляла об этом. В моих мыслях была только одна необходимость — остановиться, свернуть на развилке и пойти своей дорогой без Джона Хэнтон.

Быть может, это нечестно по отношению к этому мужчине. Особенно учитывая все, что он сделал для меня! Я должна быть благодарна?

Я благодарна. Но! Отдать ему себя и свою свободу во имя благодарности — нечестная сделка.

Что теперь?

Что будет делать Джон? Что он намерен сделать с Клайдом и что он намерен делать со мной?

Что теперь делать мне?

Есть только один приемлемый для меня путь — идти вперед! Заслужить свою свободу, обрести силу и заявить о своей независимости. По-другому никак.

Я сразу отложила кружку на маленький чайный столик.

Взбираюсь вверх по лестнице, открываю одежный шкаф и в кармане брюк нахожу брошюру «Национальный банк Илсити». Есть масса вопросов, которые можно решить по телефону, но есть вещи, о которых лучше говорить с глазу на глаз. Я позвонила в банк и назначила встречу.

К моему удовольствию, она состоится уже сегодня.

До Илсити я отправилась стилпоездом. Мне нравится путешествовать на борту стального гиганта. Люблю приятные покачивания, стук колес и даже трепет окон. А люди, с которыми приходится делить маленькое купе, чаще оказываются приятными попутчиками.

На вокзал в Илсити стилпоезд прибыл в полдень. Ступив на лесенку-подножку, оглядываю большой вокзал из светло-коричневого мрамора. Под ногами серые плиты с золотыми уголками. Над головой два ряда больших красивейших люстр — все они горят желтым огнем.

Я и раньше считала, что в Илсити самый красивый вокзал, а теперь, когда над головой зажжены эти красивые люстры, в этом не осталось никаких сомнений!

Иду вдоль стилпоезда. Большая многотонная машина стоит, а мощные и шумные двигатели все еще в работе — очень скоро бронзовый гигант отправится к низкогорьям Юдеско.

К центру города я еду на такси.

Илсити совсем как Данфорд. Здесь похожие улицы и дома, те же люди... небоскребы. Солнце над городом светит так же ярко.

Национальный банк Илсити в своей архитектуре во многом схож с банком Данфорда. Высокие колонны и длинные лестницы. Над входом есть большая глубокая гравировка: «Национальный банк

Илсити. Основан в 1752 году».

Я поднялась по высокой лестнице и прошла через дверь.

Растерялась.

Здесь широкий светлый вестибюль с большими окнами, много коридорных выходов и не счесть, сколько здесь людей!

Что мне делать?

Куда идти?

— По вопросу покупки недвижимости у банка. Меня ждут, — к недовольству людей из очереди, вмешалась я в работу администратора.

— Вам в другое крыло, мисс, — мужчина жестом указал мне направление. — Служащий у дверей проводит вас.

Мужчина в серой форме провел меня через длинные широкие коридоры к восточному крылу банка. Мы шагнули в лифт и на пятом этаже вышли из него. Осматриваюсь.

У меня за спиной двери лифта, а перед глазами большое помещение с двадцатью широкими столами в три ряда, загроможденными бумагой и папками. Здесь работают двадцать человек!

По правую сторону есть дверь, за нею слышен стук по клавишам дюжины печатных машинок. По левую сторону — кабинет начальника на этаже с большими стеклянными вставками в стенах. Босс всегда видит работу своих подчиненных.

Сейчас этот человек видит меня.

Когда я вошла в синий кабинет начальника, служащий в серой форме тихонько закрыл за мной дверь.

Вся мебель в этом кабинете из красного дерева. На стенах несколько картин морской тематики, а у стены, на высокой подставке, модель военного корабля.

— Присаживайтесь, — предложил мне хозяин кабинета.

Седой и строгий, не пытается улыбаться. Держится важно.

— Стюарт Смит, — представился он, когда я села по другую сторону его рабочего стола. — Вас интересует недействующий завод в Стилдоне?

— Все верно, — сказала я. Мужчина надел круглые очки и заглянул в бумаги. — Полагаю, представляться мне не нужно?

— О нет, не нужно. Я знаю, кто вы, — спокойно сказал он. Бегло просматривает бумаги перед собой, а потом протягивает их мне. — Стоимость завода 19 316 000 баллионов.

— Это бóльшая сумма, чем та, на которую рассчитывала, — призналась я и нахмурилась. — Когда была проведена последняя оценка недвижимости?

— В минувшем марте, — взглядом показывает на документы в моих руках. — Вторая страница. К сведению, в прошлом году цена была на восемь сотен выше.

— Предлагаете мне подождать еще год?

Мужчина стиснул челюсти:

— Сегодня банк предлагает вам недвижимость по лучшей цене.

Просматриваю бумаги перед собой, а мистер Смит говорит четко и с расстановкой:

— Недвижимость свободна от любого рода обременений. В цену заложена не только стоимость завода, но и земля, на которой он стоит. Хорошая цена, мисс Лоуренс.

Завод Стилдона уже давно не действует, но он прочен, надежен и простоит еще века. Даже спустя годы запустения завод Стилдона выглядит лучше завода «Интера мотор». Завод Стилдона в разы больше!

Цена действительно невысока.

Учитывая, что банк уже десять лет не может избавиться от нерентабельной недвижимости, уверена, цену можно еще снизить, но на согласования уйдет слишком много времени. Завод нужен мне до того, как на моей земле обнаружат нефть, иначе его цена неизбежно возрастет.

А так ли я уверена, что найду нефть в Стилдоне? Может, эта возможность есть только в моей вселенной, а в этой нефти может и не быть?

— Вам нужно время подумать, понимаю, — в мои размышления вмешался голос мистера Смита. — Можем назначить новую встречу.

Покупаю, — сразу и решительно объявила я.

Тишина в кабинете возникла только на мгновение.

— Очень хорошо! — сказал мистер Смит. Это лицо умеет улыбаться. — Тогда я подготовлю все бумаги. Мы снова встретимся, и... совсем скоро завод будет ваш!

— Очень хорошо, — не так восторженно повторила я его слова.

В этот день меня ждет другая встреча, но уже в Данфорде. Тороплюсь на стилпоезд, крепко рискуя опоздать. Я ворвалась в двери вокзала, очень быстро спускаюсь по ступеням в зал отправлений. Прохожие предусмотрительно расступаются передо мной.

В зале отправлений иду вдоль платформ, мимо больших и шумных стилпоездов. Когда мой взгляд метнулся вверх, к круглым стальным часам у пятой платформы, шаг мой стал заметно быстрее.

Я полагала, что время у меня есть. Я всерьез рассчитывала, что все успею...

Совершенно очевидно, решение назначить две встречи в один день и в разных городах — не самое умное из всех возможных!

Достигнув девятой платформы, я сжала пальцы в кулак, смяв в нем золотой билет на стилпоезд.

— Проклятие! — громко выругалась я. Уперев руки в бока, с досадой смотрю вслед удаляющемуся поезду.

— Мисс? — на меня тревожно смотрит служащий вокзала Илсити.

— Есть стилпоезд на Данфорд, который отправляется прямо сейчас?

— Стилпоезд на шестнадцатой платформе отправляется в Данфорд через десять минут.

— Шестнадцатая? — оглядываюсь. Эта платформа далеко.

— Есть только билеты первого класса, мисс, — торопливо бросил он мне вслед.

К всеобщему удивлению и негодованию, до кассовых окон пришлось бежать. По-настоящему, как в школе на время. По-другому не успеть.

— Стилпоезд вот-вот уйдет, позволите? — торопливо прошу я у взрослого джентльмена во главе очереди в кассовое окно. На лице мужчины расплылась веселая улыбка. Он уступил.

— Шестнадцатая платформа. Данфорд. Первый класс, — протянув деньги в окно, едва дыша, проговорила я.

Мужчина за стеклом молниеносно протянул мне золотой билет. От тринадцатой платформы бегу к шестнадцатой.

Невероятно!

Я слышу гудок. Должно быть, второй по счету.

Билет я протянула проводнику уже в вагоне первого класса. Служащий едва не закрыл передо мной дверь. Убедившись в моих правах держать путь до Данфорда в комфорте первого класса, мужчина проводил меня в мое купе.

Прикрыв дверь, я рухнула на бархат зеленых сидений.

На столе сладости. Скоро мне принесут чай.

Я тороплюсь в Данфорд на встречу с Брюсом Новаком. Мне нужны земли Стилдона, и Новак обещал

справиться для меня как можно скорее.

Брюс справился действительно быстро. И вот теперь мне только осталось поставить свою подпись в кабинете земельного инспектора.

Стилпоезд ускорился. Жилые кварталы сменились производственными районами. Одно за другим тянутся темные здания с гигантскими вывесками и широкими окнами, из высоких труб рвется черный дым.

Стальной путь лежит так близко к фабрике по производству холодильников, что на короткое время я могу заглянуть в окна мастерских. Там идет работа.

Я еще раз взглянула на циферблат своих маленьких наручных часов. Глубоко вздохнула, понадеявшись, что у Брюса все-таки найдется терпение дожидаться меня. В конце концов, этот век не избалован возможностями доступной связи, карманных телефонов еще не существует. Немного времени на любого рода опоздания нужно предусмотреть всегда.

Когда стилпоезд прибыл в Данфорд, я первой из пассажиров вышла из него. Вбежала вверх по лестнице, задев на своем пути нескольких прохожих, а джентльмена в серой шляпе я едва не сбила с ног.

— Простите, — торопливо сказала ему я. Спешу дальше, и уже совсем не слышу, что он говорит мне вслед.

Я не рискнула ехать на такси, а воспользовалась трамваем. Эта машина может пройти там, где запрещено ездить автомобилям, — через парковые зоны. В час пик, когда город стоит, это очень удобное преимущество.

Весь путь через парк западного Данфорда я не сильно обращаю внимание на то, что происходит вокруг. Я не замечаю людей. Я не замечаю места. И так до тех пор, пока трамвай не свернул к саду «Цветущей вишни».

Я вижу беседку с ровным деревянным навесом, вокруг нее невысокие деревья. Мне сразу вспомнились черно-белые фотографии Анны... именно здесь когда-то встретились Томас Стоун и Анна Лоуренс.

Возникла странная ностальгия, будто воспоминания тех дней принадлежат не Анне, а мне самой. Это необычное чувство.

Брюс Новак ждет меня у парадных дверей земельного комитета. Я быстро поднялась по лестнице. Мы коротко поприветствовали друг друга, Брюс предложил следовать за ним. Идем быстро.

Самый загруженный этаж в земельном комитете — первый этаж, он занимается недвижимостью в Данфорде. Об этом говорит табличка над входом. Я заглянула в длинный коридор, а там толпа людей! Очень шумно и жарко.

Брюс поднимается вверх по лестнице, а я спешу вслед за ним.

На втором этаже тоже шумно. Здесь занимаются недвижимостью в отдаленных городках вроде Гринпарка.

Третий этаж принадлежит руководству — из кабинета в кабинет ходят служащие с умным и важным видом. Двери некоторых кабинетов открыты, так что разговоры и стук по клавишам печатных машинок слышно очень хорошо.

Четвертый этаж принадлежит Стилдону, причем речь не идет о городе — здесь заведуют целым районом на юге страны.

На четвертом этаже тихо. Здесь не ходят даже служащие. В абсолютной тишине стук моих каблучков кажется очень громким.

— Почему здесь так пусто? — спрашиваю я Брюса. Тороплюсь за ним.

— Стилдон мало кому интересен, — ответил он и раскрыл передо мной дверь к земельному инспектору.

Низкий и невероятно улыбчивый человек будто ждал нас за дверью. Он с порога протянул Брюсу руку.

— Мистер Ротчер, позвольте представить, моя клиентка Анна Лоуренс, — после крепкого рукопожатия представил меня мужчине, Брюс.

— Рад знакомству, — говорит мне мистер Ротчер. Мельком рассмотрев меня, он любезно предложил сесть в кресло, а сам торопливо вернулся к рабочему столу, туда, где стоит сейчас Брюс.

Мужчины в работе, а я тихонько сижу в сторонке у окна в удобном кресле.

Я рада, что торопиться больше никуда не нужно. Счастлива просто посидеть немного, перевести дух и успокоиться.

Мой взгляд неторопливо перемещается по большому и странному кабинету. Здесь все очень домашнему: повсюду семейные черно-белые фотографии, на всех окнах стоят цветы.

В кабинете есть даже телевизор! Кресло, которое сейчас занимаю я, уверена, обычно стоит напротив маленького ящика на тонких ножках.

Мой взгляд вернулся к мужчинам. Мистер Ротчер суетится и волнуется, кажется, за очень долгое время это его первая настоящая работа.

Кажется, начинаю понимать, почему земли Стилдона достались мне так скоро.

— Мисс Лоуренс, ваша подпись, — протянул мне ручку Брюс. Я встала с кресла, подошла к столу и склонилась над бумагами.

Земельный инспектор, мистер Ротчер, он же консультант, он же архивист, расставил повсюду большие замысловатые росчерки. От меня потребовалась только одна подпись.

В этом странном кабинете мы не пробыли даже десяти минут.

— Земля в Стилдоне теперь моя? — подразумеваю я нужный мне участок на юге страны.

— Улажу некоторые формальности, и да, мисс Лоуренс, земля ваша, — сказал мне Брюс, когда мы вышли на улицу. — Не волнуйтесь, для этого мне потребуется день, может, два.

— Я у вас в долгу, Брюс. Спасибо!

— Надеюсь, вы добьетесь успеха в том, что делаете. Что бы это ни было, — сказал он мне и улыбнулся. — Удачи вам... Анна.

— До встречи, Брюс.

Глава 8

Где бы ни находился Клайд Коллинс, небоскреб Хэнтон был виден отовсюду. Он привык возвращаться из больницы, на секунду обратив внимание на черную иглу, что тянется к небу; привык ее видеть во время прогулок и встреч. Темный небоскреб как ненавязчивый участник в его жизни теперь самым непосредственным образом вторгся в нее.

Клайд Коллинс поднялся вверх по лестнице и вошел в карусельные двери.

Оказавшись в широком холле, мужчина ненадолго остановился. Здесь он впервые. В холле высокий потолок, а по центру висит большая люстра. По обе стороны холла винтовые лестницы, их перила выглядят так, будто сделаны из золота. Впереди, на той стороне холла, три лифта.

Людей очень много.

Быть здесь — раздражающая необходимость. Необходимость — потому что от этого зависит возможность быть с ней. Раздражающая — потому что придется иметь дело с ним.

Лифт долго поднимается вверх, по мере остановок на этажах людей в нем становится меньше. К тому времени, когда лифт достиг девяносто девятого этажа, Клайд в нем остался один, двери из темной стали медленно расступились перед ним... удары по клавишам печатной машинки мгновенно прекратились. На той стороне приемной на Коллинса смотрит девушка с большими зелеными глазами. Мужчина сделал шаг вперед.

— Вы в приемной мистера Хэнтон, чем могу помочь? — улыбнулась ему девушка в коричневом строгом платье. Дэйзи Мур. Секретарь Джона Хэнтон.

— Клайд Коллинс. На это время назначена встреча.

Девушка подняла телефонную трубку, коротко оповестив о посетителе, а когда трубка легла на место, она с вежливой улыбкой сказала Коллинсу:

— Мистер Хэнтон ждет вас.

Стук по клавишам печатной машинки возобновился.

Клайд вошел в кабинет Джона Хэнтон. Кабинет холодный и строгий, под стать его хозяину.

— Все-таки пришел, — без злости бросил ему Хэнтон, облокотившись о спинку кресла за большим рабочим столом. У мужчины сосредоточенно-острый взгляд.

— Я не рассматривал возможность поступить иначе.

Клайд прошел вглубь кабинета, сохранив при этом спокойное выражение лица. Без страха остановился у большого широкого окна из любопытства взглянуть на город с высоты девяносто девятого этажа. Хозяин кабинета внимательно наблюдает за ним.

— У тебя есть час, потом у меня встреча, — предупредил Хэнтон.

Коллинс неторопливо отошел от окна и сел в кресло по другую сторону широкого стола. Мужчины смотрят друг на друга.

— Ты не согласен расстаться с ней. Это проблема, — прямо сказал Клайд.

В глазах Хэнтон сверкнула сталь.

— Чего ты хочешь от меня? — с очевидной прохладой в голосе бросил Джон.

— Оставь ее.

— Этого не будет.

Возникла короткая тишина. Клайд сказал:

— Нам нужно прийти к соглашению.

— И что ты предлагаешь?

— Предлагаю честную игру.

— Что заставляет думать, что я — честный игрок? — спросил Джон. — За мной «Интера мотор». Мои деньги остаются у Анны до тех пор, пока я этого хочу. Я ее опекун. Я ее кредитор. Все, чем она

владеет, принадлежит мне. Она принадлежит мне. У тебя будут еще предложения?

Возникла долгая тишина. Только теперь Клайд Коллинс получил полное представление о том, с кем имеет дело.

— Разве тебе достаточен один только факт обладания ею? — немного обдумав, спокойно спросил Клайд. Хэнтон не поменялся в лице. — Уверен, что нет. Тебе не все равно, каким будет ее отношение к тебе, но если я ошибаюсь и держать ее на привязи рядом с собой — это все, что тебе нужно, что ж, тогда ты все делаешь правильно... Забери у нее Стилдон так же, как отобрал у нее «Интера мотор». Отбери у нее меня. Она возненавидит тебя, Джон Хэнтон.

— Вот оно что, — на лице Хэнтона возникла странная улыбка. Мужчина взял из коробки сигару и поднес ее к огню. Жестом руки показал на дорогую коробку Коллинсу, но Клайд отказался.

С сигарой в руке Хэнтон поднялся с места и неторопливо подошел к окну. Всматривается в небесную пустоту, совершенно спокойный перед бездной, от которой его отделяет прозрачное стекло. Мужчина поднес сигару ко рту, а в следующее мгновение из его рта стремительно вырвалось густое облако дыма.

— Как-то показал ей производственный цех в Юдеско, — задумчиво проговорил Джон. Взгляд его по-прежнему устремлен в окно. — Бетонные плиты, железные трубы, производственные машины и жара как в аду. Цех в Юдеско должен был столкнуть ее с реальностью, развеять глупые фантазии и избавить ее от безумной идеи стать хозяйкой «Интера мотор». Этого не случилось... Когда в «Интера мотор» начался массовый отток рабочих, я спросил ее, что она будет делать, если вдруг не останется совсем никого.

Джон посмотрел на Клайда. Улыбка на лице Хэнтона стала веселой.

— Эта женщина заявила, что сама будет собирать машины, если придется. Ты мог бы такое представить, Коллинс?

Я верю, что она на это способна, — сдержанно ответил он.

— Она могла бы стать хозяйкой магазина, ателье, пекарни, черт возьми, но довольствоваться малым не в ее амбициях... Что бы она ни задумала в Стилдоне, желаю ей только удачи, — спокойно бросил Джон. Клайд нахмурился.

Слова Хэнтона, последние из тех, что он сказал, озадачили Коллинса. В его сознании возникла смутная догадка, и он спросил:

— Почему ты отнял у нее «Интера мотор»?

— Чтобы предложить ей то, что будет много лучше этой компании, — объявил Джон. — «Интера мотор» требует для себя неоправданно много сил, времени и вложений. Это расточительство. Я намеревался дать ей что-то стоящее, во что можно и нужно вкладывать свое время и силы. Я мог дать ей все, — сказал человек с холодной сталью в глазах. — Но какой смысл дать ей все, чего она хочет, если у нее не хватит ни воли, ни характера, ни способностей это удержать.

— Ты выбрал странный способ показать ей свои намерения.

— Если бы она знала о моих намерениях, у нее не возникло бы причин держаться за то, что у нее стремятся отнять. «Интера мотор», условия, которые я для нее создал — это был лучший способ посмотреть, на что она способна, — на лице Хэнтона высоко взметнулся уголок рта. — Я бросил вызов. Анна ответила. Немного неуклюже, но в целом вышло в моем стиле.

Мужчина опять поднес сигару ко рту.

— Стилдон... — задумчиво сказал Джон, и вместе со звуками этого слова изо рта выплыло густое облако дыма. Его взгляд уткнулся в Коллинса. — Ты веришь, что она добьется своего?

— Верю.

— Похвально, — легко и сразу бросил Джон. Взгляд Клайда стал подозрительным. — Ведь за этим неизбежно возникнут последствия. Изменится ее способ мышления. Поменяется стиль жизни.

— Это ожидаемо.

— Она станет эгоисткой. Она захочет жить для себя и во имя себя. У нее уже это в характере. Настанет день, когда ты не сможешь ее понять. Вам не о чем будет говорить. Вы начнете раздражать друг друга. Тоже ожидаемо, Коллинс?

Челюсть Клайда сомкнулась плотнее. Хэнтон заметил это.

— Презираешь меня? Так представь себе, Коллинс, пройдет немного времени, когда она мало чем будет отличаться от меня. Если она не пожертвует своими амбициями ради тебя, у вас нет будущего.

— Если у людей разные цели в жизни — это еще не значит, что их жизнь вместе станет чем-то невыносимым. Отношения между людьми строятся на других вещах.

— Например?

— Компромисс и уважение.

— Компромисс существует для поддержания здорового баланса в отношениях, но на нем ничего не строится. Брак — это сделка, супруги — партнеры, если курс жизни расходится в гонке не единых целей, о каком будущем может идти речь? Ты хочешь быть с ней, Коллинс, я понимаю тебя. Но выглядит твое желание нелепо. Твое стремление — все равно что на велосипеде пытаться угнаться за автомобилем. Безнадежно.

— Думаю, к большему мы сегодня не придем, — немного обдумав, заключил Клайд.

— Тогда закончим на этом.

Клайд Коллинс не слишком рассчитывал на согласие Джона Хэнтон отступить. Он знал, на что реально мог рассчитывать, и хотел бы верить, что добился этого.

Утром мне позвонил служащий Национального банка Илсити, мистер Смит, и назначил встречу. На такси я домчалась до вокзала западного Данфорда и села на стилпоезд.

Когда я пришла в банк, в кабинет к мистеру Смигу, тот удивил меня странной новостью. Встреча состоится не с ним. К моему глубочайшему неудовольствию, встреча предстоит с временным управляющим банка Илсити, Аланом Лонгером.

В миг, когда я услышала это имя... по ощущениям — будто дали под дых.

Лифт поднялся до крайнего этажа. Когда двери расступились, я сделала шаг вперед.

В светлом и широком кабинете за большим письменным столом Алан Лонгер. Бледный худой человек гордо расправил плечи в кресле, закинув ногу на ногу. Смотрит на меня с невежливым любопытством.

Терпеть не могу этого человека и не скрываю этого, но высказать открытую враждебность остерегаюсь:

— Рада встрече, мистер Лонгер, — тон моего голоса доказывает обратное.

— Взаимно, мисс Лоуренс, — без жизни в голосе ответил он. — Садитесь.

Я села по другую сторону стола Лонгера. Попыталась придать своей позе хотя бы видимость некоторой расслабленности, чем вызвала у мужчины короткую усмешку. Проследив за его взглядом, с досадой обнаружила, что мои пальцы плотно сжаты в кулак.

Разжала их очень медленно.

— Мне нужно быть вежливым и спросить, как у вас дела? — спросил меня Алан Лонгер.

— Нет.

— Тогда перейдем сразу к делу?

— Да.

— Вы покупаете завод в Стилдоне, могу ли я полюбопытствовать зачем?

— Не можете.

Мужчина не выглядит оскорбленным, кажется, ему даже понравилось.

— Вам не позволят заниматься добычей нефти, — прямо говорит он.

В груди возникло неприятное давящее чувство.

— Вы удивлены моей осведомленностью в ваших делах? — спросил он.

— Не слишком, — честно призналась я. — Почему мне не позволят заниматься добычей нефти? Есть закон, ограничивающий меня в такой возможности?

— Есть люди, которые ограничат вас в такой возможности.

Во мне полыхнул гнев. Уверена, его пламя сейчас сверкнуло в моих глазах.

— Чего вы от меня хотите? — прямо спрашиваю я.

Лонгер тихо рассмеялся.

— Чувствуется воспитание Хэнтонна, — сказал он. Позволив мгновению затянуться, продолжил:

— Я хочу долю, мисс Лоуренс.

Пламя в моих глазах разгорелось сильнее, но я сдержанно уточняю:

— В каком размере?

— Тридцати процентов акций будет достаточно.

Нависла гнетущая тишина.

В мыслях я бросаю этому мерзавцу самое решительное «Нет!», а на деле тише, чем следовало, говорю:

— Я подумаю.

Лонгер не попытался скрыть своих чувств. Я вижу, как черные точки в его маленьких глазах стали еще темнее. Совершенно очевидно, этому человеку мой ответ совсем не понравился.

Под предлогом крепкой занятости я вежливо избежала затяжной беседы. Говорить с этим человеком так, чтобы голос не дрогнул, было самым трудным.

Прежде чем уйти из банка Илсити, я опять появилась в кабинете мистера Смита. Сделала это без стука в дверь. Седой и строгий человек мгновенно поднял на меня глаза.

— Что с документами на завод в Стилдоне? — потребовала я. Слышу холодные стальные нотки в собственном голосе.

— Нужно время, чтобы уладить некоторые формальности.

Я крепче сжала губы и подступила к мужчине на несколько шагов.

— Это не займет слишком много времени, — очень тихо добавил Смит. Мужчина медленно садится в кресло, не сводит с меня тревожный взгляд.

— Если до конца месяца я не получу решение, построю собственный завод, — предупреждение звучит как угроза, и я знаю, что оно дойдет до ушей Лонгера.

Я совсем не помню, как вошла в двери лифта. Я не помню, как спустилась по широким ступеням банка Илсити. Все мое сознание горит. Мысли заняты одним только Стилдоном и новым для меня положением дел.

Прохожие с удивлением таращатся на меня. По улице несусь с решительным каменным лицом и острым взглядом, едва не лечу по тротуару, оставляя за спиной глухой стук каблуков.

Требование Лонгера сбивает меня с толку. Нефти у меня еще нет, и одному только богу известно, будет ли? Невероятно! У меня даже компании нет, но, несмотря ни на что, уже сейчас этому человеку все равно что-то нужно от меня получить...

Вечером, когда село солнце, на улицах Данфорда зажглись желтые фонари. Загорелись вывески и рекламные щиты. Появились большие очереди в рестораны, клубы, кинотеатры.

В теплый вечер пятницы Клайд привел меня в ресторан. Никакой очереди нам ждать не пришлось — Коллинс позаботился об этом. В ресторане много красивых и интересных людей в дорогих костюмах и элегантных платьях. На сцене играет приятная оркестровая музыка.

Нас проводили за столик. Человек в черном смокинге зажег для нас настольную лампу, принял заказ и торопливо ушел. Лампа на столе во многом напоминает зеленый гриб с сильно изогнутыми полями шляпки.

— О чем думаешь? — спросил меня Клайд, обратив внимание на задумчивое выражение моего лица.

— О том, что впервые вижу тебя в белой рубашке, — улыбнулась я. А еще на шее мужчины завязана черная бабочка, а на рукавах сверкнули желтые запонки. Эти вещи я тоже вижу на нем впервые.

Музыка затихла. Благодарная публика аплодирует оркестру. Я тоже тихонько аплодирую мужчинам в блестящих оранжевых костюмах.

— Я еду в Илсити, — сказал мне Клайд. Мой взгляд метнулся. Я с тревогой смотрю в синеву его глаз.

— Надолго?

— Две недели.

Я заметно расслабилась. Улыбнулась.

— Хорошо, — легко сказала я. — А что будет в Илсити?

— Я выступлю с диссертацией.

На короткое мгновение я забыла, как дышать.

Странно смотрю на Коллинса, а он внимательно следит за выражением моего лица.

Мы оба знаем, о какой диссертации идет речь.

— Ты ведь не назовешь моего имени, Клайд? — осторожно спрашиваю его я, хотя и так знаю, каким будет его ответ.

— Конечно, нет.

— Хорошо, — моя улыбка получилась надломленной. В моих мыслях вдруг возникли слова: «объект», «пол», «возраст». Так обо мне будет говорить Коллинс. Хорошо, что мне не придется это слышать.

— Я могу не ехать в Илсити, — вдруг сказал он. Мой взгляд опять уткнулся в синеву его глаз. Я нахмурилась.

— Что ты такое говоришь?

— Если мое выступление в Илсити ранит твои чувства, я предпочитаю не ехать вовсе, — решительно заявил он.

Мои губы приоткрылись, но на язык не легли никакие слова.

Смотрю на мужчину так, будто только сейчас по-настоящему узнаю для себя этого человека. В груди возникло приятное тепло, а на губах растянулась благодарная улыбка, и в этот самый миг я понимаю — мои чувства к Клайду Коллинсу стали сильнее.

Моя улыбка больше не выглядит надломленной.

— Я хочу, чтобы ты поехал в Илсити, — уверенно говорю ему я.

Клайд смотрит с некоторым недоверием.

Мужчина взял меня за руку, его пальцы нежно сжали мне ладонь.

— Точно?

— Никаких сомнений.

К ночи приятный вечер закончился.

Клайд снимает квартиру на юге города. Мы вышли из машины такси, не разжимая пальцев наших рук, поднялись по узким и неровным ступенькам многоквартирного дома.

— Мистер Коллинс! — окликнул кто-то. Я и Клайд обернулись на звук одновременно. Высокий мужчина в шляпе с короткими полями вышел из тени. — Боюсь, мисс Лоуренс не сможет переступить порог этого дома вместе с вами.

Я хотела осадить наглеца, а Коллинс меня остановил. Мягко удерживая мое запястье, сказал незнакомцу:

— Кто вы?

— Генри Фриц. Частный детектив с полномочиями полицейского.

Клайд и я тревожно переглянулись.

— Показать удостоверение? — предложил человек в длинном сером пальто.

— Что вам нужно? — потребовал от него Клайд.

— Убедиться, что мисс Лоуренс не переступит порог этого дома, в противном случае я буду вынужден сопроводить ее на Северо-западную, шесть.

— Это дом Хэнтонна, — говорю я.

— Ваше решение? — спрашивает Фриц.

— Это уже слишком! — разозлилась я. Я сделала решительный шаг вперед, а пальцы Клайда на моем запястье сжались сильнее.

— Первое время лучше придерживаться правил Хэнтонна, — тихо сказал он мне. Теперь мой взгляд уткнулся в Коллинса.

— А по-моему, этому мерзавцу нужно твердо обозначить границы дозволенного.

— Пока что эти границы обозначил он нам, — спокойно заметил Клайд. У меня распахнулись губы, чтобы горячо возразить, но Коллинс перебил. — Мне предпочтительней, чтобы ты была в собственном доме, а не на Северо-западной, шесть. Поступим по-своему — Хэнтон запрет тебя в своем особняке.

Мне не хочется соглашаться с Коллинсом, но я соглашаюсь. Мужчина перевел взгляд на Генри Фрица.

— Я отвезу мисс Лоуренс домой, — без гнева, но с раздражением сказал Фрицу Клайд.

— Хорошо.

Какая я все-таки наивная. Всерьез решила, что Джон Хэнтон отступит, считаясь с моим решением? Если быть честной, я на это не сильно рассчитывала, но ведь прошло уже какое-то время и я потеряла бдительность.

Что теперь?

По снисходительной милости я могу быть в обществе Клайда Коллинса, но на что-то еще рассчитывать явно не приходится.

Будь ты трижды проклят, Джон Хэнтон!

Следующие два дня прошли спокойно, за исключением одного происшествия... На пути в Стилдон часть оборудования для установки буровой вышки была утрачена. Когда я позвонила Арчи Томпсону, чтобы предложить помощь в решении проблемы, выяснилось, что решение Томпсон уже нашел. Все будет выполнено в срок. Он обещал мне это.

Я заметно успокоилась, но случившееся заставило меня крепко задуматься.

Стальной путь заканчивается на границе со Стилдоном. Место, где я намерена добывать нефть, очень далеко от конечной станции.

Мне нужна стилдорога с надежным и ответственным поставщиком, от этого сильно будет зависеть успех моего предприятия.

Я с большим удовольствием взялась бы за строительство дороги уже сейчас, наняла бы компании... Но никаких денег у меня для этого не хватит. Мне нужен партнер. Мне нужен инвестор, тот, кто готов вложить свои деньги в это дело.

В вечер буднего вторника, коротко взглянув на большую вывеску «Технология будущего», я вошла в небоскреб. Поднялась на нужный этаж. Тихонько постучалась в темную дверь и вошла в овальный кабинет Майкла Гроуза. Здесь небольшой беспорядок.

В этом кабинете я была только раз и очень давно. Помню большой чертеж стилпоезда «Прогресс», что когда-то висел на стене меж больших и вытянутых окон, сейчас на том же месте растянут

чертеж другой машины.

— Анна, — улыбка Гроуза, как всегда, бессовестно обворожительна.

Я скучала по этой улыбке. Очень.

— Здравствуй, Майкл.

Пару месяцев назад, во владениях Хэнтон, Майкл Гроуз едва не убил меня выстрелом из пистолета. Случайно. А я угнала его машину. Не случайно.

После того дня нам не довелось встретиться вот так, как сейчас, лично. Мы с Майклом говорили только по телефону — обсудили случившееся, философски заключив, что в той истории безусловно невиновных нет... Для этого нам не понадобилось много слов. Мы оба захотели поскорее забыть об этом.

— Располагайся, — сказал мне Гроуз, сняв со спинки стула свой пиджак. Но я не сажусь на предложенное место. Мой взгляд уткнулся на воротник его белой рубашки. Мужчина заметил это. Слегка нахмурился. — Что-то не так?

— Твоя рубашка испачкана красной помадой, — сказала я. Сажусь на предложенный мне стул и с любопытством наблюдаю за мужчиной.

Лицо Майкла стало виноватым.

— Помада, — как ругательство сказал он, а моя улыбка стала шире. Очевидно, с такой проблемой мужчина сталкивается уже не в первый раз. — Что ж, сейчас я с этим ничего не сделаю. Давай притворимся, что этого нет на моей рубашке, и ты перестанешь на меня смотреть вот так.

— Ладно.

— Я могу предложить тебе воду или виски. Ты хочешь чего-нибудь?

— Нет... — мое лицо стало серьезным. — Майкл, у меня к тебе дело.

— По другой причине в этот кабинет ты не заходишь, — дружелюбно заметил Гроуз. Мужчина облокотился о край стола, скрестив на груди руки. — Чем могу быть полезен?

— Мне нужна стилдорога от Илсити до Стилдона.

Острые брови Гроуза высоко взметнулись вверх.

— Та, что протянута до конечной станции, у самой границы со Стилдоном, не годится. Она устарела и изношена. Я хочу, чтобы «Технология будущего» поставила новую. Что думаешь? — спросила я.

— Легче, Анна, — усмехнулся Майкл. — В последний раз ты просила меня о квартире в Конектике, а теперь предлагаешь протянуть стилполотно через всю страну. В другой раз не уверен, что впусти тебя в свой кабинет.

— Майкл, сейчас я спрашиваю тебя о вполне серьезных вещах, — стараюсь быть убедительной. — Мне действительно нужно знать, что ты об этом думаешь.

В кабинете стало тихо.

— Дорога на Стилдон? — задумчиво проговорил Гроуз. Взгляд Майкла стал серьезным, а выражение лица в целом остается дружелюбным и приятным.

— Дорога на Стилдон, — повторила я.

— А что меня должно заинтересовать в Стилдоне?

— Перевозка моей нефти. Я заполню все твои вагоны и не предлагаю, а требую по меньшей мере три рейса в день. Что скажешь?

— Звучит неплохо, — с некоторым замешательством проговорил Майкл.

Мужчина отлип от стола и прошел к бару. Разлил в бокалы виски, и, ни о чем меня не спрашивая, один из бокалов протянул мне. Жест выглядит как привычка, когда в его кабинете говорят о делах.

— Я не слышал, чтобы в Стилдоне нашли нефть, — заметил он. — Когда об этом объявят?

— Нефть еще не обнаружена.

Майкл нахмурился.

— Я не понимаю, — признался он.

— Я не прошу поставить стилполотно уже завтра. Когда обнаружат нефть на моей земле, я хочу, чтобы «Технология будущего» взялась за проект прежде, чем инициативу перехватят другие. В этом смысл этой встречи, — сказала я. — Поставь вопрос на обсуждение в своей компании, Майкл. Я предлагаю вам преимущество. Я хочу, чтобы вы были первыми.

Майкл Гроуз не поменялся в лице.

— Что об этом думает Джон?

— А почему важно, что думает об этом Джон?

Он не знает? — всерьез удивился Майкл.

— К моим делам в Стилдоне Хэнтон не имеет отношения.

Из кабинета Майкла Гроуза я вышла в смешанных чувствах. Я сделала важное дело, но меня не оставляет чувство, будто что-то пошло не так...

Либо я сама выбираю перевозчика, либо этот выбор сделают за меня. Какой смысл добывать нефть, если доставить ее до потребителя невозможно? Как ни поверни, но я целиком буду зависеть от перевозчика. Поэтому так важно, чтобы Гроуз стал первым в этом деле. Не Лонгер, не Хэнтон и не кто-либо, похожий на них. Мне нужен Майкл Гроуз!

Стилпоезд Коллинса совсем скоро отправится в Илсити. На четвертой платформе много людей. Большая синяя машина издала уже первый гудок, совсем скоро раздастся второй.

На четвертой платформе мы с Клайдом держимся за руки. Прощаться в поцелуях не принято, но тепло его рук и нежная улыбка на губах вызывают во мне приятную трепетную дрожь, с которой не сравнится даже самый страстный поцелуй.

Когда прогремел второй гудок, стилпоезд качнулся. Люди вокруг зашевелились.

— До встречи, — сказал мне Клайд. Мужчина быстро коснулся губами моего виска, как если бы пытался украсть этот поцелуй. У стилпоезда он помогает взгромоздить немолодому джентльмену большую сумку и с легкостью взбирается в вагон сам.

Когда раздался последний гудок, послышался скрежет стальных колес по стилполотну. Огромная машина с шумом поползла из крытого вокзала западного Данфорда к туннелю.

Я не ушла. Я смотрю вслед стилпоезду, и, когда тот скрылся в темноте туннеля, на сердце опустилась тоска. Я уже скучаю по Клайду.

На выходе из вокзала привычно задерживаюсь у газетного ларька. Широкое и доброе лицо по ту сторону прилавка улыбнулось мне. Я ответила той же любезностью.

Я взяла утреннюю газету, которую не смогла пролистать этим утром. Газеты — способ узнать, что происходит в мире. Телевизор я не смотрю.

Я протянула за газету золотую купюру, но вместо того чтобы принять ее, продавец снял с прищепки бульварное издание. Протягивает его мне.

На обложке издания черно-белая фотография меня и Коллинса за столиком в ресторане в минувшую пятницу. На снимке изображен тот миг, когда Клайд взял меня за руку.

— Журнал я тоже возьму...

Глава 9

— Что ты думаешь об Анне Лоуренс, Чак?

Я нахмурилась. Мой взгляд только на мгновение упал на маленькое квадратное радио в приборной панели машины и сразу вернулся к пустой дороге. В долинах Стилдона я разъезжаю уже два часа.

— Я восхищен ею, Гарри, — уверенно сказал Чак.

— Правда?

— Именно, Чак! Она великолепна, — трещит голос из радио. — Лоуренс получает все, что ей нужно, всеми доступными способами. Не нравится фамилия Стоун, — мужчина в радио присвистнул. — Эй, Хэнтон, нужен развод!

— И Хэнтон сделал это.

— И Хэнтон сделал это, — многозначительно повторил Чак. — Ты помнишь, что тогда творилось в прессе?

— Я не читаю прессу, — пошутил Гарри.

— А я читаю прессу. И я помню, как мой день начинался с фотографии Хэнтона и Лоуренс, когда я брал в руки газету по утрам. И так целую неделю! Хэнтон и Лоуренс на первых полосах. Я видел их лица дома. На улице. Везде!

— Только неделя, Чак. Это не страшно.

— А бульварные издания писали о них еще два месяца! — возмущенно заметил Чак. — Так вот, Гарри, наступили дни, когда не пишут о Хэнтоне и Лоуренс...

— Так.

— Проходит день.

— Так.

— Проходит другой.

— Та-ак, — совсем протяжно сказал Гарри. В эфире появилась барабанная дробь.

— Как-то утром я налил себе чашку кофе. Взял в руки утреннюю газету. Переворачиваю первую страницу, и что я вижу! — барабанная дробь прекратилась. Раздался звонкий удар тарелок. — Коллинс и Лоуренс!

Раздался смех Гарри. Громкий.

— И знаешь, что я понял, Гарри?

— Что ты понял, Чак?

— У меня скучная жизнь.

— Дамы и господа, мы слушали остряка Чака Балми, а теперь подошло время слушать вас. Итак, первый звонок. Гретчем Сандорс. Гретчем, вы хорошо слышите нас?

— Да, да! — в радио с треском раздался женский голос.

— Гретчем, вы наверняка знаете, кто такая Анна Лоуренс. Вы должны были услышать о ней хотя бы раз. Итак, Гретчем, вы разделяете мнение нашего гостя. Анна Лоуренс великолепна?

— Анна Лоуренс великолепна в своем распутстве! Я не...

Я выключила радио. Слышать один только шум двигателя много приятнее.

Джон Хэнтон. Анна Лоуренс. Клайд Коллинс. Пресса и шоумены вывернули наши жизни наизнанку.

Я очень зла, оттого что все эти слова оставляют во мне неприятный осадок, отражаются на моем внутреннем равновесии и заполняют мысли.

Надо научиться отбрасывать эти ненужности в сторону. Не думать о них.

Прямо сейчас я так и поступила.

В Стилдоне знойная жара.

Кондиционеров еще не существует. Ветерок из полностью опущенного окна приятно обдувает мне лицо и волосы.

Впереди желтая пустыня. Над головой чистое голубое небо. Редкие зеленые островки на горизонте доказывают, что в этом месте еще есть жизнь.

В маленьком городке из больших разрушенных домов и тонких сараюшек, что зовется Новым Стилдоном, тоже есть жизнь — люди. Впрочем, их тусклые взгляды, унылый вид и образ жизни заставляют крепко задуматься над этим утверждением.

Женщина в балахоне, неумытая и растрепанная, облокотилась о дверной проем. Эта женщина следит за мной не потому, что я чужая и доверия ко мне быть не может, скорее я — что-то необычное, появившееся здесь впервые за много лет.

— Где здесь телефон?! — кричу ей я, а женщина продолжает смотреть на меня потухшими глазами; когда наконец осмыслила вопрос, повернула голову и показала за угол дома.

Рассеянно говорю:

— Спасибо.

Обернулась на шум. Двое малышей уселись у переднего колеса моей машины и хохочут над их же искаженными лицами в отражении круглого блестящего колпака.

Я оставила машину и свернула за угол дома. До телефонной будки пришлось немного пройти.

Вокруг меня разрушенные дома. Под ногами редкий мусор. Впереди я вижу не детей, а подростков. Они с любопытством следят за мной.

В этой части забытого города жизни больше, чем в той его части, где нам с Коллинсом довелось побывать.

Телефонная будка, серая и битая, стоит как памятник покинувшей эти места цивилизации: в будке нет двери, а в вытянутых окошках больше нет стекла. И все равно передо мной подлинное чудо, резко контрастирующее с окружающей действительностью.

В отверстии для монеток торчит леска, ее конец привязан к самой трубке. Тяну за леску, а спустя мгновение в моей ладони оказывается старая ржавая монета.

Забрасываю монету обратно и набираю знакомую комбинацию цифр. Пошли гудки. Ответил администратор гостиницы, а потом звонок направили в апартаменты Хэнтон. Мне повезло. Мужчина поднял трубку.

— Здравствуй, Джон.

— Анна, — бодро поприветствовал он.

— Как Юдеско?

— Сезон дождей, так что влажно. Ты в Стилдоне?

Сезон дождей здесь бы не помешал. В условиях удушливой жары стираю влагу со лба и говорю:

— Разве детектив забыл тебе о чем-то доложить?

Слышу тихий смешок на той стороне провода:

— Старался быть вежливым.

— Твой человек испортил мне вечер, — без претензии в голосе подразумеваю испорченный вечер с Коллинсом.

— Значит, плачу ему не напрасно.

Наверное, я привыкла к выходкам Джона и больше они меня не удивляют. Таков Хэнтон, а потому злость моя бессмысленна.

— Я не знаю, сколько еще буду здесь... — бесстрастно перешла я к делу. — Твой маршрут никак не пересекается со Стилдоном?

— Мог бы встретиться с тобой через три дня. Цель встречи носит деловой характер или это дружеский визит?

— У меня есть к тебе разговор, — уклончиво говорю я. — Нужен совет.

— Ладно, — тон стал мягче. — У тебя все хорошо?

— Прямо сейчас — вполне.

— Что ж, тогда жди меня через три дня.

— Спасибо, Джон.

— До встречи, Анна.

Я повесила трубку. Вышла из телефонной будки и вернулась к машине.

Красный седан цел. Блестящие колпаки все еще на колесах.

Это хорошо.

Я села в светло-коричневый салон. Завела двигатель и выжала газ.

От Нового Стилдона к бурильным вышкам час пути на юго-восток. Это если не по дороге, а по желтому грунту, оставляя позади высокий столб дорожной пыли.

Солнце высоко в небе. В Стилдоне сейчас 40 градусов. Только через пару часов приблизится желанная прохлада, а металлическая фляжка рядом со мной уже пуста.

Совсем скоро показалась тонкая извилистая голубая нить. Вода блестит на солнце. Я не лишила себя удовольствия остановиться у реки. Промочив лицо и руки, посмотрела на бескрайние желтые просторы. В такую жару не летают даже птицы.

На фоне размытого от жары горизонта, очень далеко, как мираж, вижу плывучие очертания рабочей площадки. Вот туда-то мне и надо.

Я вернулась к машине. Двигатель заработал громче. Красный автомобиль опять несется вперед, оставляя за собой желтый столб дорожной пыли.

По мере приближения к лагерю отчетливее вижу, как на буровой площадке трудятся четыре десятка рабочих. На площадке три буровых вышки. Черные трубы из темной стали в сердце деревянных конструкций со свистом поднимаются вверх и с грохотом опускаются вниз. Здесь очень шумно.

Я заглушила машину рядом с большой зеленой палаткой из плотной грубой ткани. Палатка растянута в ста метрах от вышек. Рядом с палаткой есть несколько плетеных темных стульев. На одном таком стуле под большим пляжным зонтом удобно растянулся Генри Фриц — детектив, нанятый Хэнтоном.

Я вышла из машины. От работы буровой под ногами содрогается земля. Немного.

Я вошла в зеленую палатку. Здесь пара раскладных столов, несколько стульев и большие деревянные бочки с питьевой водой. Арчи Томпсон привез в Стилдон только необходимое. Условия контракта выполнил точно в срок.

Рабочие трудятся посменно, и днем, и ночью, не прекращая работу ни на час. Так мне было нужно. На это согласился Арчи Томпсон, разумеется, за соответствующую плату.

Мне нравится этот сдержанный и серьезный человек, откровенно в восторге от его подхода к делу.

— Зачем вы остаетесь здесь? — спрашиваю я Генри Фрица. Протягиваю ему кружку, полную чистой питьевой воды, и сажусь рядом с ним, за соседний стул. Тень от пляжного зонтика падает и на меня тоже. — Коллинс еще неделю будет в Илсити.

У мужчины красивая улыбка, но наглая.

— Коллинс или нет, я буду присматривать за вами.

— Я думала, вас наняли только для того, чтобы держать нас с Клайдом подальше друг от друга.

— Да, — уверенно заявил он.

Совершенно беззлобно смотрю на детектива. Его голова накрыта светлой тканью, расстегнуты

верхние пуговицы его белой рубашки. Растянувшись на стуле, он не спеша потягивает прохладную воду, как если бы пил какой-нибудь коктейль.

— Для чего тогда вы остаетесь здесь? — повторила я свой вопрос.

— Кто знает, как может быть насыщена ваша жизнь. Посмотрим, может, и выслужиться получится, — просто ответил он, а у меня от изумления приоткрылись губы. — Знаю, то, чем я занимаюсь, мерзко. Вы меня презираете.

— Вообще-то нет, — немного обдумав, честно сказала я. Облокотилась о спинку своего стула. Больше не смотрю на Фрица, мой взгляд устремлен на работу буровых вышек. — Ваш наниматель через несколько дней будет здесь и лично убедится, какой вы молодец.

— Вот как? — Фриц кажется удивленным. — По вашему приглашению? — зачем-то уточнил он.

— Это кажется странным?

— Да, — задумчиво улыбнулся Генри. — Обычно в своей работе я сталкиваюсь с тем, что люди ненавидят друг друга. Вполне естественно, когда презирают меня. В этом деле нет ничего похожего. Я не вижу между вами...

— Войны?

Генри Фриц на это ничего не сказал. Припомнив слова Коллинса, говорю:

— Война не нужна. Все встанет на места само собой.

Нужно только подождать.

Эти слова по сути своей означают бездействие.

Клайд предложил встать на путь наименьшего сопротивления и не искать способ накалять существующий конфликт. Не провоцировать Хэнтон на радикальные решения. Успокоиться. Только так со временем Джон сможет осознать и принять существующее положение дел. Придет день — он отступит.

Когда я думаю о Коллинсе и о том, что он мне сказал, понимаю, насколько Клайд деликатен в эксплуатации такого сложного механизма как человеческий характер.

Уверена, между Коллинсом и Хэнтоном состоялась встреча, о которой ни один из них мне не сказал, ибо Джон никогда бы не удовлетворился простым наблюдением усилиями Генри Фрица. Зная Хэнтон и его грубую манеру вести дела, Коллинс должен был в лучшем случае получить работу в другом городе; я готовилась к участи быть запертой в особняке. Но этого не произошло, и без Клайда Коллинса здесь не обошлось. Джон согласился на своеобразный компромисс, а я вышла на путь смирения. Время нужно всем нам.

— Чтобы получить Джона Хэнтон, уверен, вам через многое пришлось пройти, — вдруг сказал Фриц. Говорит так, будто разоблачил меня в чем-то. — То, что вы делаете, — это игра. Я прав?

Внутри меня восстал гнев, но затух так же быстро, как тухнет огонь свечи при сквозняке. Сдержанно и холодно говорю:

— Мне стало жаль вас, поэтому вы избежали участи третий день кряду вариться в пекле собственной машины. Ваше общество меня не смущает и не раздражает, разговаривать с вами даже интересно, но не забывайте... — мой взгляд стал строгим. — Вы мне не друг. Если вам по-прежнему удобно выполнять свою работу в тени палаток, довольствуясь прохладной водой, примите к сведению — подобные откровения неуместны.

— Так я здесь из жалости, — улыбнулся Фриц. — А я-то думал, держать в поле своего наблюдения меня — удобная позиция для вас.

— И это тоже.

Арчи Томпсон не отсиживается в рабочем кабинете мегаполиса, он здесь, среди жары, пыли и работы. Сейчас обругал рабочего за что-то. Теперь идет к нам.

У него на голове светлая шляпа с широкими полями. Чтобы руки не обгорели на солнце, носит светлые прогулочные перчатки. Точнее сказать, перчатки когда-то были светлыми, с каждым днем они становятся темнее.

— Все в порядке? — спрашиваю его я.

Невысокий, в меру крупный мужчина опустился на стул рядом со мной, под тень другого пляжного зонта. Утвердительно кивнул мне.

Искося смотрю на Томпсона. Его взгляд устремлен на работу буровых вышек.

— Третья колонна пробилась камень, — сказал он.

— Правда?

Я удивилась, но не слишком. Пусть я плохо понимаю специфику работы, не знаю, что есть норма, а что нет, в одном уверена — достигнут хороший результат. А еще он достигнут быстро. Если уже пробилась камень — значит, скоро станет понятно наверняка, будет у меня нефть или не будет.

Если черное золото фонтаном взлетит в небо над Стилдоном — я заявлю о своей свободе этому миру. Жить я буду по своим правилам и никак иначе.

Я смогу себе это позволить.

А если недра этой земли окажутся пусты, то... Что потом?

Всякий раз вставать на ноги после очередного поражения очень трудно. В конце концов, есть предел человеческим возможностям. Если нефти в недрах прожженной солнцем долины вдруг не окажется — наступит тот самый момент, когда силы мои иссякнут, опустятся руки, и я приму правила жизни этого мира. Мне придется.

Джон Хэнтон победит.

Клайд Коллинс проигрывает.

При всем желании поверить в энтузиазм мыслей Клайда, я не слишком верю, что Джон Хэнтон когда-нибудь откажется от того, что считает своим. Даже если все произойдет так, как говорит Коллинс, времени для этого понадобится слишком много.

Но это не все плохое, что случится со мной, не окажись в недрах этой земли того, что я ищу. Не найти нефть — означает принять тот факт, что воспоминания мои ложны и мои знания — не что иное, как фантазия больного воображения Анны Стоун. Не найти нефть — означает принять истину, что я, Виктория, — результат работы ее нездорового рассудка.

Это будет по-настоящему больно.

— Когда мы обнаружим нефть, — опять заговорил Арчи Томпсон, — скважины потребуется оборудовать хотя бы для того, чтобы управлять нефтяным потоком.

— Понимаю.

— Я могу предложить вам это, а в дальнейшем могу заниматься эксплуатацией и обслуживанием этого месторождения. Что скажете?

— Вы сможете? — всерьез задумалась я.

— Смогу, мисс Лоуренс.

Я улыбнулась.

Арчи Томпсон не остановился на сказанном, и пока он говорил, Фриц странно щурит глаза, высматривая кого-то из рабочих на площадке.

Томпсон вдруг выругался:

— Бездельники. Я вам покажу! — мужчина вскочил со стула и поспешно бросился к рабочей площадке. Я присмотрелась и обнаружила, что из палатки с провизией недалеко от третьей буровой вышки двое рабочих вынесли что-то, полагая, что их никто не видит.

— Это ты высматривал? — улыбнувшись, спрашиваю я Генри.

Фриц не поменялся в лице. По-прежнему смотрит вдаль и говорит:

— Мисс Лоуренс, посмотрите на человека у второй вышки, того, что рядом с пирамидой из ящиков.

Я вдруг вспомнила, как носила в своей прошлой жизни очки и могла только мечтать о таком зрении, каким обладаю сейчас. Смотрю туда, куда показывает Генри, и вижу невысокого сутулого человека. В целом этот человек ничем не отличается от прочих покрытых желтой пылью рабочих.

— А что с ним не так? — спрашиваю я, продолжая попытки узреть в нем или в том, что он делает, что-то нестандартное.

— Этот человек следит за вами, — уверенно сказал Фриц.

Я насторожилась.

Невысокий сутулый мужчина, на которого указал мне Генри, уходит из зоны видимости к другой стороне буровой вышки.

— Я заметил его вчера вечером. Мне показалось подозрительным, что он ходит за вами среди буровых, — сказал он. — Вы были с Томпсоном, — добавил он. — Говорили о чем-то.

Минувшим вечером я и Арчи Томпсон обсуждали перспективы бурения новых скважин, приблизительные расчеты и сроки. Мы обсуждали возможности транспортировки.

Я разозлилась.

— Почему вы еще вчера мне об этом не сказали?

— Думал, что этот человек работает на Хэнтон.

— И что вас заставило передумать?

— Зачем Хэнтону шпион, когда для него и так открыты все ваши планы, — мужчина виновато смотрит на меня. — Я это понял только что.

Вечерами в долинах Стилдона опускается желанная прохлада, а этой ночью даже пошел дождь. Из палаток вышли люди, запрокинув лица к звездному небу навстречу мокрому дождю. В ту ночь я впервые увидела рабочих обеих смен в полном составе.

Прогуливаясь среди довольных людей, взглядом нахожу сутулого человека. Его зовут Сид.

Для кого этот человек собирает информацию?

Мне на ум приходит только Алан Лонгер.

Я не люблю ходить вокруг да около, хитрости предпочитаю прямоту, но обстоятельства требуют быть осторожной в том, что делаю и что говорю. Так что подойти к Сиду и задать вопрос, глядя ему в глаза, не получится. Тем более что мне не получить от него честный ответ на свой вопрос. Я в этом убеждена.

«Что бы сделал Хэнтон?» — уже не в первый раз задаю себе этот вопрос. Мои мысли обращаются к Джону не потому, что я хочу думать о нем, просто... за неимением собственного опыта в новой для себя ситуации хочу применить чужой, ведь методы Хэнтон во многом эффективны.

— Ваш интерес становится заметным, — к ночной прогулке среди буровых под теперь уже редкими каплями дождя ко мне присоединился Генри Фриц. — Скажите Томпсону, пусть уберет его с площадки.

— Тогда появится новый «Сид», — возразила я. — Пусть лучше остается этот. Мы знаем, кто он и что он здесь делает, а вот для кого, надо бы разобраться.

Мой взгляд устремлен точно вперед. Генри Фриц уставился на мой профиль.

— Вы можете проникнуть в его палатку? — спрашиваю я.

— Только с шумом, мисс Лоуренс.

— Почему не получится тихо?

— Мне не удастся остаться незамеченным, — взглядом указывает в сторону рабочих с загорелыми лицами и в грязной рабочей одежде. — А теперь посмотрите на меня.

Я неторопливо переместила свой взгляд к Генри.

Генри Фриц и правда не выглядит как рабочий. Даже если он облачится в грязную одежду, не изнуренное тяжелой работой совсем белое лицо его неминуемо выдаст. Тем более большая часть рабочих его уже хорошо знает.

— Нужно подкупить какого-нибудь рабочего, — говорит Фриц. Мужчина серьезен. Смотрит на меня

и ждет, что я скажу.

— Я хочу знать, что есть среди вещей Сида, и мне все равно, как вы это сделаете, — подступив к нему на шаг вперед, сказала я. — Как дорого обойдется эта услуга?

Утром, когда над Стилдоном поднялось солнце, я опять прогуливаюсь среди буровых вышек и, несмотря на предупреждение Генри Фрица, все равно наблюдаю за сутулым человеком по имени Сид. Свою работу он выполняет не так, как остальные. Ленивые на первый взгляд телодвижения можно было бы спутать с неопытностью новичка в новом для него ремесле, но если присмотреться лучше, станет очевидно, что этому человеку тяжелый физический труд непривычен и в принципе отвратителен. Он считает себя гордым, на голову и даже две выше остальных.

Почувствовав на себе мой взгляд, Сид вдруг посмотрел на меня. Я осталась спокойна и неторопливо перевела задумчивый взгляд на работу вышек. В это же направление ушли и мысли.

Сооружения в непрерывной работе восьмой день. Камень пробили первая и третья вышки, а буровая колонна второй не выдержала нагрузки, и пошла трещина. Пришлось потерять день, чтобы все поправить.

На этом беды не кончились.

Раньше запасы еды приходилось беречь от ночных грызунов, теперь их нужно было как-то уберечь от жителей забытого цивилизацией Стилдона. Два подростка были замечены, но смогли уйти, прихватив с собой сумки, полные провизии. Еще этой ночью украли лопаты и отвертки. К середине дня была обнаружена пропажа двух бочек бензина.

Как смогли незаметно унести или укатить две большие и тяжелые бочки, непонятно.

Арчи Томпсон поставил круглосуточную охрану к палаткам с провизией, бензином и оборудованием. Теперь вместо того чтобы выполнять тяжелую работу на площадке, шесть человек часами играют в карты в тени палаток.

К вечеру, когда на Стилдон опустились сумерки, по периметру рабочей площадки зажгли лампы и фонари. В стороне, недалеко от буровых вышек, разожгли костры, вокруг которых собрались рабочие дневной смены.

Я остаюсь в ста метрах от буровой площадки. Сажу на плетеном стуле под пляжным зонтом. Пью теплый чай.

Смотрю, как ко мне приближается Генри.

— В палатке Сида нашли клочок бумаги вот с этой записью, — Генри Фриц протягивает мне желтый лист, вырванный из записной книжки. Номер телефона на нем торопливо записан карандашом. — Оригинал оставили на месте.

— Ни имени, ни адреса, — задумчиво заметила я.

— Больше ничего не нашли.

Я сложила лист бумаги и спрятала его в кармане брюк.

Я и Фриц не пошли в сторону буровых вышек. Мы идем к дальнему костру, туда, где стоит сейчас Арчи Томпсон. Арчи закурил. Генри делает то же самое. А я довольствуюсь предложенным мне виски. Уже второй вечер подряд мы вот так проводим время в компании друг друга.

Глава 10

Привычный шум работы буровой искажен звуком ревущего мотора «Шальдо». Столб пыли из-под колес мощного автомобиля был виден за много сотен метров, а скоро под лучами палящего солнца засверкала хромированная сталь. Перед буровыми вышками машина сбавляет ход до полной остановки. Открылась дверь, из автомобиля поднялась высокая фигура Джона Хэнтон. Мужчина с улыбкой хозяина оценил рабочую площадку с воздвигнутыми на ней сооружениями.

Я вышла из тени тентового навеса, и лучи солнца опалили мне щеки.

— Здравствуй, Джон, — со сдержанной улыбкой приветствую я Хэнтон, немного позавидовав его свежести и бодрости. — Как дорога?

— В удовольствие.

Мой взгляд надолго задержался на его машине. Кузов в форме купе с далеко вытянутым капотом со спаренными фарами по обе стороны узкой решетки радиатора. Если отбросить некоторые детали, могу поклясться, передо мной фордовский мустанг. В цвете золотой бронзы великолепен.

Взгляд серых глаз с откровенной заинтересованностью не отрывается от моего лица.

— Отлично выглядишь, — сказал мне Джон. Под таким взглядом щеки способны запылать еще сильнее, чем от жара солнца, что их опалает сейчас.

— Выходит, небрежность мне к лицу, — не сразу, но говорю я.

В ослепительно белой рубашке Хэнтон сильно контрастирует с окружающей действительностью, привлекает взгляды рабочих. Эти взгляды схожи с теми, что бросали на меня жители Нового Стилдона, когда я появилась в их маленьком замкнутом мире.

Я показала Джону буровую. Для этого много времени не потребовалось, на площадке только три вышки.

Почти сразу к нам присоединился Арчи Томпсон в компании Генри Фрица.

Мое дружелюбное отношение к Генри Джону совсем не понравилось. Дело не в ревности, а в пошатнувшейся уверенности в работе Фрица. Кажется, Джон Хэнтон теперь сомневается, что Генри действует только в его интересах...

— О чем ты хотела поговорить со мной? — спрашивает Джон, когда мы остались одни.

— Об Алане Лонгере. Он намеревается ограбить меня, — со злостью в голосе говорю я.

— Чего именно он хочет?

— Тридцать процентов акций моей компании.

— Тридцать процентов — только начало. Если сделаешь это, совсем скоро он присвоит компанию себе, — уверенно заявил Джон. — Лонгер — монополист в нефтяном деле, а ты, дорогая, объявила ему войну.

Я замерла, и Джон остановился вместе со мной.

— Что значит «монополист»? На севере тридцать нефтекачалок, едва ли не у каждой свой хозяин.

— Поставленный Лонгером, — добавил Джон. — Это его способ обойти закон.

— Ясно, — уперев руки в бока, смотрю на невозмутимое лицо Хэнтон. — Ты удивительно спокоен.

— Это твоя битва, с чего мне беспокоиться?

— Тебя несколько не волнует судьба твоих денег?

— А я считал тебя умной, — без улыбки заметил Джон. — Стал бы я тянуть, если бы всерьез намеревался вернуть себе свои деньги.

— Хочешь сказать, у тебя нет притязаний на сто двадцать восемь миллионов? — не верю я.

— Нет.

Смотрю на спокойное лицо Джона и понимаю, что он прав, — хотел бы, давно бы нашел способ остановить растрату своего капитала. У него были для этого возможности, но он ничего не сделал,

хотя сперва был решительно настроен на обратное...

Что заставило его передумать?

Между тем в голове возникла интересная мысль. По выражению моего лица всегда понятно, о чем я думаю, и Хэнтон строго предупредил:

— Попытаешься объявить свою независимость — встретимся в суде.

— Я ни о чем таком не думала... — неубедительно солгала я. Нахмурилась.

Джон заметил.

— И что теперь делать? — возвращаюсь я к насущной проблеме.

— Не пускай Лонгера в долю.

— Это несложно. Меня беспокоят последствия такого решения. Чего мне ждать от этого человека?

— Грязной игры, разумеется, — говорит Джон. Смотрит на меня. — Расскажешь о своих планах?

— Как мне теперь известно, за Лонгером север, а я собираюсь получить юг. Вот и весь план.

— Ты считаешь месторождение настолько крупным? — по тону Хэнтон понимаю, что тот считает меня безумной.

Я выкупила восемнадцать тысяч гектаров. Намереваюсь добывать нефть по всему периметру этой земли, а не довольствоваться одной двадцатой ее территорий. Крупное ли это месторождение?

Очень.

Если мне не изменяет память, в реальности моей прошлой жизни компания расставила вышки в количестве восьмидесяти четырех штук и успешно качает из них нефть на протяжении двадцати лет.

Я не заметила, как на моем лице растянулась дерзкая ухмылка.

— Ты о чем-то знаешь, о чем не знает никто другой, — вдруг понял Хэнтон.

Я ничего не сказала в ответ, но в подтверждение слов Хэнтон взгляд у меня сверкнул.

Раздаются громкие возгласы. Среди рабочих возникла суета.

— Что там происходит? — оглядывается Джон.

Суета вокруг третьей вышки. Подобное я уже видела.

— Наверное, и на этой не выдержала колонна, — мрачно предположила я.

Раздался не характерный для работы вышек звук. Шум становится совсем громким. Люди рассыпались в стороны, когда из недр земли к небу взлетел черный фонтан.

Смотрю вверх. От изумления приоткрылись губы.

Никаких мыслей. Никаких слов.

Арчи Томпсон предупреждал, что фонтан достигнет высоты в пятьдесят или сто метров. Этот достиг около трехсот метров. Потрясен даже Джон. А я...

Я даже не представляю, как сейчас выгляжу.

— Нефть! — наконец выдохнула я слово, которое в силу сковавшего меня онемения никак не могло слететь с языка. Я ринулась к третьей вышке. Гигантский фонтан нефти взмыл в небо так высоко, что брызги черного золота разлетелись по периметру всей рабочей площадки.

Вокруг третьей вышки уже образовалась черная лужа.

Рабочие обеих смен в активной работе. Томпсон руководит, громко отдавая приказы.

Я не знаю, чем могу помочь.

Мой взгляд мечется из стороны в сторону, пока не наткнется на красный седан у первой буровой вышки.

Теперь я знаю, что должна делать.

Бегу к машине и падаю в салон. Провернув ключ в замке зажигания, выжимаю газ. Мотор взревел. Машина несется в забытый город, оставляя позади желтый след дорожной пыли.

Что для меня значит обнаружить нефть? Прежде всего — самое прямое доказательство, что я не сошла с ума. Я не плод воображения Анны Лоуренс, я Виктория, и моя жизнь не выдумка. Я существую на самом деле, но по загадочному решению судьбы оказалась здесь.

А еще найти нефть значит превратить в явь мечту о финансовой независимости в этом мире, обрести влияние, а значит, получить свободу.

У меня есть нефть... Невероятно!

Новый Стилдон. Этот город мало изменился за прошедшие несколько дней, разве что в предметах быта местных жителей появились вещи из нашего лагеря... Прямо сейчас на крыльце одного из домов я вижу не так давно украденный из лагеря плетеный стул.

На этот раз я заглушила машину рядом с телефонной будкой.

Вбежала внутрь разбитого железного ящика и сняла трубку.

Растерялась.

Лески с монетой на этот раз не оказалось.

Я обыскала все карманы, но монет не нашлось. Да и откуда им было взяться?

— Проклятие! — громко выругалась я, и сразу услышала позади себя детский смех.

Я медленно-медленно обернулась к толпе немых мальчишек в лохмотьях. Возраст у всех разный.

Взгляд мечется по веселым детским лицам. Я насчитала восьмерых. Еще двое наблюдают за происходящим из окон разрушенного дома по другую сторону дороги.

Мне стало беспокойно. Я нахмурилась.

Улыбки детей стали еще шире.

Один из толпы вышел вперед и уверенно вытянул перед собой ладонь, показав мне ту самую ржавую монету с дыркой для лески в центре.

Смотрю на монету, потом на ребенка. Я уверена, что этот парень не собирается мне ее отдать просто так.

— Чего ты хочешь? — спрашиваю я.

Мальчишка трет собственное ухо, а потом показывает на меня.

— Тебе нужны мои серьги? — уточняю я. Мальчик кивнул. — Ладно.

Снимаю правую сережку и протягиваю ее мальчишке. Тот не спешит ее принимать, сразу показывает на второе ухо.

— Одна монета — одна сережка, — говорю я.

Мальчик предпринял попытку настаивать, а я упрямо повторила:

— Одна монета — одна сережка.

Сделка состоялась.

Я попыталась найти леску, чтобы опять привязать монету. Оглядываюсь вокруг, но лески нигде не видно. Это плохо, ведь мне нужно сделать два звонка...

Опять поворачиваюсь к детям. Прежнего напряжения не чувствую.

— За вторую монету — другая сережка, — обещаю я.

Старшие из мальчишек сразу рассыпались в стороны. Младшие опомнились позже.

Выглядело забавно. Я даже улыбнулась.

Бросаю ржавую монету в нужное отверстие. Набираю номер.

— Приемная Майкла Гроуза, — говорит на той стороне провода секретарь. — Чем могу быть полезна?

— Анна Лоуренс. Соедините с Майклом.

Пара секунд тишины, и я услышала бодрый голос Гроуза:

— Здравствуй, Анна...

— Нефть, Майкл. У меня есть нефть!

Мужчина рассмеялся.

— Это замечательная новость!

— Что решили со строительством стилдороги? — сразу спрашиваю я. Мне нужно услышать его ответ именно сегодня и прямо сейчас.

— Что ж, дорога будет, но не так, как хочешь ты.

— Что это значит? — я больше не улыбаюсь.

— Технология будущего протянет линию от конечной станции до места нефтедобычи. Остальное на себя берет Джон.

— Хэнтон?

— Он самый.

— Майкл, тырываешь мне сердце, — моя рука сжимается в кулак.

— Совет директоров на большее не согласился.

— Вы потеряете много денег.

— Ты не можешь знать, какой коэффициент нефтеотдачи тебе предстоит. Твоя нефть может закончиться уже через несколько лет. Безумие вкладываться в такой крупный проект, ничего не зная наверняка.

— Понимаю, — мрачно выдохнула я. — Выходит, мне повезло, что к участию присоединился Джон.

— Не только. С Джоном объединился Вэйст.

Я опять нахмурилась. В последнее время я стала делать так очень часто.

— Тот самый Вэйст, Уильям? — припомнила я партнера Джона в Юдеско. Человек с белыми волосами, что первый из мужчин на ужине в ресторане предложил мне плату за идею строительства моста через реку Кавана.

— Именно, — уверенно подтвердил Майкл.

«Как много людей в этом проекте», — подумала я. Впрочем, линия от Илсити к месту нефтедобычи огромна. Думаю, строительство дороги изначально невозможно силами и средствами только одного человека или одной компании. С самого начала я надеялась на чудо, которого не случилось.

— Когда я вернусь в Данфорд, хочу встретиться с тобой и поговорить обо всем лично, — говорю я.

— Тогда до встречи.

— До встречи, Майкл.

— Анна, — прежде чем я положила трубку, позвал Гроуз.

— Да?

— Ты молодец, — сказал мне друг, и только тогда посыпались короткие гудки. Я улыбнулась и повесила трубку на место.

— Чужачка! — крикнул детский голос позади меня. Я обернулась.

Толпа детей подросла, среди мальчишек появились девочки. Теперь мальчик постарше выступил с

монетой вперед.

Отдаю вторую сережку, взамен которой получаю округлую железную валюту. Серьги стоят много дороже тех денег, что предложил мне этот город взамен. Но я в Стилдоне. У вещей здесь другая ценность и цена.

Грязная монета с шумом провалилась в щель телефонного аппарата.

— Стюарт Смит.

— Анна Лоуренс.

— А, мисс Лоуренс, — голос служащего банка Илсити заметно смягчился. — Не смог до вас дозвониться вчера. Документы готовы, когда вам будет угодно встретиться?

Какая хорошая новость!

Едва не бросила мгновенное «завтра», но я успела объективно взглянуть на вещи, поэтому говорю сдержанное:

— В четверг, к десяти часам.

— Очень хорошо. Тогда жду вас в четверг.

— Договорились, мистер Смит. Хорошего вам дня.

— И вам, мисс Лоуренс.

Я положила телефонную трубку первой, но руки с нее не сняла. Подумала немного. Улыбка медленно сползла с моих губ.

— Проклятие! — опять выругалась я. Разочарованная отсутствием еще одной монеты, вынула таинственный номер телефона из кармана брюк. Тот номер, что обнаружили в палатке Сида.

Мне нужно сделать еще один звонок. Сейчас.

Я припомнила, что в бардачке в машине остались мои наручные часы.

Мне жаль с ними расставаться.

Опять смотрю на листок бумаги в своих руках. Что, если это номер телефона не принадлежит нанимателю Сида? Даже если это не так, что я буду делать, когда узнаю...

Меня рывком вытянули из телефонной будки и опрокинули на горячую от солнца землю. Пятясь назад, в горячей лихорадке оцениваю, кто меня швырнул и с какой целью.

Передо мной двое, мужчины, высокие и крепкие. Один в длинных лохмотьях, другой в одних только штанах, с совершенно голой и грязной волосатой грудью. На лицах незнакомцев сильная растительность, а волосы спускаются ниже плеч.

Во всей их внешности меня особенно пугают их глаза, внимательные и голодные, эти глаза открыто заявляют о скверной стороне их намерений.

Мое сердце выдало неровный ритм.

Я резво вскочила на ноги и ринулась к машине. Успела открыть дверь, но не успела упасть в салон, чтобы укрыться в нем. Меня схватили за плечи и рывком швырнули в сторону. У меня не было шансов сохранить равновесие. Я шмякнулась подбородком о землю и застонала от боли.

Моя шея...

После падения с большой высоты на заводе Стилдона шея еще несколько недель не давала мне покоя. Теперь она ноет и стонет. По сравнению с этой болью ушиб плеча почти не замечаю.

Большие сильные пальцы сомкнулись на вороте рубашки и потянули меня вверх. Снизу вверх смотрю в эти холодные и голодные глаза. Испугалась и с размаху ударила неприятеля ладонью по лицу, оставив на виске мерзавца кровавый след от ногтей. Взгляд незнакомца стал злым.

За свою выходку я сразу получила удар в живот и упала на колени.

Безнадежно.

Из глаз покатались слезы — их источник не боль. Боли больше нет. Есть ужас понимания того, что

со мной будет.

Негодяи стоят надо мной, говорят о чем-то. Не могу разобрать их слов. Мне вообще трудно слышать что-то еще, кроме отвратительного звона в собственных ушах.

Я вскрикнула, когда меня подняли как тряпичную куклу и перевалили за плечо. Меня несут куда-то.

— Нет, — сдавленно взмолилась я. — Пустите!

Я хныкала и умоляла, но бродяги остались глухими к моим мольбам.

Я с шумом втянула в легкие как можно больше воздуха и закричала в пустоту мертвых улиц:

— На помощь!

Ответом мне была тишина. А разве здесь может быть как-то по-другому?

— Помогите, — в отчаянии совсем тихо умоляю я.

Когда я окончательно поверила в безнадежность своего страшного положения, раздался выстрел. В тишине этот звук прогремел как гром среди ясного неба. В следующую секунду меня сбросили с плеча и я упала на спину, ощутив под собой твердость горячей земли. Еще я ощутила пронзительную боль в шее. Опять. Но несмотря на это, я быстро вскочила на ноги.

Человек с голой грудью, что нес меня на плече, смиренно поднял руки вверх под прицелом Джона Хэнтон. Другой мерзавец держится за окровавленную руку. Джон уверенно приближается, и оба не сводят с Хэнтон глаз. Блеск серых глаз решительный и злой.

Еще никогда прежде я не была так рада этому мужчине, как радуюсь его появлению сейчас. Я вообще никому не была так рада... Никогда в своей жизни!

Тороплюсь к Джону.

Мужчина заглянул мне в лицо, и сталь его глаз обрела зловещий блеск. Хэнтон сделал три решительных шага к мерзавцу, которому не досталась пуля. Переложил пистолет в другую руку и, сомкнув пальцы в кулак, нанес моему обидчику крепкий удар по лицу. Тот не устоял. Он рухнул на землю и не спешил подниматься опять.

— Идем, — сказал мне Хэнтон. Мужчина не торопится прятать оружие, оно остается заряженным в его руке.

Мы прошли десять метров прямо по улице, а потом обогнули разрушенный дом. На солнце сверкнул блеск хромированной стали. Золотистый «Шальдо» Джона припаркован сразу за красным седаном. Хэнтон открыл для меня дверь, и я опустилась в темный салон автомобиля. Сам Джон сел за руль.

— Моя машина, — заволновалась я, когда «Шальдо» проехал мимо красного седана у телефонной будки.

— Забудь о ней.

Мужчина осторожно вырывается по небезопасным дорогам города, а за его пределами, стремительно набирая скорость, машина цвета золотистой бронзы несется прочь из Нового Стилдона. Впереди старая разбитая дорога и чистое голубое небо.

— Как тебе в голову могло прийти отправиться туда одной? — злится Хэнтон.

Тыльной стороной руки стираю кровь на лице. Джон открыл бардачок и протянул мне кусок темной ткани.

— Звонила мне оттуда же? — вспомнил он мое приглашение приехать в Стилдон.

— Гостиница в тридцати милях, половина пути по бездорожью...

— В неудобствах твое оправдание? — в ярости бросил Джон. — Ты могла погибнуть!

Это не самое плохое, что могло случиться со мной.

— Ты прав во всем, — немного обдумав, виновато говорю я. — Я пренебрегла своей безопасностью.

Возникла долгая тишина.

— Может, для тебя все не так безнадежно, — поразмыслив, уже спокойно высказался Джон.

Взглянул на меня. — Что с шеей?

— Болит.

Мужчина нахмурился.

— Сегодня я возвращаюсь в Данфорд. Ты летишь со мной.

— Хорошо, — безропотно согласилась я. Так даже будет удобно, тем более что машины у меня больше нет. — Но прежде мне нужно вернуться на буровую, поговорить с Арчи Томпсоном.

Страх еще долго будоражит потрясенное сознание. Когда думаю о том, что могло бы быть, если бы Хэнтон не выручил меня... Впрочем, лучше совсем не думать об этом.

— Спасибо, Джон, — тихо говорю я. Искося смотрю на его строгий профиль. — Кажется, я снова у тебя в долгу.

— Еще расплатишься, дорогая.

Я неторопливо увела свой взгляд к окну.

Я в Стилдоне уже шесть дней. Среди развалин и пустоши мои глаза тщетно выискивают то, чего здесь найти невозможно: новые дома, белый забор и вид свежей краски; людей в красивой одежде.

Мне не хватает утренней прохлады и тумана.

Мне вдруг представился Гринпарк, но не таким, какой он есть на самом деле, а таким, каким он мог бы стать. На фоне этого маленького городка мне представился большой черный джип, представились люди в объемных наушниках, с телефонами или плеером в руках... Наваждение охватило только на мгновение, но увидела все это будто наяву.

Виски пронзила острая боль, голова вдруг стала тяжелой.

Устало прикрываю глаза, и где-то в глубинах моего сознания появились тихие звуки красивой музыки. Спокойная и лишь изредка торжественная мелодия ускользает как отголосок прошлого за границу невидимой стены. Эта музыка... мы с ней были так долго разлучены, ведь она не принадлежит этому времени.

С тоской слышу ее чистое звучание как прощальный жест моей прошлой жизни.

Заболела сама душа. Я не согласна!

Я упрямо следую за мелодией в туманных коридорах своего сознания. Я не хочу ее отпускать.

Мелодия становится громче, растекается как кровь по венам, заполняя меня новым смыслом, возвращая к истокам...

В какой-то момент легкость пропала, и постепенно я стала чувствовать тяжесть собственного тела. По ногам пробежал холодок.

Веки приоткрылись. Перед глазами расплывается туман.

Я проснулась в неестественном положении, с запрокинутой назад головой — заныло тело. Устало потерев глаза подушечками пальцев, удивленно понимаю, что четкость зрения не восстанавливается в полной мере.

Меня охватила волнительная дрожь.

— Нет... — сдавленно прохрипела я. Дрожащими пальцами поднимаю с клавиатуры очки.

Дыхание частое. Биение сердца сильное. Мне не с первого раза удастся подняться с компьютерного кресла.

Смотрю вокруг обезумевшим от потрясения взглядом.

Квартира моих родителей не претерпела серьезных перемен за время моего отсутствия: все те же старенькие обои, ненювая мебель... увешанная семейными фотографиями стена в гостиной. Фотографий стало больше.

На той стороне комнаты есть зеркало. С опаской подхожу к нему и оцениваю собственное отражение: я по-прежнему брюнетка, но с короткими волосами, завитыми в стиле пятидесятых.

Стиль в одежде очень женственный. Без сомнений, дело рук Анны.

Возникло радостное чувство, что не пришлось разбивать сердце матери своим исчезновением. С души спал тяжелый груз, а взамен появился новый, тяжелее предыдущего. В сознании поднялся образ Коллинса, а следом резкие черты лица Хэнтон. В следующую секунду пронзительная боль ранила само сердце, а из глаз заструились слезы и стало трудно дышать. Я упала на колени.

— Джон, — задыхаясь в собственных слезах, прохрипела я.

Я вцепилась ногтями в собственные волосы, болью желая унять большую боль.

В голову приходят тысячи мыслей, они сменяют друг друга со скоростью молнии. Я едва успеваю осознавать и понимать их.

— Это нечестно! — взревела я. Что за злая шутка судьбы?! Я построила целую жизнь и теперь ее бесцеремонно отобрали у меня. Опять!

Я помню, как тосковала по своим очкам и былым привычкам, связанным с ними, а теперь я со злостью смотрю на квадратные изгибы прозрачных линз, и только невероятная сила воли не позволяет мне раздавить их в собственной ладони.

Послышался скрежет, и я мгновенно затихла. Поднявшись с колен, подхожу к двери в тесной прихожей. Узнаю звук поворота ключа в старом замке.

Кажется, я перестала даже дышать, когда распахнулась дверь и на пороге я увидела...

— Мама.

Удивленная, а затем потрясенная мать бросилась ко мне. Тяжелые сумки остались на пороге.

— Что с тобой?! — вскричала она, обхватив мое лицо руками. Стирает слезы с моих щек, тревожно заглядывая мне в глаза.

Она не выглядит женщиной, что долгие месяцы оплакивала свою дочь. Слава богам за это!

Я радостно улыбнулась.

На моих щеках остались только слезы радости. В груди возникли нежность и тепло, когда упала в объятия к этой суетливой и любящей меня больше жизни женщине.

Я устыдилась прежних мыслей и эмоций.

— Мама, — прошептала я, изголодавшись по запаху ее парфюма. Глаза закрыты. — Моя любимая мама, прости меня.

«Что ты такое говоришь?» — теперь, как далекое эхо, слышу ее голос.

Веки открылись, но перед глазами возникла одна только пустота.

Больше не слышу слов матери.

Я падаю в бездонное черное дно. Слышна только оркестровая музыка.

Я падаю все ниже, минуя целые года, а звуки веселой музыки становятся громче.

— Она зашевелилась, — сквозь темноту слышу низкий женский голос.

Моих ушей по-прежнему касается веселая и живая музыка оркестра «Твини». Я люблю их музыку. Еще я слышу работу двигателей самолета. Я приоткрываю веки. Близняшки перед глазами постепенно становятся одним человеком.

— Мисс Лоуренс, вы слышите меня?

— Я вас знаю, — тихо сказала я и скривилась, почувствовав металлический вкус во рту. — Вы бортпроводница на борту Джона Хэнтон.

Женщина широко улыбнулась мне.

— Миссис Кетч, — вспомнила я.

Я взглянула в круглое окно с синими занавесками. Самолет уже в небе.

Огляделась, рассеянно обнаружив, что сижу в кресле. На столике рядом со мной стоит радио.

Веселая композиция оркестра «Твини» вот-вот подойдет к концу.

Послышались тяжелые неторопливые шаги.

— Как ты? — серьезно спрашивает Джон, опустившись на одно колено рядом со мной.

Смотрю на Хэнтон, как на призрак. Моя ладонь нежно легла ему на висок.

— Джон, — выдохнула я, пальцами проскользнув по несовершенному рельефу его лица. Убедившись, что он настоящий, с облегчением заключила:

— Это ты.

Миссис Кетч больше не улыбается.

— Как ты себя чувствуешь? — заволновался Джон.

Коснувшись кончиками пальцев своих губ, поняла, откуда такой привкус во рту. Пытаюсь подняться, но Хэнтон остановил:

— Тебе лучше не вставать.

— Я хочу умыться, — говорю я, и тогда мужчина нехотя помог мне подняться.

Закружилась голова. Мне нехорошо. А когда сделала несколько шагов, то стало еще хуже... Я успела вбежать в уборную.

Сознание в огне. Даже руки затряслись.

Миссис Кетч поспешно принесла мне воды. Джон в уборную не вошел.

Я умыла свое лицо. Сделала несколько глотков воды и вернула миссис Кетч стакан. Украдкой посмотрела на взволнованное лицо доброй женщины и сразу попросила ее оставить меня одну. Миссис Кетч после некоторого замешательства сделала так, как я просила.

Когда в маленькой комнате осталась только я одна, выдохнула.

Голова кружится меньше.

Я взглянула на отражение в зеркале. У меня бледное измученное лицо, здоровой я совсем не выгляжу. А еще у меня разбиты подбородок и губа.

Мой взгляд очень медленно переместился к волосам.

Волосы удлиненные, коротких завитушек больше нет, как было только что...

Мне опять стало плохо.

— Мама, — едва слышно проговорила я. Сердце сжали тиски.

Моя мама. Я коснулась ее и даже говорила с ней...

Это знак, что скоро мне предстоит вернуться, или это прощальный подарок судьбы?

А может, это случайность?

Я была дома. Коли так, где тогда в тот момент была Анна?

— Джон, — зову я, покинув уборную. Я обнаружила мужчину в светлом кресле, над головой у него синие инициалы «Д.Х.». Он напряжен. — Что со мной случилось?

— Ты была без сознания.

— Все время от самого Стилдона?

— Да.

Голова кругом, и я присела в широкое кресло. Миссис Кетч поставила на стол теплый чай.

В этот самый миг в моем сознании возник образ председательствующего в красной мантии. Строгий человек с холодными глазами. Нас что-то связывает. Когда мы близко, моя собственная душа будто узнает в нем душу родственную... Это чувствую я. Это чувствует он. В этом нет сомнений!

Через несколько дней после окончания судебного процесса со Стоуном я попыталась встретиться с

председательствующим, но в судебном комитете меня не пропустили дальше канцелярии. В ресторане «Мистраль» председательствующий встретиться со мной не захотел. Меня вежливо попросили уйти.

На какое-то время я оставила попытки искать встречи с этим странным человеком. Но после того, что было со мной сегодня... мы непременно должны встретиться и поговорить. Это нужно как-то устроить.

По прибытии в Данфорд темный «Прайд» Хэнтон доставил нас сразу в больницу. В больнице Данфорда приятная атмосфера. Здесь светлые розовые стены и дружелюбный персонал. Меня усадили в черное кресло с большими колесами и покатали в кабинет врача.

Седой и серьезный, врач осмотрел меня быстро. Еще он задал несколько вопросов, на которые я ответила предельно честно. Когда осмотр закончился, доктор вышел в коридор вместе со мной и сразу предложил мне вернуться в кресло на колесиках.

Спорить бесполезно, это правило.

— Ушиб шейных позвонков. Ушиб сильный. Еще я предполагаю сотрясение головного мозга, — говорит врач Джону. Я смотрю на мужчин снизу вверх. — Мистер Хэнтон, обращаю ваше внимание, что шея травмирована не сегодня, согласно пояснениям мисс Лоуренс. После сегодняшнего инцидента травма усугубилась. Ей лучше остаться в больнице.

— Надолго? — сразу спрашиваю я.

Взгляд врача метнулся ко мне.

— На двадцать дней.

«Двадцать дней? Да вы смерти моей хотите!» — ужаснулась я.

— Джон, я не согласна.

Хэнтон в раздумьях, а мой взгляд быстро становится злым. Всем своим видом показываю, что остаться в больнице на двадцать дней — совершенно неприемлемый для меня вариант, особенно сейчас.

На губах Джона взметнулся уголок.

Теперь он смотрит на врача.

— Что думаете о ее лечении вне больницы?

Врач только слегка развел руками и спокойно ответил:

— Допустимо при условии, что будут исполняться рекомендации. Но в таком случае больница снимет с себя всякую ответственность за здоровье мисс Лоуренс.

Меня все вполне устроило. Джона... не очень. Он остался не слишком доволен тем, что увозит меня из больницы в том состоянии, в котором я нахожусь сейчас.

И все равно он это делает.

Когда мы вышли на улицу, обнаружила, как на замену жаркому солнцу вдруг пришла приятная прохлада. Небо над головой стало серым. Будет дождь.

Не спеша и осторожно сажусь на заднее сидение автомобиля. Не водитель «Прайда», а сам Хэнтон закрыл за мной дверь.

Мотор заработал громче. Машина тихонько выехала в общий автомобильный поток. Джон смотрит прямо перед собой, а мой взгляд переместился к многолюдным улицам Данфорда.

— Нужно ехать по Южной улице. За город, — подсказываю я водителю направление к своему домику у реки.

— Мы едем в другую сторону, — пояснил Джон. Больше не смотрю в окно. Мой взгляд уткнулся в Хэнтон.

— На Северо-западную, шесть, в твой особняк?

— Там за тобой присмотрят.

По прохладному тону понимаю, что его решение не обсуждается и тем не менее говорю:

— Завтра вернется Клайд. Он врач.

— Психиатр, — удивительно спокойно парирует Джон. — Он не сможет обеспечить для тебя необходимый уход.

— Этого ты не знаешь.

— И проверять не стану.

У меня было что ответить на это, но я благоразумно решила помолчать. Мои губы опять сомкнулись. Мой взгляд вернулся к окошку.

Машина движется на северо-запад.

Я отвыкла от особняка Хэнтон, забыла обитателей и порядки этого дома. Забыла даже о высоких потолках и богатстве домашней обстановки. Пришлось снова удивляться и, когда я немного запрокинула голову, чтобы посмотреть на высоко расположенные картины, шея протестующе застонала.

Я скривилась, возложив прохладную ладонь себе на шею.

Джон велел мне следовать за ним.

Поднимаемся по лестнице на второй этаж.

Когда мужчина отпер дверь, я недоуменно посмотрела на Хэнтон. Вошла в комнату, и стало совсем неловко.

— Это же твоя спальня, — осторожно заметила я.

— Тебе не о чем беспокоиться, — спокойно сказал Джон. — Располагайся.

Я прошла в комнату. Осматриваюсь. Эти ковры, эти окна... постель, навеяли массу воспоминаний, некоторые даже вгоняют в краску. В смятении смотрю на Хэнтон.

— Ложись в постель, — сказал Джон. — Ужин тебе принесут в комнату.

Мужчина вышел, тихонько прикрыв за собой дверь.

Когда я осталась в комнате одна, первым делом пошла в ванную, чтобы смыть с себя грязь Стилдона. Я бы хотела смыть с себя даже воспоминания.

Потянулась к сережкам, чтобы снять их, не сразу вспомнив, что все мои украшения остались на раскаленном солнцем юге: браслет, серьги, часы. Я отдала Стилдону даже машину. Едва не отдала собственную жизнь...

Я провернула вентиль крана, на меня полилась приятная вода.

Теплый душ. Какая радость!

Я могу прямо сейчас ощущать, как мои чувства приходят в порядок. Даже боль в теле стала тише. А когда былой груз напряжения был сброшен, я упала на кровать, обессиленная событиями этого непростого дня.

Я не могу радоваться обнаруженной нефти, у меня не получается страдать из-за ужасных событий в Новом Стилдоне, я могу думать только о своем возвращении...

Вопросов возникло в голове немисливо много — только вопросы и никаких ответов. Что именно спровоцировало новое путешествие и что стало причиной почти мгновенного возвращения обратно?

Стресс?

Удар по голове?

Нефть?

Или дело в воспоминаниях?

За окном солнца больше нет, стало совсем темно. Сгустились черные тучи. Посыпалась морось.

Я закуталась в мягкие белые простыни. По щеке стекла слеза...

«Мама», — в мыслях вижу ее лицо, ее тревогу и вспоминаю запах ее парфюма. Я никогда не смогу

перестать скучать по ней и по отцу.

Я страдаю сейчас без родных и буду страдать, оказавшись рядом с ними.

Сейчас мне страшно, оттого что, быть может, я никогда больше не увижу ни мать, ни отца, а если повезет случиться этому, то буду страшиться мысли, что никогда больше не вернусь сюда, в этот удивительный и нелепый мир, где останутся Джон Хэнтон, Клайд Коллинс, Ева Нельсон.

Еще здесь останется новая, построенная и заслуженная мною жизнь, какой бы тяжелой и несправедливой она ни казалась...

Это уже моя жизнь.

Я устала. Закрывает глаза и очень скоро под монотонный шум теперь уже сильного дождя заснула.

Глава 11

Мне снилась прохлада снежных гор, красота, что открывается на вершине облаков. Чувство такое, будто мне принадлежит весь мир. Это не сон, это далекое воспоминание, словно феникс из пепла восставшее в глубинах моего сознания.

Мне снилось воспоминание о жизни, какой она у меня была когда-то.

Раньше я никогда не думала об этом. О том, что чувствовала среди снежных гор и ветров... Понимаю и ценю это только теперь.

Окажусь ли я когда-нибудь снова в тех местах?

Будет ли со мной современное снаряжение или в моем распоряжении будет только то, что предлагает мне эпоха пятидесятых?

Медленно поднимаюсь с кровати, чувствуя на губах легкую улыбку. В душе ощущается то, что допустимо назвать покоем.

На столе остывший бульон и сладкий чай.

Я с удовольствием наслаждаюсь едой, не особо задумываясь о том, как долго продлился мой сон. Я заслужила отдых.

За окном все еще моросит дождь.

Мысли мои опять обратились в прошлое.

Мою прежнюю жизнь нельзя назвать скучной, ее заполняли любимые люди, путешествия и работа. Скучной ее действительно нельзя назвать и тем не менее она была именно такой. Я так помню. Я так чувствую.

Одни и те же люди.

Постоянные маршруты.

Однообразная работа.

Всегда одинаково. Годы.

Я думала, что такая жизнь мне нравится. Выходит, что нет.

Жизнь самым странным и в то же время самым удивительным способом привела меня в чувство.

Теперь я здесь. А здесь все по-другому.

Дверь открылась, и в комнату вошла молодая женщина в белом медицинском халате.

— Вы проснулись и даже позавтракали. Очень хорошо, — сказала она с доброй улыбкой на лице. Женщина говорит с легким акцентом, но с каким, мне непонятно.

— Кто вы? — спрашиваю я.

— Долорес Дэвидсон. Я буду присматривать за вами.

— Вы сиделка?

— Можно и так сказать, — распахнув шире шторы, улыбнулась мне она. — Как вы себя чувствуете?

Недоверчиво смотрю в приятное лицо женщины и не сразу отвечаю:

— Лучше.

— Вас не тошнит?

— Нет.

— А как ваша шея?

— Все хорошо, — солгала я.

— Это очень хорошо. Старайтесь как можно меньше ее нагружать.

Женщина вынула из стола белую коробку с медикаментами. Содержимое маленькой прозрачной ампулы втягивает в шприц.

Пока женщина занята, надеваю брюки.

— Нет-нет! Вы останетесь в постели, — возразила миссис Дэвидсон, а я накинула себе на плечи рубашку. Застегиваю ее. — Мисс Лоуренс, вы слышите, что я вам говорю? Немедленно снимите с себя одежду и возвращайтесь в постель.

Проигнорировав требование сиделки, спрашиваю:

— Где Хэнтон?

— В доме. Мне его позвать?

— Нет. Я сама его найду.

— Нет, мисс Лоуренс, вы должны остаться здесь! — строго сказала женщина, в протесте выпятив перед собой ладонь. — Я настаиваю.

— Я тоже, — спокойно ответила ей я. Вышла из комнаты. Миссис Дэвидсон едва поспевает за моим шагом.

Без стука я распахнула дверь в кабинет Хэнтона. Его там не оказалось.

— Бога ради, он в гостиной, — взвизгнула маленькая женщина, когда я направилась дальше по коридору. Теперь я спускаюсь по лестнице.

— Непривычно видеть тебя вне рабочего кабинета, — говорю я, когда нашла Джона в кресле в гостиной. Газета уже сложена перед ним. Этот мужчина был готов к моему появлению здесь, уже слышав громкие причитания миссис Дэвидсон.

— Мистер Хэнтон, она не послушалась меня, — пожаловалась на меня женщина.

— Увы, меня она тоже не слушает.

Миссис Дэвидсон все еще держит в руках длинную иглу и, обратив на меня твердый взгляд, говорит:

— Я должна поставить вам укол.

— Этого не будет.

— Мистер Хэнтон? — медсестра выпучила на мужчину глаза, требуя принять меры.

— Миссис Дэвидсон, оставьте нас, — просит Джон.

Взгляд женщины метнулся от Хэнтона ко мне, и та послушно вышла из гостиной.

— Почему ты противишься ей? — спросил Джон. Из темной коробки рядом с собой берет сигару. — Она тебе не нравится?

— Мне не нужна сиделка, — сказала я. Опускаюсь в широкое кресло напротив Джона. У меня подчеркнута прямая спина, быть может, излишне. — Озабоченность состоянием моего здоровья сильно преувеличена. Я чувствую себя превосходно.

Мужчина поднес сигару к огню. Смотрит на меня, выдохнув столб дыма.

— Вспомни, как было в горах Ханди, — говорю я. — Я и Майкл прошли десять миль по сугробам, в ушибах и ссадинах, и ничего с нами не случилось. Мне не обязательно быть здесь, чтобы...

— Ты останешься здесь и примешь все рекомендации от миссис Дэвидсон. За этим проследит Батлер.

— Кто?

— Дворецкий, Анна, — снисходительно напомнил Джон.

— Я не могу оставаться в этом доме. У меня есть дела, которые я никак не могу отложить на потом, — горячо возразила я. — Ты как никто другой сейчас должен меня понять.

Нехотя, но Джон понимает.

— День в твоём распоряжении, — немного обдумав, сказал он. — В утро и вечер ты принадлежишь миссис Дэвидсон.

У меня было что на это ответить, но я благоразумно решила помолчать. Пока Хэнтон согласен хоть на какие-то уступки... уже неплохо.

Мой взгляд опустился к газете на низком столике между нами.

— Четверг? — нахмурилась я. Беру тонкую шероховатую бумагу в руки. Нахмурилась еще сильнее.

— Что-то не так?

— Я не знала, что проспала двое суток, — задумчиво сказала я.

Раскрыв газету, обнаружила «Интера мотор» в заголовке. Глаза быстро бегают по коротким строчкам в длинной статье.

— Они выставили меня неблагодарной дрянью, — с мрачным смешком заметила я. Откладываю газету в сторону. — Что они напишут, когда заработают скважины в Стилдоне?

Джон выдохнул облако дыма и спокойно говорит:

— Что ты ограбила меня. И только благодаря моим деньгам у тебя сейчас есть нефть.

Джон произнес сказанное как сарказм, но я отчетливо слышу в этом правду.

— Кстати, о Стилдоне. Майкл сказал, что ты заинтересован в строительстве стилдороги. Что тебя заставило вступить в альянс?

— Твоя нефть.

— Когда ты согласился, у меня еще ничего не было, — недоверчиво говорю я.

— Ты выкупила участок в собственность без нефтеразведки, поставила буровую, а теперь рвешься решить вопрос о строительстве стилдороги. Ты уверена в том, что ты делаешь, потому и интерес к тому, что ты делаешь, вполне понятен, — уголок его губ ненавязчиво взметнулся вверх. — Кроме того, что опасного в том, чтобы вступить в альянс? Никто не взялся бы за строительство дороги, пока на твоей земле не обнаружена нефть, — сказал Джон. — Счастлив объявить, все скважины оказались рентабельны.

— Томпсон пробился во всех трех? — взволнованно уточняю я.

Хэнтон легонько кивнул.

— Сейчас идет работа по подготовке скважин к нормальной эксплуатации.

Я вскочила на ноги.

— Тогда мне нужно ехать в Стилдон.

— Зачем?

— Поговорить с Томпсоном, конечно!

— Тебе не нужно ехать в Стилдон. Томпсон вернется в Данфорд через пару дней.

Я успокоилась немного. Обдумав немного, говорю:

— И все равно мне нужно идти. Прямо сейчас... — смотрю на Джона. — Мне нужна твоя машина.

День мокрый. Слабый свет солнца пробивается сквозь темные тучи и все равно больно режет глаза. Это с непривычки.

Сажусь в машину, подушечками пальцев потеряв веки.

Уже четверг.

Встреча со Смитом должна была состояться несколько часов назад. Нехорошо.

Водитель поспешно садится в темный «Прайд».

— Куда направляемся?

— Банк Илсити.

— Простите, мисс, вы сказали Илсити? — водитель посмотрел на меня в зеркало заднего вида.

— Да, я сказала Илсити.

Поездка предстоит долгой.

Мотор зарычал громче. Я облокотилась о спинку сидения. Мне удобно.

— Мисс Лоуренс? — густые брови Смита удивленно приподнялись вверх. Смотрит на две короткие ссадины на моем лице. Вспомнив о вежливости, увел взгляд к глазам. — Мы ждали вас к десяти...

— Прошу извинить меня, возникли непредвиденные обстоятельства, — говорю я. — Еще не поздно завершить сделку сегодня?

Смит сразу снял телефонную трубку. Обождав немного, заговорил:

— Сэр, вы примете мисс Лоуренс сейчас или назначить другое время?

Смит быстро закивал и со словами «Да, сэр» кладет трубку на место и подзывает молодого служащего к себе.

— Проводите мисс Лоуренс к управляющему.

Я пошла вслед за служащим. Этот человек ходит быстро, немного склонившись вперед, как уверенный в себе пес. Причиной такой походки могла стать заметная сутулость молодого человека.

Мы поднялись на лифте на последний этаж. Двери открылись в стенах большого и светлого кабинета. За широким рабочим столом Алан Лонгер.

Я сделала шаг вперед, а служащий остался в лифте. Двери сомкнулись. Лифт пополз вниз.

— Присаживайтесь, мисс Лоуренс, — проговорил Лонгер, не отрывая сосредоточенного взгляда от большого рабочего журнала перед собой.

С того времени, как этот человек стал временным управляющим банка Илсити, в этом кабинете многое изменилось.

На рабочем столе Лонгера аккуратно расставлены стопки с бумагами, рабочими журналами и книгами. А у стены в точности по центру расположены серые папки с длинными номерами дел — их очень много.

Никаких фотографий. Никаких личных вещей и приятных безделушек.

В этом кабинете нет ничего лишнего, в точности как в кабинете Джона Хэнтон. Но! Даже в кабинете самого педантичного человека не видела подобной аккуратности в делах... Порядок здесь буквально во всем.

Я села по другую сторону стола Алана Лонгера.

— Я ждал вас к десяти, а теперь вы бесцеремонно отнимаете мое время, — упрекнул он. Делает запись в журнале и переворачивает страницу.

— Так сложились обстоятельства.

— Обстоятельства, — с очевидным недовольством повторил Лонгер. Закрыл журнал, отложив его в сторону. Поднял взгляд на меня, и лицо его потеряло былую строгость.

— Что произошло?

— Досадная случайность.

Алан Лонгер задумался о чем-то, и я вижу, как его тонкие губы ненавязчиво приоткрылись. Зная скверные наклонности этого человека, мой мозг поразила отвратительная мысль, что в эту самую секунду я стала объектом его нездоровой фантазии.

— Я готова подписать документы по заводу в Стилдоне, — поспешно говорю я.

Лонгер ничего мне на это не сказал. Смотрит на меня. Думает о чем-то. Воображает что-то...

Когда его взгляд переместился, мужчина лениво поднял серую папку со стола и вынул из нее несколько бумаг. Через стол протянул их мне.

— Поставьте подписи. Завод ваш.

— Мне нужна ручка, — осмотрев стол перед собой, прошу я.

Тонкий человек в дорогом костюме поднялся с места. Я с недоверием и тревогой смотрю, как мужчина неторопливо обходит стол и приближается ко мне.

Он вынул золотую ручку из кармана своего черного пиджака и протянул ее мне так, будто совсем не хотел этого делать.

— Спасибо, — глядя на мужчину снизу вверх, с замешательством благодарю я. Беру ручку. Взгляд сразу упал к бумагам.

Алан Лонгер не вернулся в кресло управляющего...

Теперь он стоит прямо за мной, сомкнув пальцы на краях спинки моего стула.

Склонился ко мне. У меня замерло сердце.

Я чувствую запах его одеколona. Я даже чувствую его дыхание...

— Подпись нужна здесь, — сказал он. Его тонкие белые пальцы легли на желтую бумагу в моих руках.

Быстро ознакомившись с содержанием, ставлю свою подпись там, где показал Лонгер.

Пальцы его скользнули ниже по бумаге.

— Вот здесь...

Ставлю подпись, неминуемо соприкоснувшись с его рукой.

— И здесь.

Я поставила закорючку и жестче, чем следовало, говорю:

— Это все?

— Да, — выпрямился Лонгер, а я почувствовала мгновенное облегчение.

Мужчина неторопливо вернулся в кресло по ту сторону стола. Садится и, запрокинув ногу на ногу, испытующе смотрит на меня, отложив подписанные мной бумаги в сторону.

— Ваше решение о продаже акций? — спрашивает он.

— Этого не будет.

Лонгер не разочарован. Мужчина достал из ящика своего стола красную папку и протянул ее мне.

— Ознакомьтесь, мисс Лоуренс.

Я нахмурилась.

В папке всего несколько желтых страниц с машинописным текстом, а еще есть карта очень большого участка земли в Стилдоне с указанием границ и точных координат.

— Моя собственность, — властно заявил Алан Лонгер.

Я внимательно всматриваюсь в красные линии на карте. Эти линии обозначают границы собственности.

Когда я сопоставила месторасположение земли Лонгера относительно моей земли в Стилдоне... мне стало нехорошо.

Мерзавец выкупил землю на много километров поперек предполагаемого места строительства стилдороги. Обойти его — значит удвоить стоимость стилдоложна, не говоря уже о сроках самого строительства. Альянс не согласится строить дорогу на таких условиях.

Злой огонек разгорелся в моих глазах. Поднимаю недовольный, но решительный взгляд на Лонгера.

— Есть альтернатива вашим требованиям? — сдержанно спрашиваю я.

— Вы по-прежнему не согласны на продажу акций?

Между нами возникла долгая и холодная тишина. Лонгер смотрит на меня прямо, ручка в его руках поднимается вверх и опускается вниз, медленно и раздражающе, будто мужчина испытывает мои нервы на прочность.

— Вы — объект моего желания, мисс Лоуренс, — холодно и прямо сказал он. — Вам интересно продолжать разговор?

— Да, — не сразу проговорила я.

— Вечер в эту пятницу вам подходит?

В эту пятницу... Уже завтра?

— Подходит.

— В десять я буду ждать вас в своем доме на Первой центральной, 200. Легко запомнить, — сказал он. Смотрит на меня, а я смотрю на него. — Если встреча состоится, моя земля перейдет в ваши руки.

— Хорошо, — я поднялась со стула, чтобы уйти. — Полагаю, это все...

— Я не хочу никаких претензий, никаких сомнений и никаких иллюзий относительно природы наших отношений, — объявил Алан Лонгер. Смотрит на меня. — Если это понятно... всего доброго, мисс Лоуренс.

Под немотой, удерживающей меня на месте, таится жгучая боль.

Нет падения хуже.

Двери лифта расступились. Я сделала шаг вперед и с дрожью в руках выжала круглую кнопку. Лифт медленно спускается вниз.

— Стилдон... — глубоко выдохнула я, вобрав в легкие воздуха. Много воздуха.

Даже как-то стало смешно. Но если взглянуть на меня со стороны, уверена, улыбка на моих губах выглядит жуткой и даже страшной.

— Мисс Лоуренс? — на меня удивленно смотрит Смит, когда двери лифта расступились на его этаже. Мужчина направляется ко мне.

— Где ваш помощник? — потребовала я.

— К...какой? — не сразу понял Смит. — Тот, что проводил вас в кабинет мистера Лонгера?

— Где он?

— Я вас провожу, — с замешательством сказал он. Мужчина направился в соседний зал, откуда раздаются громкие удары по клавишам печатных машинок.

Я как торнадо промчалась вперед Смита и первой распахнула тонкую зеленую дверь.

— Мисс Лоуренс! — взволнованно окликнул меня Смит.

В большом зале, шире предыдущего, четыре десятка столов. За каждым столом работает служащий за печатной машинкой. Некоторые из мужчин и женщин удивленно поднимают на меня глаза, а я твердым и уверенным шагом мчусь меж их столов, вглядываясь в лица каждого.

На другом конце комнаты над печатной машинкой склонился сутулый человек. Набирает текст и меня совсем не видит. Ему все равно, что происходит вокруг. Его работа важнее.

Я встала у его стола. Смотрю на него.

— Сид, как я полагаю, — сказала я.

Парень поднял глаза. Узнаю в этом лице черты гордого рабочего на площадке в Стилдоне.

Взгляд у него сейчас такой, словно я назойливая муха у него перед глазами.

— Зачем посылать в Стилдон банковского служащего вместо того, чтобы подкупить любого

рабочего? — нахмурившись, сказала я. Ищу ответ в безразличных глазах. — Ну конечно! Необразованный рабочий не смог бы оперативно зарегистрировать нужные Лонгеру земли. Не справился бы с массой задач...

— Вы хотите предъявить мне претензии?

— Это ни к чему, — нарочито вежливо сказала я. Смотрю ему строго в глаза. — Я только хотела убедиться, чья эта пешка и для чего она нужна.

Больше мне с этим человеком говорить не о чем.

— Вам для этого понадобилось много времени, — нагло выкрикнул он мне в спину. Я остановилась. — Пешка сделала свое дело. Какая теперь разница...

Оставляя позади глухой стук каблуков, я наконец покинула стены банка Илсити.

К вечеру в Данфорд вернулся Клайд Коллинс.

Увидела теплый взгляд синих глаз и потеряла голову. Взбежала по лестнице к его дому и, к недовольству прохожих, бесстыже припала к его губам.

— Анна, — прохрипел он и за талию втянул меня в двери многоквартирного дома, подальше от глаз случайных прохожих на закате дня. Прервал поцелуй и с тревогой посмотрел мне в глаза:

— Что с твоим лицом?

— Ерунда, — отмахнулась я. Опять примкнула к мужчине в поцелуе.

Проходит мгновение, за ним другое... Мы достигли дверей квартиры Клайда, а ведь Генри Фриц никогда прежде не позволял нам зайти так далеко.

Я пальцами вцепилась в рубашку Коллинса, вытягиваю ее из-под пояса брюк. Чувствую, как губы мужчины спустились к шее и кровь в венах раскалилась. Я почти поверила в возможность единения, когда из темноты коридора раздался чей-то голос:

— Мисс Лоуренс, вам лучше вернуться на улицу, — предостерег незнакомец.

Суровый взгляд серьезного джентльмена внимательно следит за нами.

— Где Генри? — спрашиваю я.

— Теперь я выполняю обязанности мистера Фрица. Это все, что вам нужно знать, — с холодком объявил человек в черной шляпе.

Смотрю на Коллинса. Еще никогда прежде я не видела такой хмурый и злой взгляд на его лице.

Вдруг щелкнул дверной замок, и Клайд одним быстрым движением втянул меня через дверной проем, закрыв дверь перед самым лицом детектива, который в последний момент понял свою ошибку.

Я в восторге!

Я с силой прижимаюсь к губам Коллинса и на ходу срываю рубашку с его плеч.

Чувствую жар его дыхания. Ощущаю тепло его ладоней на своей коже. Вдыхаю запах его парфюма. Головокружительные ощущения, от которых кровь в венах неминуемо раскалилась до жара вулканической лавы. Я горю.

Не прерывая поцелуй, Клайд опрокинул меня на постель.

Грохот в дверь скоро прекратился, или мы перестали его замечать...

Обнаженная, отдыхаю в мягкости подушек и белоснежных простыней. Умиротворенная, вдыхаю ночную прохладу воздуха открытого окна. Мои пальцы лениво касаются пальцев его крепкой руки, пока те не сомкнулись, плотно удержав мою руку в своей ладони.

— Что случилось с твоим лицом? — спрашивает Клайд.

— Неудачное падение, — сказала я. Пока мужчина не задал новый вопрос, взгромоздилась ему на

грудь и прямо сказала то, о чем Клайду действительно следует знать:

— На какое-то время мне придется остаться в доме Хэнтон. Таковы его условия, иначе Джон оставил бы меня в больнице, как хотел того врач.

Взгляд Коллинса стал хмурым.

— Почему врач хотел, чтобы ты осталась в больнице?

— Из-за шеи. После неудачного падения... стало хуже.

Мужчина нежно провел пальцами по моему лицу. Так приятно, что глаза сами собой прикрылись от удовольствия.

— А теперь расскажи мне, что случилось с тобой на самом деле, — мягко попросил меня Клайд.

Мои глаза открылись... Я рассказала ему все как есть. Честно.

Когда мы с Клайдом вышли из квартиры, детектив ждал нас. Хмурый и злой, мужчина велел сесть в его машину.

Безропотно подчиняюсь.

На Северо-западную, шесть Коллинс поехал вместе со мной.

В особняке нас не встретили ни дворецкий, ни сам Хэнтон.

— Миссис Дэвидсон? — удивилась я тому, что в такое позднее время эта женщина все еще здесь.

Женщина тепло улыбается, но не мне. Она узнала доктора Коллинса. Клайд поприветствовал ее, обратившись к ней по имени. Я нахмурилась.

Когда появился дворецкий, он проводил нас в гостиную, на ходу распорядившись о теплом чае, а потом вернулся в холл, туда, где его ждал детектив.

Я не осталась в гостиной. Пока Коллинс и миссис Дэвидсон говорят о чем-то, из дальнего угла холла наблюдаю, как мистер Батлер и детектив молча поднимаются вверх по лестнице. Когда шаги перестало быть слышно совсем, я вернулась обратно.

— Доброй ночи, мисс Лоуренс, — сказала мне миссис Дэвидсон. С некоторым замешательством смотрю ей вслед.

Клайд склонился перед медицинской коробкой на низком столе.

— Анна, сядь на диван, — попросил меня он.

— Нет, — сказала я, когда увидела, как Коллинс взял в одну руку шприц, а в другой держит ампулу.

— Мисс Лоуренс, сядьте на диван, — решительно повторил он. Я нахмурилась.

Теперь мы смотрим друг на друга.

Передо мной не Клайд... Со мной сейчас говорит доктор Коллинс.

Какая-то сила заставила меня подчиниться. Я села.

Мужчина склонился ко мне.

— Ты работал с Долорес? — спрашиваю я. Скривилась, когда холодная игла вошла мне в вену.

— Да, — спокойно сказал Клайд. Убрал шприц. А потом он поднял на меня взгляд, нахмурился и добавил:

— Выброси из головы эти глупости.

Я хотела оправдаться, но в гостиной появился Джон Хэнтон. У него только слегка растрепаны волосы и немного смята рубашка. У мужчины уставший взгляд.

— Мистер Коллинс, — заговорил Джон. — Увидеть вас в своем доме для меня сюрприз. Не могу сказать, что приятный.

Затем взгляд мужчины обратился ко мне.

— Анна, — без улыбки поприветствовал меня Джон.

Я тоже не улыбнулась, но кивнула в ответ.

Когда Хэнтон прошел мимо меня к камину, я почувствовала за ним едва уловимый шлейф приятных женских духов. Мой взгляд уткнулся в его лицо и рубашку в попытках найти след от красной помады или другие доказательства своей догадки... Джон плеснул в бокалы виски, один бокал протянул Коллинсу.

Мужчины ведут негромкий диалог, мирный на первый взгляд, а я остаюсь на диване. Взгляд мой метнулся к холлу.

Мне зачем-то стало важно знать, здесь ли еще эта женщина. Я хочу увидеть ее. Я хочу узнать, кто она... И тут меня пристыдил логичный вопрос собственного рассудка: «Зачем мне нужно это знать?».

Личная жизнь Джона Хэнтоня меня больше не касается. Но...

Некоторые обстоятельства остаются вне человеческого контроля, например, чувства. Иногда приходится терпеть их существование и ждать, когда наваждение кончится. А пока этого не произошло, придется стыдиться жгучего укола внезапно возникшей ревности. По-другому никак.

— Анна, ты не могла бы подняться к себе и дать нам возможность поговорить? — спокойным, лишенным всяких эмоций голосом просит меня Джон.

Я сразу поднялась с дивана, но никуда не ухожу.

Недоверчиво смотрю на мужчин. Они стоят по обе стороны большого белого камина, спокойные и серьезные, совершенно солидарные в решении поговорить уединенно. Без меня.

Кажется, я размышляю слишком долго, потому что Клайд вдруг сказал:

— Встретимся завтра, Анна. Доброй ночи.

— Доброй ночи...

Неохотно, но делаю так, как просят. Мне пришлось.

Я вышла из гостиной, а потом почти сразу остановилась. Я хочу обернуться и посмотреть, что там происходит теперь, когда мужчины остались одни. О чем они говорят сейчас?

Задумалась и вдруг решила...

Я не хочу этого знать.

Я прошла к лестнице и поднялась на второй этаж. Вошла в комнату и опустилась на кровать, уставившись в белый потолок.

Меня мало беспокоит то, о чем эти двое будут говорить там, внизу. Конфликт их интересов — наименьшая из моих проблем сейчас. Эгоистично, конечно, но это так.

В моих мыслях сейчас один только Алан Лонгер.

Поджав губы, сосредоточилась на том, что мне нужно будет сделать, когда окажусь с ним наедине. Я думаю о том, как все должно быть, чтобы все прошло так, как надо мне.

Если что-то пойдет не так, цена неудачи — ужасные последствия.

Я закрыла глаза, а когда открыла их опять, с удивлением обнаружила, что ночь закончилась слишком быстро.

Наутро, едва поднялось солнце, я проснулась поверх еще застеленной кровати. Я действительно устала, раз уж накануне вечером провалилась в сон не в самой удобной позе, да еще в одежде. Медленно и лениво поднимаюсь и тру глаза.

Наступила пятница. В руках возникла мелкая дрожь, когда осознала это.

Я приняла бодрящий душ.

Оделась.

Завтракать не стала.

Сейчас ранее утро. Особняк тих.

Я спустилась вниз по лестнице и вышла на улицу. На пути к машине столкнулась с управляющим дворовой территорией.

— Водителя позвать, мисс?

Отрицательно качнула головой, позаботившись о шее. Жест получился совсем слабенький, едва заметный. Когда слуга увидел, на какой машине я намереваюсь ехать, хотел возразить мне. Что бы ни хотел сказать мне этот человек, мой взгляд заставил его передумать.

Я уезжаю на машине Джона. Это не «Прайд», а золотистый «Шальдо».

Хэнтон будет недоволен. Увы, у меня нет другого выхода.

Прокручиваю ключ в замке зажигания и тихонько жму педаль газа. Двигатель работает громко, но не так, чтобы разбудить обитателей дома на Северо-западной, шесть. Раннее солнце только поднимается к небу, дороги пусты. Фонари вдоль дорог еще зажжены.

Война с Аланом Лонгером имеет все шансы закончиться уже сегодня. План прост по сути своей, но, чтобы его воплотить в жизнь, потребуются храбрость.

Надеюсь, у меня ее окажется достаточно.

Я проехала через весь город, к границе восточного Данфорда. Заняв столик в уютном кафе, уставилась на вид из широкого окна. Здесь узкие улицы, невысокие дома из кирпича с вытянутыми окнами.

По улицам ходят люди. Разъезжают грузовики.

Данфорд проснулся.

— Фирменный завтрак. Кофе, — прошу я официанта, даже не раскрыв предложенное мне меню. Парень смотрит на меня с очевидным любопытством. Когда момент стал неприличным, молодой человек поспешно извинился и ушел, а я задумчиво посмотрела ему вслед.

Хлопнула дверь на кухню, а за ней донеслось тихое: «Это Анна Лоуренс».

Я опять смотрю в окно.

Совсем скоро отворилась дверь, и на пороге кафе появился невысокий мужской силуэт. Оглядев помещение, темная фигура приблизилась ко мне.

— Садитесь, — жестом указываю на противоположную часть стола, улыбкой поприветствовав того, ради кого нахожусь здесь в это утро.

Глава 12

Стоит тихий вечер. Первая центральная, 200 — единственный зеленый островок на километры городских улиц. Лязгнули высокие металлические ворота, только они потревожили покой этой улицы. На синей машине под зеленым навесом высоких деревьев проезжаю к высокому серому дому Алана Лонгера. Почти во всех окнах горит свет.

Заглушив двигатель, выхожу из машины.

Я не хочу входить в этот дом. Даже собственные ноги этому противятся, но я все равно это делаю.

Решиться войти в психиатрическую больницу Данфорда было проще.

Поднимаюсь по широкой лестнице. Мне не пришлось стучать в дверь, ее открыли, едва я встала перед ней.

В холодном вежливом приветствии прислуга приняла у меня одежду, а потом меня проводили в гостиную.

У камина с бокалом крепкого напитка стоит Алан Лонгер. Он смотрит на огонь. Когда прислуга вышла из гостиной, этот человек вдруг спросил меня:

— Как вы выглядите?

— Обычно...

— Хорошо, — мужчина поднес бокал к губам и медленно-медленно отошел от камина. Смотрит на меня. — Когда женщина пытается нравиться мужчине, это открыто заявляет о ее доступности. А я терпеть не могу доступных женщин.

Мой взгляд стал совсем хмурым.

— Другое дело — вы, — сказал он. — Жертвуете честью ради Стилдона. Дело важнее чести?

На моем лице не шелохнулся ни один мускул. Он всерьез ожидает, что я отвечу на этот вопрос?

Лонгер внимательно смотрит мне в лицо и неторопливо приближается.

Не слышу ударов собственного сердца, кажется, оно совсем остановилось.

— В вас столько гнева... — сказал он, когда оказался ко мне совсем близко. На худом и бледном лице живыми кажутся только глаза. — Вы безупречны.

Алан Лонгер поставил бокал на стол и протянул мне руку.

— Прошу вас подняться со мной на третий этаж.

Я снова стала дышать, но получилось у меня это как-то с трудом.

— Даже не предложите мне виски?

— Из соображений своего удовольствия — нет, — прямо сказал Лонгер. — Хочу в полной мере насладиться искренностью эмоций вашего лица.

Я долго смотрю на мужчину в попытках разобраться в причинах его неизлечимой болезни. Я хочу обнаружить истоки его нездоровой фантазии. Найти доказательства его больного помешательства!

Чувствую себя так, будто у меня горит лицо. Страх во мне сильнее ярости.

— Вы отвратительны, — без гнева констатирую я, послушно уложив пальцы на его горячую ладонь.

Поднимаемся вверх по лестнице.

Сначала мы поднялись на второй этаж. Совсем скоро возник третий.

Перед нужной дверью мы оказались слишком быстро...

Пальцы мужчины легли на круглую бронзовую ручку. Он провернул ее, и дверь с легким щелчком открылась.

Я посмотрела в комнату. Это спальня. Высокие окна только слегка прикрыты почти прозрачным оранжевым тюлем, по центру расположена широкая кровать. По обе стороны кровати два столика.

На одном таком столике заготовлены веревки и лоскуты черной ткани...

Я потрясенно уставилась на Алана Лонгера.

— Что вы собираетесь сделать со мной?

Лонгер ничего мне на это не сказал. Он только жестом предложил мне войти.

За мной все еще есть право уйти. Я могу это сделать. Прямо сейчас.

Я хочу этого!

Но если так поступлю, дороги на Стилдон у меня не будет.

Я мрачно посмотрела в комнату.

Я так далеко зашла...

Я переступила порог в спальню, а Лонгер тихонько закрыл за мной дверь.

Смотрю на кровать, на веревки, а потом в окна.

Надеюсь, все происходит не слишком быстро.

Слышу, как в замке повернулся ключ, и обернулась. Лонгер отошел от двери. Ключ остался в замке.

Опять смотрю на окно. Хочу прямо сейчас увидеть там что-то еще, кроме зеленых верхушек деревьев.

— Разденысь, — очень спокойно сказал мне Лонгер. Мужчина смотрит на меня, а я с холодком смотрю на него без намерения подчиниться. В один большой шаг бледный человек преодолевает расстояние между нами и наносит мне удар ладонью по лицу. Несильно, но этого оказалось достаточно, чтобы в шее растекалась пульсирующая боль.

Мужчина повторил свое требование, а я ничего для этого не делаю... В следующую секунду меня силой свалили на кровать. Длинные тонкие пальцы сомкнулись на моей бедной шее. Стало трудно дышать.

— Ты делаешь все, как я скажу, — без жизни в голосе объявил Алан Лонгер. — Вытяни руки вперед! — приказывает он. В тот миг, когда я подчинилась, мужчина разжал пальцы на моей шее. Я с шумом втянула воздух в легкие.

Объединив мои запястья, Лонгер связывает их веревкой. А потом...

— Нет! — вскрикнула я, когда с бедер пополз пояс брюк, обнажив белый шелк белья.

Сжав пальцы в кулаки, я ударила мужчину по голове. Мне даже удалось сделать это второй раз. А потом я больно укусила его за палец, за что получила сильный удар ладонью по лицу. На короткое мгновение все мои мысли разлетелись по самым дальним уголкам моего напуганного сознания. Я даже не чувствую боль в шее, а она есть...

В предполагаемом развитии событий до этого не должно было дойти.

Все должно остановиться уже сейчас! Почему этого не происходит?

Почему этот кошмар для меня все еще не остановился?

Я опять смотрю на окна, но в них никого не вижу.

Мужчина тяжело дышит. Смотрит на меня. В этих глазах восторг, а на губах страшная улыбка.

Я чувствую вкус крови во рту.

Мужчина вдруг склонился ко мне. Как самый нежный любовник, губами касается моей шеи, а когда его губы примкнули к моим, он с силой попытался раскрыть мне рот. Желание укусить мгновенно исчезло в страхе испытать новую боль... Раздался треск оконного стекла. В комнате появился Генри Фриц. Лонгер замер.

Слава богам, это наконец произошло!

Все еще в ужасе подлинного страха нахожу силы вырвать руки и локтем ударить Лонгера в лицо. Вскочив с кровати, прячусь за Генри.

— Вы в порядке? — с тревогой спрашивает Фриц, освобождает мне руки.

— Насколько это возможно, — кивнула я.

Обнаружив фотообъектив на груди детектива, взгляд Лонгера становится совсем злым.

— Детектив, послушайте меня...

Генри дулом пистолета целится в Лонгера, и тот сразу замолк.

Фриц берет меня за запястье и уводит за собой к лестнице. Хозяин дома уверенно и громко крикнул вслед:

— Сколько бы она ни предложила, я дам больше!

Мы с Генри очень быстро спускаемся вниз по лестнице, а прислуга, завидев пистолет в руках Фрица, пугливо рассыпалась в стороны.

Не встретив на своем пути никакого препятствия, через парадные двери мы вышли в прохладу темной улицы. Я нырнула в синий седан Фрица. Упала на спинку серого сидения и очень осторожно приложила руку к своему лицу. Тыльной стороной руки с силой провела по губам, стерев с них воспоминания о холодных губах Лонгера.

Генри провернул ключ в замке зажигания, зарычал двигатель. Машина торопливо вырывается вон за черные ворота Первой центральной, 200.

— Удалось сделать фотографии? — с волнением в голосе спрашиваю я Генри.

— В том, что произошло, ни у кого не возникнет сомнений, — твердо ответил он, протянув мне свой платок. Я сразу приложила его к липким от крови губам.

Машина проносится вдоль цепочки уличных фонарей на запад. Кажется, понимаю, куда везет меня Фриц...

— Отвезите меня в мотель, — прошу я. Перевернув платок, снова подношу его к лицу.

— Вам нужна больница.

— Никто не должен видеть меня такой, — возразила я. — Нужен мотель где-нибудь на окраине, там, где меньше всего обратят на меня внимание. Вы должны знать такие места.

А когда Фриц хотел возразить, добавила:

— Никто не должен узнать, о том, что произошло. Совсем никто.

Недовольно скривив лицо, Фриц нехотя свернул на перекрестке на юг.

Едем долго.

Город дальше, производственные районы ближе.

Дорога становится хуже. Фонари встречаются реже.

В промышленных районах юга машина остановилась под мерцающим светом желтого фонаря.

— Это арендный дом. Если нужно спрятаться, то лучше здесь, — сказал Фриц. С осторожным любопытством смотрю на дом из красного кирпича. Здание в семь этажей кажется аварийным. — Здесь живут иностранцы. Условия скверные. Но женщину вашего характера это не должно напугать...

— Спасибо, Генри.

Возникла короткая тишина.

— Оно того стоило? — с претензией в голосе вдруг спросил он. Смотрит на меня, а я, нахмурившись, всматриваюсь в лицо Генри и понимаю: ответа от меня сейчас требует честь мужчины. Он сомневается, что поступил правильно, позволив Лонгеру сотворить со мной такое.

— Да, Генри, оно того стоило, — без сомнений, но очень медленно проговорила я.

Обдумав мой ответ, мужчина кивнул.

Нанять Фрица, чтобы детектив сделал для меня компрометирующие Лонгера фотографии, — не

самая гениальная из идей? Может быть. Но я не знаю, как еще могу бороться с этим мерзавцем. Поступить вот так — это все, что мне пришло на ум за предоставленные мне на размышления сутки. Это все, что удалось сделать за сутки.

Встреча с Аланом Лонгером могла закончиться по-разному, но вот так, как все закончилось для меня сегодня... Боже.

В моих планах не было намерения прятаться, но теперь придется, пока лицо мое не обретет хоть сколько-нибудь приличный вид.

— Фотографии будут готовы через два дня, — пообещал Генри и помог мне подняться из машины. Я хотела спросить, почему так долго. Но не стала этого делать.

Я просто подожду два дня и все.

Генри и я поднялись по узкой невысокой лестнице и вошли в дом из красного кирпича. Снаружи мрачный и опасный, внутри дом оказался не таким. Здесь светло и тепло. Где-то играет веселая музыка. Я слышу детский смех.

Генри провел меня в общую комнату. Велел оставаться здесь, а сам поднялся вверх по лестнице на второй этаж, пообещав мне, что вернется быстро.

В общей комнате жильцы сидят на диване и полу перед маленьким телевизором на высоких острых ножках, полагаю, единственным на весь дом. Эти люди заинтересованно уставились в черно-белую картинку на экране.

Наблюдатели за игрой в карты лениво отгоняют детей от игрового стола. На столе деньги и пиво. Все спокойно, пока один из игроков в карты вдруг не вскочил на ноги, выкрикнув что-то в адрес своего оппонента. Не узнаю речь иностранца. Он показывает другому игроку на карты, гневно выпучив глаза. В спор вмешались наблюдатели.

Я трусливо обошла этот стол.

Те, кто сидят у телевизора, даже не обратили внимания на шум. Судя по всему, подобное здесь обычное дело.

Когда решила вернуться к лестнице, вдруг заметила, как на меня смотрит черноглазая длинноволосая женщина. Оглядев меня быстрым взглядом, женщина отвернулась. Сперва взгляд ее мне показался странным, немного злым, что ли... но потом я вспомнила, как выглядит сейчас мое лицо. Возможно, злость этой женщины направлена не на меня, а на того, кто сделал это со мной.

Я вернулась к лестнице. Прислонилась к стене, скрестив руки на груди. Женщина на меня больше не смотрит. На меня вообще никто сейчас не смотрит, мое присутствие здесь всякому безразлично. И все равно хочу поскорее войти в организованную для меня в этом доме Фрицем квартиру, закрыть дверь и запереть ее на замок. Иными словами, я хочу спрятаться...

Вниз по лестнице торопливо спускается Генри.

— Вы можете остаться здесь на неделю, — сказал он мне. — Если вам понадобится больше времени, просто позвоните мне и я обо всем договорюсь с хозяином дома. Хорошо?

— Ладно.

Мы поднялись на четвертый этаж и прошли до конца узкого коридора. Мужчина прокрутил в дверном замке ключ и отпер старую дверь под номером 46. Скрипнули петли.

Под звуки прогибающегося под ногами деревянного пола прохожу внутрь квартиры. Осматриваюсь.

Вид из окна этой комнаты — кирпичная стена соседнего дома. Я подошла к окну и занавесками закрыла его, а потом села на жесткую кровать, устало прикрыв глаза.

— Как вы? — беспокоится Фриц.

— Нормально, — солгала я.

Шея очень болит. Ее будто заклинило, и мне больно повернуть голову. Разбитая губа будто горит.

Генри неторопливо прошел по квартире, осмотрелся.

— Как и говорил, не те удобства, к которым вы привыкли, — виновато сказал он.

Квартира маленькая. Кухня здесь не больше самой ванны. Спальня. Из мебели здесь... стол, стул,

кровать. Вешалка — это гвоздь, вбитый в стену на фоне пожелтевших от времени обоев.

— Меня все устраивает.

Я поднялась с кровати и прошла в ванную. Укладываю ладони по обе стороны крохоткой раковины и смотрю на себя в зеркало. У меня усталый и измученный взгляд. Правая сторона лица припухла с явным затемнением у виска. Разбита губа. Ссадина на подбородке, полученная еще в Стилдоне, опять стала алой.

Приятного, конечно, мало, и все равно — все не так плохо, как я себе представляла.

Прокручиваю крестообразный вентиль. Умываюсь холодной водой.

— Генри, мне нужна еще одна услуга, — когда я вышла из ванной, сказала я. Лицо Фрица мгновенно стало серьезным. — Судья Нод часто бывает в ресторане «Мистраль». Мне нужно встретиться с ним. Ты можешь это устроить для меня?

— Все, что я могу сделать, — это сообщить вам по телефону, когда он будет там.

Я приуныла. Фриц нахмурился.

— Мисс Лоуренс, — тихонько позвал он. — У вас есть нефть в Стилдоне. У вас есть миллионы Хэнтон. Ваше имя известно всему Данфорду. Все еще думаете, что двери в «Мистраль» не откроются перед вами?

Я улыбнулась.

Генри Фриц ушел, пообещав вернуться с фотокарточками.

О том, что было в доме Алана Лонгера, не хочу думать совсем. Это плохие мысли. Это страшные мысли. Поэтому прямо сейчас я предпочитаю поразмышлять о судьбе Нод. Этот человек должен знать, почему мы здесь и как надолго?

Весь следующий день лежу в кровати, обеспечив своей бедной шее необходимый покой, потому что знаю — большей нагрузки ей не вынести.

Я много сплю. А когда бодрствую, думаю...

Я не вернулась в особняк Джона. Я нарушила его правило.

Я не хотела этого, мне пришлось. Один только взгляд на мое лицо заставил бы мужчину потребовать от меня объяснений. А мне этого не нужно.

Чтобы предотвратить худшие последствия, я все же нашла в себе силы подняться с кровати и спуститься вниз, в общую комнату. Здесь есть телефон.

Людей немного, женщины и подростки собрались вокруг ящика на ножках. Я взглянула на черно-белую картинку на выпуклом экране, показывают сериал. Я знаю актрис этой комедии. Видела их на приеме в «Зеленом бриллианте» зимой.

Я подняла черную телефонную трубку. Сделала звонок Дэйзи и оставила сообщение для Хэнтон о том, что вернусь в особняк Джона через несколько дней. Коротко и сухо. А с другой стороны, что я еще могу сказать?

Клайду я оставила сообщение на автоответчик. Я знала, что в это время его не будет в квартире. Сделала так нарочно, потому что... хочу избежать затяжных бесед и ненужных вопросов.

Вернулась в квартиру.

Фотокарточки — способ повлиять на решения Алана Лонгера. Это тайна, о которой никто не должен узнать. Ни Хэнтон. Ни Коллинс. Ни кто бы то ни было еще.

Почему я всерьез рассчитываю на эффективность такого давления? Все очень просто. Фотографии будут находиться не в руках мужчины холодного рассудка, они останутся в распоряжении взбалмошной девчонки, способной на что угодно. Так будет мыслить сам Лонгер. Он будет думать об этом.

Мне даже не придется убеждать его в чем-то. За меня это сделает его собственный напуганный рассудок, а мне останется только выдвинуть условия.

Впрочем, Алан Лонгер и так знает, что мне нужно.

На следующее утро я проснулась слишком рано. На улицах Данфорда еще совсем темно, а мне не хочется спать. Я лежала, уставившись в желтый потолок. Я много думала о самых разных вещах. Я закрывала глаза в надежде на скорый сон, а потом поднимала веки опять.

Когда лежать совсем надоело, я стала бесцельно шагать по квартире, время от времени разминая мышцы рук, плечи. От этого каким-то непонятным мне образом боль в шее становилась тише, но потом опять возвращалась.

Недуг меня уже совсем вымотал. Я устала.

Когда с первыми лучами солнца кирпичная стена за окном стала светлой, в мою дверь тихонько постучались. Я подумала, это Фриц вернулся, и сразу распахнула дверь. Но это был не Генри. С той стороны дверного проема на меня смотрят две женщины.

— Меня зовут Эльза, — сказала та, что с длинными волосами и черными глазами. Ее я видела минувшим вечером в общей комнате. Уверенная, что я прячусь от своего обидчика, эта строгая на вид женщина нашла мою квартиру и привела с собой Саманту.

— Саманта может помочь, — сказала мне Эльза, молча указав мне на шею.

Я с опаской отнеслась к предложению доверить свое здоровье женщине в платье прислуги.

Мои мысли как всегда отразились на моем лице.

— Она могла бы тебе помочь, — без гнева, но решительно сказала Эльза и увела растерянную и напуганную Саманту от моей квартиры. Я взялась за ноющую шею и уже вслед им крикнула:

— Подождите!

Япустила женщин в квартиру.

Саманта что-то сказала Эльзе на чужом мне языке, и та сразу велела мне встать лицом к стене. Я растерялась, но сделала так, как было велено.

Тонкая и высокая Саманта с полминуты касалась моих шеи и плеч, а затем выгнула мне руку и прогнула спину. А потом что-то сделала с моей ногой... Возникла резкая боль в шее, я вскрикнула. Тяжело дышу. Прислушиваюсь к ощущениям и вдруг понимаю — боли больше нет... Когда осознала это, успокоилась. Дыхание стало ровным.

Я очень медленно отошла от стены.

С любопытством и с благодарностью смотрю на Саманту. В том, что она сделала, я узнала мануальную процедуру.

Теперь я без труда могу повернуть голову, ее больше не клинит. Но шея не прошла полностью. Увы, ушиб тем же способом не лечат.

Саманта смотрит с осторожностью, а Эльза впервые за все время улыбнулась мне.

— Спасибо...

Саманта заметно расслабилась и сдержанно улыбнулась на слова моей благодарности, а потом трусливо поспешила покинуть мою квартиру. Эльза молча последовала за ней.

В моей квартире опять стало пусто. Женщины покинули квартиру так же внезапно, как и появились в ней. В некотором замешательстве от случившегося я тихонько закрыла дверь и вернулась в кровать.

Смотрю в желтый потолок и пытаюсь осмыслить, что именно сейчас произошло. А случилось то, что кто-то постучал в мою дверь, чтобы решить мою проблему, не потребовав ничего взамен. Это невероятно!

Такой момент хочется назвать чудом.

Дни тянутся очень медленно. Я остаюсь в квартире и никуда не уйду из нее.

Так проходит день, за ним другой, а потом следующий...

Я жду, когда сядет солнце и кирпичная стена за окном опять станет темной, — значит, закончился

еще один день. Я закрываю глаза и когда открываю их опять, стена за окном становится светлой, — значит, закончилась еще одна ночь.

За минувшие пять дней Генри Фриц дважды пришел ко мне. Он постучал в мою дверь, чтобы вручить мне в руки фотокарточки. Я помню, как волнительно раскрыла конверт и... взглянув на снимки, сразу затолкала их обратно, чтобы не видеть их мрачного содержания. А теперь Генри здесь, чтобы забрать меня.

Когда я впервые за много дней вышла в прохладу улицы, возникло чувство, будто я не видела солнца уже очень давно. Да что там, я будто мир не видела целую вечность! Даже воздух в дыму и копоти производственных районов кажется свежее и чище, чем в душных квартирах арендного дома.

По-хорошему мне бы еще остаться в этом доме на день или два, к тому времени затемнения на лице наверняка бы совсем уже прошли. Так было бы лучше, но уже никаких сил нет лежать в кровати и смотреть в потолок. У меня даже книги нет. Только мысли.

Поэтому когда Генри Фриц приехал за мной в арендный дом, чтобы отвезти в ресторан «Мистраль», причин поехать с ним было больше, чем оставаться здесь.

Я сдала хозяину комнату. Точнее сказать, за меня это сделал Генри. Хозяина арендного дома, загадочного мистера Ди, я так и не увидела за все то время, что находилась здесь.

Мы сели в синюю машину Фрица. Мужчина завел двигатель, выкрутил руль, и автомобиль неторопливо покотился по неровным дорогам производственного района.

— Судья Нод будет в ресторане «Мистраль» к двум часам, — сказал мне Генри.

Я не стала спрашивать, как Фрицу удалось об этом узнать. Я просто говорю:

— Хорошо.

Мы оставили позади производственные кварталы. Проехали жилые районы Данфорда и свернули на Вторую центральную улицу. Широкие тротуары в теплый солнечный день заполнены людьми. Автомобильный поток на этой улице очень плотный.

Когда Генри вдруг вырулил к обочине, я удивленно уставилась на мужчину.

Ресторан «Мистраль» еще далеко, а на этой улице километры модных бутиков, дорогих кафе и разных салонов.

— Что мы здесь делаем? — спрашиваю я.

— Купите для себя помаду и покрасьте губы, — сказал Генри. Мужчина прямо посмотрел на меня. — Еще вам понадобится пудра — скроете синяк на лице. Сделайте это, и не останется следов того, что с вами было.

Я перестала хмуриться.

Это хороший совет. Странно, что я не подумала об этом раньше.

— Ладно.

Я вышла из машины и вошла в магазин, перед которым припарковался Генри. В большой овальной комнате на витринах за стеклом красиво и аккуратно расставлена косметика самых разных брендов, форм и оттенков.

Еще здесь предлагают парфюм.

По центру потолка большая плоская люстра. По обе стороны каждой витрины стоит золотистая лампа — свет от ламп неяркий. Они здесь не для света, а для антуража.

Я сделала решительный шаг к продавцу за прилавком и сказала:

— Мне нужна помада и пудра. Мне все равно, какой бренд. Пудра должна повторить тон моего лица. Помада должна быть красной.

Женщина улыбнулась мне, но получилось у нее это как-то неловко. Наверное, она не привыкла слышать от покупательниц заявки в такой точной и прямой форме.

— Конечно, — вежливо сказала мне она и склонилась над витриной.

Через минуту она поставила на кассу все, что мне нужно. Кассир озвучил сумму, и я протянула ему деньги. Косметика и правда здесь очень дорогая...

Когда я вышла из бутика, я не вернулась в машину Фрица, а вошла в соседний магазин, чтобы купить себе новую одежду.

В том магазине я провела не больше пятнадцати минут и вышла из него в коричневом платье с розовой лентой на поясе. На лице пудра. На губах помада.

Я выгляжу... мило.

— Я впервые вижу вас в платье, — признался Фриц, когда я села в машину.

— У них не было брюк.

Генри вырулил с обочины в общий автомобильный поток. До ресторана «Мистраль» добраться быстро не получилось, даже когда Фриц проехал сомнительными районами и переулками.

Когда машина остановилась перед дверью с большой бирюзовой вывеской, я сказала Генри «До встречи» и быстрым решительным шагом направилась к ресторану. Поднялась по лестнице и вошла в холл.

— Анна Лоуренс, — представилась я джентльмену в бирюзовом смокинге за высокой темной стойкой.

— Вы по приглашению?

— Нет.

Возникло волнение. Что скажет мне человек за стойкой? Предложит войти или велит мне уйти, как это было раньше?

Мужчина с тонкими и длинными усиками дал знак служащему в белом смокинге, и тот сразу подступил ко мне.

— Прошу следовать за мной, — почтительно вежливо сказал он.

Я едва не прыгнула от радости.

Ни репортеров, ни чужаков, только узкий круг богатых, знаменитых и влиятельных. Анна Лоуренс теперь среди них.

Человек в белом смокинге проводил меня в большой светлый зал с бирюзовыми стенами. Над головой гигантская люстра.

Такую люстру забыть невозможно. Смотрю вверх и все равно не могу понять, как такая громадина держится на потолке.

— Судья Нод здесь? — спрашиваю я.

— На втором этаже. Мистера Нода известить о вас?

Я пронеслась вверх по лестнице мимо служащего. Достигнув второго этажа, сразу свернула вправо, узнав за круглым столиком одинокий мужской силуэт.

— Мисс Лоуренс, так нельзя! — преследует меня человек в белом смокинге. Даже претензия в его голосе звучит очень вежливо и почтительно.

— Мне нужно с вами поговорить, — встав перед судьей, требую я.

Недолго оценив спокойным взглядом меня и распинавшегося перед ним в извинениях человека в белом, мужчина наконец изрек:

— Присаживайтесь, мисс Лоуренс.

Я сразу села.

— Этот разговор, так понимаю, неизбежен... — коротко взглянув на меня, добавил он.

Я попросила для себя чашку чая, и служащий ушел.

Внимательно смотрю на судью, он отвечает тем же. У меня сердце рвется из груди. Сознание будто в огне. Душа узнает душу, ей родственную, и тянется к ней.

— Вы тоже чувствуете это притяжение? — прямо спрашиваю я. Вышло резко.

Мужчина по ту сторону стола ответил не сразу.

— Да.

Я ахнула. В этот самый момент даже дыхание сбилось, настолько волнительным был момент. Однако сам судья кажется очень спокойным. Открытие для него не открытие вовсе... Я догадывалась об этом раньше, а теперь знаю наверняка — я не первая родственная ему душа в этом мире.

— Сколько вам лет? — совсем тихо спросила я.

— Очень много, мисс Лоуренс... — неторопливо проговорил он. — К закату своей жизни вдруг оказался молодым юнцом здесь. Здоровым и сильным, полным жизни молодым человеком.

У меня приоткрылись губы от изумления, а когда осознала услышанное, поняла истинный смысл сказанных этим человеком слов... я тоскливо опустила взгляд.

То, что я услышала — грустно. Невообразимо.

Старик занял место своего молодого двойника. А двойник...

Родиться молодым и умереть старым, пропустив целую жизнь между. Для этого вообще слов подходящих нет.

Я опять смотрю на судью. Передо мной взрослый мужчина с первой сединой на голове. Значит, прошли годы. И все равно, зная, что прожил вторую жизнь, лишив этой жизни другого, даже если сам такого не хотел — невообразимо тяжелая ноша.

— Как давно вы здесь? — спросил меня судья.

Я хлопнула ресницами, затем еще. Собралась с мыслями и тихонько сказала:

— С августа 57-ого.

— Год...

— Вам довелось встретить других? — сразу спросила я.

Я знаю, каким будет ответ судьи, но я хочу знать больше. Я рассчитываю, что этот человек расскажет мне больше.

Мужчина поднес к губам стакан апельсинового сока. А когда поставил его на стол, облокотившись о спинку стула, сказал:

— Несколько лет назад я встретил женщину. Когда-то она была врачом.

— И что с ней стало?

— Жизнь здесь ей пришлось не по вкусу. Я дал ей денег, сколько мог, и она уехала.

— Куда, она сказала вам?

— Туда, где нет этих странных людей, — видимо, ответил он словами той женщины, что сказала ему их когда-то.

Я приуныла.

— Вы помните ее имя?

— Айна.

Мужчина взял вилку и нож, продолжает обед.

— Слежу за вашими успехами, — бодро сказал он. Поднял на меня глаза. — Вы неплохо адаптировались.

— Пришлось, — рассеянно отвечаю я, сразу устремив свой взгляд к лестнице. Я будто бы слышу смех Майкла Гроуза.

Прошло мгновение, за ним другое.

И правда, по лестнице поднимается Майкл, а с ним еще два незнакомых мне джентльмена.

Смотрю, как служащий в белом смокинге провел компанию во главе с Гроузом на следующий этаж.

Больше не смотрю в ту сторону.

— А как много времени понадобилось вам... — спрашиваю я мужчину по ту сторону стола, — для адаптации?

— Годы. Шесть лет жил в доме священника. Был старшим из его сыновей, — сказал он. Опять поднес к губам стакан с апельсиновым соком. — Представьте, каково пришлось убежденному атеисту.

— Не могу этого представить... — призналась я. — Но могу представить, каково было слушать проповедь священника на суде.

Мужчина улыбнулся.

— Разве можно не верить в Бога после всего, что с нами было? — задумчиво проговорил он.

Вопрос был риторическим. Мне совсем не обязательно на него отвечать. И не буду. Времени немного. Мне есть что сказать, и говорить я буду не о Боге.

— Я хочу поблагодарить вас, — немного обдумав, сказала я. — Если бы не вы, моя жизнь здесь превратилась бы во что-то невыносимо ужасное.

— А разве я мог поступить как-то по-другому? — без улыбки и таинственно заметил судья. — На слушание вышла не Анна Лоуренс. На слушание вышли вы. А вы не жена мистера Стоуна и оставаться таковой были не намерены. Свидетели, доказательства... с первых минут слушания все это уже не имело значения. Я знал, каким будет мое решение.

— Спасибо, — очень тихо и искренне сказала я. Смотрю мужчине в глаза и озвучиваю свой главный вопрос:

— Вам приходилось когда-нибудь возвращаться к прежней жизни?

— Трижды, — сразу и уверенно сказал он. — Возвращение не длилось больше двух часов.

— А потом?

— Все прекратилось.

— Прекратилось, потому что двойник в той жизни... — я запнулась. У меня язык не поворачивается сказать это вслух. Но мужчина понял меня и сказал:

— У Айны с двойником один возраст. К прежней жизни она возвращалась дважды. Совсем ненадолго.

Вернулся мужчина в белом смокинге и поставил на стол горячий чай. Я даже не взглянула на вежливого служащего. Я смотрю на судью, а он отвечает мне тем же.

Не до конца понимаю природу своих эмоций. С одной стороны, я безумно рада, что в этой истории с перемещениями появилось хоть какое-то понимание происходящего. А с другой... Теперь я знаю — мое окончательное возвращение к прежней жизни едва ли состоится. Отсюда возникла болезненная тоска, оттого что теперь я знаю — настанет день, когда вернуться будет уже невозможно. Родные мне люди останутся только в моих воспоминаниях.

В экипаже такси я возвращаюсь в особняк Джона.

С некоторым удивлением обнаружила, что высокие стальные ворота во владения Хэнтоната оккупированы репортерами. Их здесь два десятка, не меньше.

Машина сбавила ход и совсем остановилась. Ворота перед нами открывают с трудом.

Я вздрогнула, когда репортер выкрикнул мое имя, возникнув у окна автомобиля.

— Анна Лоуренс! — крикнул другой, хлопнув ладонью по стеклу.

В следующую секунду перед стеклом взорвалась фотовспышка.

Репортеры окружили машину. Они кричат что-то, связанное со Стилдоном, бесконечно выкрикивая

при этом мое имя.

Когда ворота открыли полностью, машина проехала через внутренний двор к дверям особняка.

Я посмотрела через плечо, с облегчением обнаружив, что репортеры остались за пределами высоких ворот. Во двор этим людям проникнуть не удалось.

Я заплатила водителю такси и отпустила машину.

Недалеко стоит «Прайд» Хэнтон. Водитель тщательно трет кузов тряпкой, чтобы машина блестела на солнце еще ярче. Замер, когда увидел меня.

Я сразу отвела взгляд и поднялась по широкой лестнице.

В светлом холле особняка меня коротко поприветствовал дворецкий. Он лично проводил меня в тихую и пустую гостиную, на ходу распорядившись приготовить для меня чай.

Хмуρο поблагодарив мужчину в черном фраке, ленивым шагом приближаюсь к камину. В нем все еще горят красные угольки, как если бы его затушили только к утру.

Для чего меня привели в гостиную? Пить чай? Совсем нет.

Скоро здесь появится Джон Хэнтон и потребует от меня ответы, которые я дать ему не смогу.

И все равно...

Я должна объясниться перед ним. Мне снова предстоит его в чем-то убеждать.

Меня это страшно злит!

Послышались твердые шаги. В гостиной появился Джон.

— Где ты была все это время? — сразу потребовал от меня мужчина.

Я медленно обернулась к нему.

— И тебе здравствуй, Джон, — улыбнулась я, напомнив ему о вежливости — в точности, как он иногда любит напомнить мне о ней. Спокойно смотрю в злой огонек его глаз. Говорю серьезно:

— У меня были дела.

Взгляд мужчины медленно и недоверчиво скользит по моему лицу. Взгляд серых глаз стал по-особому мрачным, когда переместился к платью.

— Я велел тебе возвращаться, а ты опять нарушила правила, — резко заявил он.

— Моя жизнь не сочетается с форматом твоих правил, Джон Хэнтон! — так же резко и громко объявила ему я. Возникла короткая тишина. Я продолжила, но уже мягче:

— Коллинс здесь не при чем. Моя жизнь изменилась, Джон. Теперь в ней есть Стилдон. Я не стану пренебрегать своими интересами во имя твоих желаний, смею заметить, во многом нелепых!

Джон молчит. Долго.

У мужчины до неприятного пронизательный взгляд. Я не люблю этот взгляд.

— Где ты была все это время? — очень спокойно повторил он вопрос. — Это все, что я хочу от тебя знать сейчас.

— Я была на юге Данфорда, в сердце промышленных районов. Жила в арендном доме.

— Зачем?

— Ты хотел знать, где я была последние несколько дней. Теперь ты знаешь, — сказала я. — А вот зачем... Это только мое дело.

В холодных глазах мужчины сверкнула сталь, и я смотрю в эти глаза прямо сейчас.

— Во имя всего хорошего, что есть между нами, остановись, — прошу его я.

Взгляд Джона остается хмурым. Он поднял коробку со стола и вынул из нее сигару. Я смотрю, как Хэнтон поднес сигару к огню, а спустя мгновение из его рта выплыло густое облако дыма.

Смотрит на меня, а я смотрю на него. Мы как заклятые враги по разные стороны баррикад.

— Любить тебя — сущее проклятие, — как брань, высказался Джон.

Мое лицо больше не выглядит решительным. Я часто хлопаю ресницами, изумленно приоткрыв рот.

— Выйди к репортерам, дай им несколько коротких ответов, — добавил он. — Они тебя уже сутки ждут.

Хмурый, мужчина вышел из гостиной.

Я осталась в гостиной совсем одна и даже не шелохнулась.

«Любить тебя...».

Услышать о его чувствах, пусть и в таком скверном контексте, — все равно что сбить меня с ног. Мне вдруг представилось, что я лежу на полу, совершенно не понимая, почему вверх и низ поменялись местами.

Глава 13

Нефть в Стилдоне и рождение компании «Лоуренс нефть» неизбежно привлекли интерес прессы ко мне и к тому, что я делаю. Но ненадолго.

Пресса говорила о Стилдоне неделю, а как-то раз фотоснимок буровой попал на первую страницу ежедневных газет.

Неудивительно.

Нефтяное месторождение в Стилдоне не крупное, подобных ему мест с двумя-тремя нефтекачалками — десятки по всей стране. Так что возникновение новых скважин никого не впечатлило.

А к концу месяца, когда пресса больше не говорила о Стилдоне, я с удивлением обнаружила свое изображение на обложке популярного женского журнала. В брюках и рубашке, я решительно спускаюсь по широкой лестнице банка Илсити, не подозревая, что попала в чей-то объектив! Крепко поджав губы, смотрю строго вперед.

Я узнала этот день. День, когда Алан Лонгер потребовал от меня часть еще несуществующей компании «Лоуренс нефть».

То был скверный день, и теперь он запечатлен на обложке популярного женского журнала «Стиль», который объявил меня номером один среди самых восхитительных женщин страны.

Почти сразу я появилась на первых страницах других популярных журналов.

Обо мне заговорили на телевидении. Обо мне говорят по радио.

Мир будто сошел с ума.

На улицах Данфорда стало больше брюнеток. На новых рекламных плакатах чаще встречаются не блондинки.

Мужской стиль в женской одежде стал новой модной тенденцией. Конечно, речь не идет о крайностях, красивые укладки, аккуратный макияж и туфли пока никто не отменял. А вот надеть, к примеру, платье, напоминающее очень длинную мужскую рубашку, стало модным.

Спустя еще месяц, когда началось строительство стилдороги от Илсити к нефтяным скважинам в Стилдоне, прогремела настоящая сенсация.

Теперь, когда строительством дороги к Стилдону заняты такие титаны индустрии, как «Технология будущего» и «Корпорация Д. Хэнтон», люди захотели больше узнать о прожженных солнцем южных землях и о том, какой потенциал скрыт в их недрах.

Строительством стилдороги заняты Джон Хэнтон и Майкл Гроуз, но без участия Уильяма Вэйста. Узнав о землях Лонгера поперек запланированного строительства дороги, Вэйст участвовать в предприятии отказался. Гроуз и Хэнтон видели возможность договориться с Аланом Лонгером...

Им не пришлось.

Лонгер отступил сразу, даже не удостоверившись в существовании фотографий, которые сделал для меня Генри Фриц.

Земли Алана Лонгера перешли в мою собственность.

На закате дня, в необычайно влажный и душный вечер, у дверей в модный клуб в центре Данфорда собралась толпа. Отовсюду раздаются голоса мужчин и женщин, слышен их громкий смех.

Ходят репортеры. Взрываются редкие фотовспышки.

Здесь много людей. Очень. Может, поэтому меня никто не замечает в толпе — ни репортеры, ни гости... Меня, в коротком сером платье с широкими бретельками на плечах. На шее у меня перламутровые бусы, имитирующие крупный жемчуг, в три длинные нити спускаются до самой талии. На запястьях — браслеты из тех же бусин.

Это платье и украшения из сундука прежней хозяйки дома, в котором я сейчас живу. Яркие и свободные двадцатые... Я не смогла лишиться себя удовольствия хоть раз надеть это платье.

Расплата за желание не быть как все — редкие любопытные взгляды. На фоне окружающих

выгляжу так, будто я надела очень красивую ночную сорочку.

Взглядом ищу Коллинса. Из машины такси мы вышли вместе, но прямо сейчас я почему-то без него.

На меня смотрит женщина много старше меня самой. С осторожным любопытством рассматривает мое платье. Это добрый приятный взгляд.

— Немного старомодно? — спрашиваю я незнакомку.

— Да, — призналась мне она.

Мы улыбнулись друг другу, а потом мой взгляд метнулся...

Я нашла Коллинса, или, сказать точнее, он нашел меня.

— Зачем ты пошла в другую сторону?

— Чтобы не столкнуться с репортером. Я думала, ты идешь за мной.

Моя ладонь легла на стиб руки Клайда, и вместе мы направились к дверям клуба.

Стоять среди толпы и ждать своей очереди нам совсем не пришлось. Для нас забронирован столик.

Коллинс назвал имя. Человек за высокой стойкой на входе заглянул в свой журнал и, удовлетворенно кивнув, разрешил служащему в белом смокинге проводить нас к нужному столику.

В большом зале много огней. Музыка. Люди. Над головой горят гигантские люстры — все шесть штук. С роскошными подносами в руках ходят служащие в белых смокингах.

Мужчины курят сигары. Женщины пьют шампанское.

Мы с Клайдом сели за столик где-то в центре большого зала. Осматриваюсь. Здесь все, как на снимках из газет, только цветное...

На сцене крутятся танцовщицы в открытых золотистых костюмах. У них на голове по три длинных пера розовых фламинго.

Перед сценой играет оркестр веселую музыку, под которую нестерпимо хочется танцевать.

Смотрю вверх. Заняты все балконы второго этажа.

— И все равно не верится, что тебе удалось заполучить здесь столик, — восторгаюсь я.

— Хотел тебя удивить.

— Тебе удалось, — мой взгляд стал хитрым. Губами я быстро коснулась его губ.

— Бунтарка, — улыбнулся мне Клайд.

В тот же миг перед нами появился человек в белом смокинге.

— Соблюдайте приличия, — слегка склонившись, вежливо просит он и сразу уходит.

Проходит секунда, за ней другая...

Улыбка Клайда стала шире, а я рассмеялась.

Веселая музыка остановилась. Танцовщицы в перьях фламинго уходят со сцены под громкие аплодисменты публики. А потом на сцене появилась мисс Бое.

Ведущий шоу-программы представил ее публике особенно торжественно.

— Слышала когда-нибудь, как она поет? — тихонько спросил меня Клайд.

— Только по радио.

В длинном сиреневом платье певица встала у белого рояля на сцене.

Яркий свет люстр приглушен. В зале полумрак. Только над головой певицы свет ламп стал много ярче.

Человек за роялем играет приятную спокойную музыку. Красивая мелодия завораживает, а голос певицы очаровывает всякого, кто слышит его.

Ее песня — это песня о невозможной любви капитана корабля к русалке. Песня чувственная и глубокая, как воды океана, о которых она сейчас поет.

Когда ее голос становится тонким и высоким, у меня будто останавливается дыхание. Я перестаю даже моргать.

Звучание сильное и чистое...

Голос певицы Бое — это что-то невероятное!

Музыка стихла. Певица больше не поет.

Зал громко и стоя аплодирует.

— Тебе понравилось? — спросил меня Клайд.

— Я в восторге!

На сцену снова вышли танцовщицы. Теперь в костюмах восточных красавиц они выполняют те же движения, что и прежде в костюмах фламинго. Это быстро наскучило.

— Я оставлю тебя ненадолго, — сказала я Клайду.

Я прошла меж столиков к золотистой ковровой дорожке.

По залу ходит костюмированный персонал. Человек в желтом смокинге, ведущий шоу-программы, идет и возмущается. Он требует от танцовщиц, не занятых на сцене, немедленно вернуться в гримерку.

Я удивилась, когда то же требование он бросил на ходу и мне.

Мне не пришлось ничего объяснять. Человек в желтом смокинге промчался мимо меня к сцене.

Ненадолго призадумавшись, понимаю, что дело в платье.

Я сделала всего несколько шагов и опять остановилась. Нахмурилась, когда на одном из красивых балконов второго этажа вдруг обнаружила Джона Хэнтон, а по другую сторону стола... Мелиссу Бауэр.

Стою на месте, невежливо уставившись на них.

Мелисса заметила меня. За ее взглядом проследил Хэнтон.

Я опомнилась.

Быстро опустив взгляд, спокойно иду к лестнице, хотя сердце мое рвется из груди.

Мне все равно, что я вижу их вместе. Личная жизнь Джона Хэнтон — это только его дело и меня совсем не касается. Но мне беспокойно от встречи с Мелиссой Бауэр. Впервые после ужина в доме Стоуна мы посмотрели друг другу в глаза!

Впрочем, эта встреча когда-нибудь должна была случиться. Почему бы не сегодня?

Я вошла в большую дамскую комнату, единственную на втором этаже. Встала перед зеркалом, прокрутив позолоченный вентиль крана над раковиной.

Как скоро Мелисса Бауэр появится здесь? Придет ли? Если да, то что она мне скажет?

Что скажу ей я?

Я склонилась над раковиной, охладив пылающие щеки холодной водой, сожалея, что не могу умыть лицо полностью. Мне бы это совсем не помешало сейчас...

Скрипнула дверь. Фигура в атласном бежевом платье встала перед зеркалом по левую руку от меня. Мелисса Бауэр так близко, что я могу чувствовать ее приятный сладкий парфюм.

Мне стало совсем нехорошо.

— Тебе нравится вечер? — спросила меня Мелисса. Голос у нее тихий и дружелюбный. Это страшно.

— Да, — не сразу ответила ей я. Выпрямилась, приложив сухие салфетки к влажному лицу. Украдкой смотрю, как женщина неторопливо поправляет перед зеркалом неброский макияж.

— Необычный выбор, — с улыбкой сказала она о моем платье. — Мисс Бое просила выразить тебе ее комплимент. Точнее сказать, она просила об этом Джона, но я встретилась с тобой первой. Надеюсь, ты не возражаешь.

Певица Бое?

— Бое великолепна, — опять заговорила Мелисса. — Исключительный голос!

— К чему эти разговоры? — очень тихо спрашиваю ее я.

— Что? — женщина будто бы меня не расслышала.

Обратив на нее прямой взгляд, уже громче говорю:

— Зачем ты собрала всех нас здесь?

Женщина больше не смотрит в зеркало. Взгляд янтарных глаз обращен ко мне.

— Ведь это очевидно, — без претензии в голосе продолжаю я. — В этот клуб сложно попасть. Для нас с Клайдом все организовала ты. Зачем?

— По-твоему, я строю тебе козни? — что-то обнаружив в моем лице, женщина кольнула надменным взглядом. — Не льсти себе. Ты не стоишь моего времени и сил.

— Мне очень хочется верить, что это действительно так.

Смотрим друг на друга. Долго.

В воздухе чувствуется неприятное напряжение...

— Не ищи врагов там, где их нет, Анна Лоуренс. Главный злодей этой драмы жизни — ты.

Мелисса положила помаду в маленькую сумочку в своих руках. Неторопливо идет к двери. А когда в уборной осталась я одна, я взглянула на свое отражение в небольшом квадратном зеркале над раковиной, впервые оценив себя в новом качестве.

Было о чем задуматься...

Я заторопилась из дамской комнаты.

— Мелисса! — позвала ее я, когда та уже была у лестницы. Как статуя греческой богини, фантастически красивая женщина с ровной гордой осанкой смотрит на меня. — Я сожалею обо всем. Джон, он...

«Он твой», — это я пытаюсь сказать? Почему тогда не могу этого сделать?

Трудно?

Женщина все поняла без слов. Мелисса подступила ко мне ближе и спокойным ровным голосом проговорила:

— Было бы глупо совершить одну и ту же ошибку дважды, не находишь?

Я нахмурилась, но только слегка.

— Я никогда ни в чем тебя не винила, разве что ненавидела сам факт твоего существования, — сказала мне она. — Впрочем, как и многих других до тебя... Я всегда знала, какой Джон. Ты тоже знаешь, какой он. После того, что случилось, к Хэнтону я не вернусь никогда. Теперь он только твоя проблема.

Смотрим друг на друга. Мелисса подступила еще ближе.

— А он стал для тебя проблемой, — констатирует она.

Оставив за собой последнее слово, женщина вернулась к лестнице, а я смотрю ей вслед.

Эта встреча не прошла для меня очень хорошо или совсем плохо.

Я не чувствую за собой победы или поражения.

Я смотрю вслед женщине, которую так долго боялась, и вдруг понимаю...

В любви нет чувства такта. В любви нет деликатности. Любовь — это поле боя.

Мелисса Бауэр. Джон Хэнтон. Анна Лоуренс.

Так вышло, что в этой битве проиграли все.

Осознав всю бесперспективность продолжения войны, поле сражений Мелисса покинула первой. Когда уйти захотела и я тоже... для меня началась новая война.

— Останься... — сквозь поцелуй шепчу я и тихонько тяну Коллинса в дом. При схожести желаний, Клайд остается большим реалистом, чем я.

— Этот парень будет не согласен.

Генри Фриц больше не прячется в своей машине где-нибудь за высокой изгородью, не наблюдает из бинокля.

Машина Фрица совсем рядом с домом. В моем дворе. У моего крыльца.

Он даже читает мою газету по утрам, пока я сплю. А сейчас Генри демонстративно поднялся из автомобиля. Этот наглец даже закурил.

Я хорошо отношусь к Генри. Но в такие моменты, как сейчас... глаза бы мои его не видели.

— Доброй ночи, Анна, — сказал мне Клайд. Поцеловал в висок и с очевидным недовольством вернулся к машине такси.

Видеться с Клайдом удается нечасто, а когда это происходит, любая встреча с ним кажется бесконечно короткой. Модный клуб попрощался со своими гостями к часу ночи. Машина такси слишком быстро домчала нас сюда...

С тоской смотрю вслед машине такси, а Фриц не сводит с меня глаз. Когда на него посмотрела и я тоже, Генри, не желая состязаться со мной в «гляделки», затушил сигарету ногой и сразу опустил в салон автомобиля.

Я вошла в дом, тихонько закрыв за собой входную дверь. Поднимаюсь по лестнице на свой маленький уютный чердак, на ходу сняв с себя браслет и бусы.

Уже в комнате сменила шелк серого платья на ночную сорочку. Взглянула на себя в зеркало и в тот же самый миг внизу послышался стук в дверь. Я замерла. Прислушиваюсь.

Мне не показалось. Постучались снова.

Накинув на себя тонкий халат, я спустилась вниз. Открыла дверь и увидела на пороге своего дома Джона Хэнтон. Этот мужчина впервые появился здесь.

Это неожиданно. Я удивлена.

— Хочу выпить с тобой, — сказал он.

— Джон, уже ночь, — без гнева возразила я. — Ты всерьез считаешь, что это уместно сейчас?

— Да, я так считаю.

С недоумением смотрю на него, а он смотрит на меня.

— Ты не хочешь предложить мне войти? — когда молчание совсем затянулось, спросил он.

— Только недолго.

Уголок его губ высоко взметнулся вверх, и мужчина переступил порог моего дома. Неторопливо идет в гостиную. Осматривается.

— Твоя увлеченность двадцатыми — это серьезно или временный порыв?

— Не знаю. Пока нравится.

Ставлю на стол бутылку с хорошим виски и два бокала для крепких напитков. Сажусь в кресло и спокойно наблюдаю, как высокая фигура в белой рубашке, опустившись в широкое кресло по другую сторону стола, разливает в бокалы золотистый напиток. Один из бокалов Джон протянул мне.

Поднесла виски к губам. Напиток приятно обжег мне горло.

— Ты напомнила мне девчонку, что вынудила когда-то купить для нее кофе, — сказал он, и уголок рта на моем лице мгновенно взметнулся вверх.

— Мне не хватает ее, — добавил Джон. — Не знаешь, куда она делась?

Хэнтон вспомнил нашу первую встречу в Данфорде, и живые воспоминания стремительно вырвались из глубин моего сознания. Увы, этот день остался в прошлом.

— Выросла, — с грустью в голосе отозвалась я.

Джон не поменялся в лице.

Смотрим друг на друга. Долго. А потом взгляд Джона медленно-медленно опустился к моим рукам.

— Ты не носишь браслет из-за Коллинса?

С некоторой тоской я посмотрела на свое запястье. У меня приоткрылись губы, но я ничего не говорю в ответ.

— Раньше ты носила его всегда, — заметил Джон.

— Браслет у меня украли, — смотрю на мужчину, а он смотрит на меня. — Это сделал бродяга в Стилдоне.

Хэнтон нахмурился. Вижу, как сомкнулась челюсть на серьезном лице, а в глазах сверкнула сталь. Он определенно что-то хотел сказать по этому поводу. У него было, что сказать...

— Ты не против, если я закурю? — вынув из кармана брюк портсигар, сказал Джон. Это был риторический вопрос. Мужчина взял сигарету и поднес ее к губам.

— Ты куришь сигареты? — всерьез удивилась я тому, что вижу в его руках не толстую сигару.

Джон коротко улыбнулся мне. Улыбка получилась мрачной.

Смотрит на меня. Думает о чем-то.

— Зачем ты пришел? — мягко спрашиваю его я.

— Я хотел увидеть тебя. Сесть в кресло. Закурить... Поговорить с тобой.

— О чем?

— О чем угодно.

Осмысливаю услышанное.

— Я здесь ненадолго, — обещает Хэнтон. — На это время давай забудем обо всех разногласиях между нами и просто поговорим о чем-нибудь, как раньше.

Я смотрю на мужчину, а он смотрит на меня. Я бесконечно устала и хочу спать, и все равно говорю:

— Ладно.

Дела по строительству дороги в Стилдон заставили Хэнтон отправиться в Илсити на пару дней, а на прощание он оставил у моего дома подарок — красный кабриолет «Фойра».

— Боже мой, — хожу я вокруг элегантного автомобиля.

Когда ее привезли?

На светлых кожаных сидениях, в точности повторяющих светлый тон резины колес, письмо.

«Взамен той, что осталась в Стилдоне. Наслаждайся, дорогая». В конце короткого письма стоит подпись Хэнтон.

Опять смотрю на машину.

Эта красавица есть на страницах любого популярного журнала, позиционируется как эталон роскоши. С широким кузовом и далеко вытянутым капотом, «Фойра» способна развивать необыкновенную скорость. Цена ее тоже необыкновенна, поэтому обладателем «Фойры» способен стать только до безобразия богатый человек.

Мне безумно нравится эта машина. Я хочу сесть за руль. Я хочу повернуть ключ в замке зажигания и выжать педаль газа...

Но разве я могу принимать подарки от Хэнтонна?

После недолгих раздумий я решила оставить невероятную красавицу там, где она стоит. Я приняла решение не трогать ее, оттого мне стало грустно.

Хэнтон должен забрать машину.

Так будет правильно.

Я решительным шагом поднялась по лестнице, открыла дверь, вошла в дом, а потом... так же решительно вернулась обратно.

Кожаные сидения, сияние полироли и блеск хромированной стали. Машина изумительна! Боже мой, у меня в жизни такой не было, ни в этой, ни в прошлой.

Я села в салон.

В конце концов, сидеть в машине не значит принять ее.

Мои пальцы сами собой сжимаются на рулевом колесе, а нога сама тянется к педали газа. Рука чувствует сталь рычага переключения скоростей...

Я представила, как несусь по трассе, выжимая всех лошадей, припрятанных под капотом железной красавицы. Боже, как мне нравится эта машина!

— В расплату за искалеченную личную жизнь, — немного обдумав, заключила я. Гордое внутреннее «я» падает в обморок. Демон ликует.

Дергаю рычаг, жму на газ, и красная «Фойра» несется к трассам, оставив позади туман дорожной пыли. Впереди утренние извилистые дороги пригорода... Здесь я могу опробовать только половину мощности автомобиля. Пойти на большее не хватает храбрости, а когда на моем пути стали вырастать редкие дома — рискнуть на большее не хватило уже наглости.

Я пошла на компромисс со своим внутренним демоном. Завтра мой день свободен, и я с легкостью могу посвятить его безумию на дорогах межгородских трасс. А сейчас меня ждет Арчи Томпсон.

Теперь, когда план работ в Стилдоне увеличен во много раз, вся работа этого человека полностью сосредоточена на «Лоуренс нефть». Арчи Томпсон стал чаще бывать в своем кабинете в маленькой конторе на востоке Данфорда, а рабочий процесс в Стилдоне контролирует теперь нанятый для этого человек.

В конторе Арчи Томпсона непривычное оживление. Штат работников увеличен в несколько раз, появился секретарь.

Ждут приема сразу несколько кандидатов на должность управляющего.

Тихонько постучав в дверь, я вошла в кабинет мистера Томпсона. Этот кабинет изменился. В нем помножились коробки для бумаг с надписью «Лоуренс нефть» и «Стилдон». На стенах растянуты карты. На рабочем столе толстые журналы. На полу у рабочего стола аккуратно сложены образцы руды.

— Этот кабинет становится мал, — заметила я.

— В скором времени планирую переезд. Хотите чай?

— Нет, я бы предпочла перейти сразу к делу, — сажусь на предложенный мне стул и сцепляю пальцы в замок. По другую сторону стола сел Томпсон. — Я планирую заниматься переработкой нефти. Быть может, помните завод в Стилдоне, в милях десяти от скважин?

— Знаю. И вы хотите...

— Чтобы обслуживанием всех объектов «Лоуренс нефть» занимался один человек, — выдержав многозначительную паузу, продолжаю: — Вы.

— Мисс Лоуренс, я буровик и ничего не смыслю в переработке.

— А я предлагаю вам освоить новое ремесло.

— Это очень странное предложение, ведь есть профильные компании.

— И все они работают на моего конкурента.

— И кто ваш конкурент?

— Истинный владелец всех нефтянок севера.

Томпсон откинулся на спинку кресла.

— Понимаю, — сказал он.

— Вопросом переработки займусь не раньше, чем через год. У вас достаточно времени обдумать мое предложение.

— Я понял вас, мисс Лоуренс. Я все обдумую.

— Тогда не стану больше отнимать ваше время, — сказала я. Поднимаюсь со стула.

— Всем бы так вести дела, как это делаете вы, и я бы успевал делать больше, — сказал Томпсон, поднявшись с кресла вслед за мной.

Я вдруг вспомнила нашу смету, составленную карандашом на страницах рабочего журнала. Мы составили ее, прогуливаясь по площадке в Стилдоне в течение получаса.

Прежде чем уйти, говорю:

— «Лоуренс нефть» способна обеспечить вас работой, не привлекая новых заказчиков. Вы сможете работать только на меня, — уголок моего рта уверенно взметнулся вверх. — Но вы и сами это понимаете, ведь так?

— Да.

Убедившись, что Томпсон понимает предложенные ему перспективы, я вышла из кабинета.

На улице тепло и хорошо. Светит солнце.

Я направлялась в кафе на другой стороне улицы, когда рядом со своей новой машиной обнаружила синий седан Генри. Мужчина вышел из автомобиля и улыбнулся мне.

— Отличная машина, и вправду сможет состязаться в скорости со стилпоездом, как говорят? — спросил Генри и хлопнул ладонью по складной крыше моего кабриолета.

— Пока не знаю, — говорю я. — Любопытно было взглянуть поближе?

— Конечно! А еще я хотел предостеречь.

— От чего?

— Не гоните слишком быстро, ладно?

— Об этом просил Хэнтон?

— Нет. Это я беспокоюсь о вас, — дружелюбно признался Фриц.

На той же улице, недалеко от конторы Томпсона, в кафе «Лучина» меня ждет Ева.

— Как ты можешь с ним разговаривать? — недобро смотрит она на машину Фрица.

— Он просто выполняет свою работу.

— Твоя свобода ограничена его заслугами.

— По решению Хэнтон, — вступилась я за Генри.

Ева фыркнула.

Кажется, Генри ей совсем не нравится.

Глава 14

В это утро меня опять разбудил страшный грохот велосипеда нового разносчика газеты, и это в шесть утра! Чтобы доставить мне газету, парню приходится преодолевать серьезные расстояния на старом велосипеде по плохим дорогам. Это требует много времени и сил. Понимаю это и на бедолагу злиться совсем не могу.

«Надо подарить ему новый велосипед», — подумала я, опять прикрыв глаза.

Полежала в кровати еще какое-то время и с досадой поняла, что спать я больше не могу.

Я приняла душ. Оделась. А потом спустилась в кухню.

Налила себе кофе. Ем пряник. Смотрю в окно.

Я с удовольствием почитала бы утреннюю газету, а вместо этого наблюдаю, как Генри Фриц, удобно развалившись в плетеном кресле у меня на веранде, погрузился в свежий выпуск «Данфорд сегодня».

Я отложила кружку с недопитым кофе. Взяла ключи от машины и вышла на улицу.

— Доброе утро, Генри! — бодро поздоровалась я. Спускаюсь по коротким ступенькам своего крыльца. Иду к машине.

— Доброе утро, — отложив газету, сказал Фриц. — Вы направляетесь куда-то?

— Да, Генри. И чтобы узнать, куда именно я еду... — с таинственной улыбкой на губах говорю я, опустившись в светлый салон «Фойры». Несколько раз выжала на месте газ. Ревет мотор, — тебе придется очень постараться.

На лице Генри больше нет покоя.

— Это плохая идея, — на пути к своей машине предостерег он. Торопливо садится в салон синего седана.

— Как считаешь, мне действительно удастся поравняться в скорости со стилпоездом, как заявляют в рекламе? — спрашиваю я Генри, приоткрыв окно в машине. — Сказать честно, не слишком верю этим ребятам.

Фриц смотрит тревожно.

— Мисс Лоуренс, не делайте этого...

В ту же секунду я отпустила сцепление и выжала газ. «Фойра» рванула вперед.

Межгородская трасса с Илсити не так пуста, как я ждала, но это совсем не помешало промчаться меж случайных машин и скрыться от Генри Фрица в лабиринтах дорог фермерских угодий. Было даже неинтересно. Фриц слишком быстро потерял меня.

Поблуждав немного, «Фойра» свернула с грунтовой дороги и вернулась на асфальт.

Машина несется быстро. Рокот двигателя под капотом автомобиля много приятнее любого звука, что доносится из радио.

«Фойра» послушна. Легко управляема. Она великолепна!

Пилотировать такую машину — одно удовольствие.

Но радость удовольствия продлилась недолго. Когда я промчалась мимо придорожного кафе на пути к Илсити, завывла полицейская сирена.

— Проклятие... — тихо выругалась я и вырулила к обочине. Черная полицейская машина остановилась сразу за «Фойрой».

В зеркале заднего вида вижу, как из темной машины вышел крупный представительный мужчина. Идет сюда.

Я остаюсь в автомобиле, целиком опустив окно.

— Доброе утро, мисс, — к окну склонился полицейский. Маленькими глазками осматривает салон машины и только потом смотрит на меня.

— Здравствуйте, офицер, — протягиваю ему разрешение на управление машиной.

— Вы ехали слишком быстро, — с дружелюбной улыбкой сказал он, даже не взглянув на протянутые мной документы.

— Да, — согласилась я. — Сожалею.

Смотрю на мужчину, он смотрит на меня.

— Езжайте медленнее, мисс Лоуренс. Доброго пути, — сказал он, так и не взглянув на документы в моих руках.

Этот человек обратился ко мне по фамилии. А теперь он просто уходит.

Сказать, что я удивлена сейчас... ничего не сказать.

Полицейский вернулся в машину. Черный автомобиль развернулся и движется в обратном направлении.

Я глупо уставилась на документы в своих руках, а потом бросила их обратно в сумку.

Еду по направлению к Илсити, не превышая скоростной режим.

Совсем скоро на пути показался дорожный знак — через несколько километров будет заправка. Я взглянула на круглую приборную панель. Уровень топлива очень низок.

Я вырулила к придорожному магазинчику недалеко от заправки, сразу обнаружив большой сияющий на солнце «Прайд», в точности как у Хэнтон. Я остановилась, вышла из машины и увидела самого Хэнтон. Твердой уверенной походкой мужчина направляется ко мне.

— На моем пути в Данфорд «Фойра» мчалась навстречу как ураган, — с претензией в голосе сказал мне Джон.

— Как ты обошел меня? — всерьез удивилась я.

— Тебя остановил полицейский.

— Не захотел мне помочь?

— А тебе нужна была помощь?

Я улыбнулась. Улыбка получилась неуклюжей.

Хэнтон ждал меня здесь...

Поразмыслив лучше, понимаю, что это единственная заправка на километры дорог. Вполне ожидаемо, что я сверну именно сюда.

Джон обходит по кругу «Фойру». Смотрит на нее.

— Она нравится тебе?

— Машина великолепна, — честно призналась я. — Спасибо.

Мужчина поднял на меня глаза и вдруг объявил:

— В субботу летим в Стилдон.

— Ты и я? — в недоумении спрашиваю я.

— Вэйст. Гроуз. Они тоже будут в Стилдоне.

Я не злюсь и не радуюсь.

Я не понимаю...

— А что будет в Стилдоне?

Самолет Хэнтон приземлился на старом военном аэродроме Стилдона около полудня. Солнце высоко в небе, его лучи опаляют мне лицо.

В такую жару воздух будто раскален.

Рядом с самолетом Хэнтон частный самолет с большой синей надписью «Кэролайн Вэйст» — белое, обтекаемой формы воздушное судно с длинными крыльями. Этот самолет принадлежит супруге Уильяма Вэйста.

Спустившись по трапу, впереди вижу красный кабриолет «Фойра» и бронзовый «Шальдо» Хэнтон. Автомобили стоят бок о бок как по линейке.

Шагаю за Джоном по раскаленной солнцем желтой долине.

С удовольствием провожу пальцами по горячей хромированной стали красного кабриолета. Опускаюсь в светлый салон.

Машину три дня гнали в Стилдон. Я скучала.

Провернула ключ в замке зажигания — раздался рокот мотора, рука легла на рычаг, а ноги сами нашли свое место среди педалей.

Машина резво помчалась вслед за «Шальдо» на запад, в то время как стилдорога Хэнтон и Гроуза и «Лоуренс нефть» остались далеко на востоке...

Еще несколько дней назад, когда Хэнтон рассказал мне, что именно будет происходить в Стилдоне, я не поверила собственным ушам. Чтобы поверить, нужно увидеть. Поэтому я здесь.

Замерцали солнечные блики. По мере приближения отчетливо становятся видны контуры припаркованных в ряд дорогих автомобилей.

Расставлены зеленые палатки. Ходят люди.

Хэнтон сбавил скорость и припарковал «Шальдо» рядом с темно-зеленой «Колибри». «Фойру» ставлю рядом с «Шальдо».

Я вышла из машины и коротко взглянула на шестерку полированных до блеска новых машин. Красная «Фойра» во главе ряда, после нее машина Хэнтон, темно-зеленый «Колибри», синий и дерзкий на вид «Ванклауд», бордовый «Орикс», розовый кабриолет.

Нам навстречу идут мистер Вэйст и Майкл Гроуз. Вэйст приветствует Хэнтон крепким рукопожатием, а Майкл обнял меня за плечи.

Неожиданно.

Смотрю на Гроуза, улыбаюсь ему.

— Надо же, а мне так можно? — парень с уверенным и дерзким взглядом представился как Джеймс. Очень молод.

Под тенью тентового навеса две женщины.

— Зови меня Кэролайн, — со сдержанной улыбкой сказала мне дама в летнем синем костюме выходного дня. Брюнетка.

— Меня зовут Анна. Ваш самолет великолепен, Кэролайн, — восхитилась я.

— Подарок Уильяма. Он может быть романтиком, когда хочет, — сказала миссис Вэйст. Изящным жестом руки показала на девушку рядом с собой. — А эта юная леди — моя сестра, Марго.

Можно было предположить, что Марго — дочь Кэролайн, ведь между сестрами пропасть по меньшей мере в двадцать лет. Девушка откинула назад длинные золотые волосы, ее улыбка напомнила хитрую кошачью.

— Здравствуйте, Анна, — сказала она тонким приятным голосом.

Я кивнула.

Под открытым небом на белых скатертях напитки, закуски, фрукты. В одной из палаток прислуга разливает шампанское в бокалы. Вместо привычных смокингов или формы на них одинаковые светлые рубашки с закатанными по локоть рукавами.

— Правила просты, — объявил Майкл, когда супруги Вэйст, Джеймс, Марго, Хэнтон и я собрались вокруг короткого стола. — Дистанция в километр по прямой, разворот на топкинге и на базу.

— Топкинг — это красный флаг в конце прямой, — шепнул мне Джон.

— Победитель — тот, кто вернется раньше своего оппонента. Ставки предлагаю оставить прежними. Пятьдесят тысяч. Кто за?

— Пятьдесят тысяч — разумная сумма, Майкл. Поддерживаю, — согласился мистер Вэйст.

— Согласен, — поддержал размер ставки Джон.

Джеймс просто кивнул.

— Что насчет пробного старта? — спрашиваю я, и на лицах мужчин растянулись вежливые улыбки.

— Выходишь на старт — делаешь ставку. Никаких исключений, — сказал мне Джон.

— Все результаты здесь, — Майкл показал на блокнот, где карандашом была расчерчена таблица с именами.

Гроуз жестом позвал прислугу с готовым подносом разлитого по бокалам шампанского. Свой бокал я взяла последней.

— Есть еще правило, — тихонько напомнила Кэролайн.

— Ах да, — спохватился Майкл. Смотрит на меня. Улыбается мне. — Сегодня никто не говорит о работе. Итак, дамы и господа...

— За Стилдон! — к огромному неудовольствию Майкла, первым объявил Джеймс и поднял бокал раньше Гроуза.

Вся пятерка повторила жест.

Я тихонько спросила у Майкла, а разумно ли пить сейчас шампанское? Гроуз понял мои тревоги и объяснил мне, что бокал игристого вина при встрече — это уже традиция. Но ею никто не собирается злоупотреблять. Тот, кто делает ставку, шампанское больше не пьет.

Золотая бронза «Шальдо» скоро поравнялась с темно-зеленым «Колибри» Уильяма Вэйста.

— Готов, Хэнтон? — с вызовом бросил Вэйст через открытое окно «Колибри».

— Всегда.

Майкл взял зонтик от солнца миссис Вэйст и, распахнув розовые кружева над головой, вышел к линии старта, чем вызвал у наблюдателей тихий смех. Мужчина вытянул руку, направив дуло пистолета в небо.

Я вздрогнула, когда Майкл выстрелил.

Кэролайн поднесла к лицу золотистый бинокль. Наблюдает за гонкой.

Вслед за женщиной и я прикладываю к лицу горячий золотистый металл — бинокль с длинной ножкой, в точности как театральный.

С этого ракурса все очень хорошо видно. Даже желтое облако из-под колес машин не мешает ориентироваться в фаворитах гонки: Хэнтон впереди, а Вэйст не отстает.

— Мы следующие, — сказала Марго.

Я опустила бинокль. Смотрю на девушку с красивыми голубыми глазами. Как и в улыбке, в этих глазах есть хитрость. — Вы не возражаете?

Я не готова выйти на старт, но все равно говорю:

— Конечно.

Возвращаю бинокль к лицу и наблюдаю, как Хэнтон держит первенство большую часть пути. Вэйст мчится следом, медленно, но верно сокращая с оппонентом дистанцию.

Кажется, что машины финишируют вместе, но победитель все же Вэйст. Позади длинный тормозной путь и настоящий вихрь дорожной пыли.

— Мой дорогой, ты, как всегда, великолепен, — объявила Кэролайн.

Двигатели заглохли. От сверкающих на солнце капотов поднимается жар, а под ними слышны неравномерные потрескивания остывающего металла.

Мужчины жмут друг другу руки. На лицах влага, оба все еще в драйве.

— Отличный старт, — сказал Джон. Его ослепительно белая рубашка взмокла.

Когда настала наша с Марго очередь, ко мне подошел Хэнтон и строго предупредил:

— Не пытайся победить в первом заезде и... будь осторожна на топкинге.

Я кивнула.

На пути к «Фойре» со мной поравнялась Марго, у девушки очень уверенный вид. Когда она плавно опускалась в салон розового кабриолета, под ветрами Стилдона ее сиреневая юбка кокетливо взметнулась вверх, оголив бедра. Она нисколько не смутилась. Она посмотрела на Джона и... улыбнулась ему.

Я потрясена!

— Не стоит ее недооценивать, — советует Джеймс.

Мой взгляд метнулся. Губы приоткрылись, чтобы сказать что-то в ответ, но я не издала ни звука.

— О, Джеймс, прекрати, — вмешалась миссис Вэйст. Теперь женщина смотрит на меня, уверенно обьявив:

— Марго неинтересен Джон. Чертята дразнят тебя.

— Вы погубили отличную шутку, миссис Вэйст, — разочарованно бросил Джеймс.

— Ты очень плохо видишь разницу между шуткой и провокацией, дорогой.

Розовый кабриолет Марго уже на старте. С ним поравнялась «Фойра».

Взревели моторы.

Майкл вышел с тем же кружевным зонтиком над головой и поднял руку вверх.

Ладони взмокли. Я нервничаю.

За стартом наблюдают все, но на лицах Хэнтона и мистера Вэйста особая заинтересованность.

Когда раздался выстрел, розовый кабриолет сразу оставил «Фойру» позади.

На грунтовой дороге руль под пальцами сильно вибрирует, и машину часто кидает вбок. Испытать всю мощность двигателя в таких условиях кажется совершенным безумием!

Кажется, к топкингу я приближаюсь слишком долго.

Пока я пытаюсь совладать с машиной, впереди замерцали блики хромированной стали — навстречу летит кабриолет Марго. Она пересекла топкинг и мчится к финишу.

Не могу в это поверить!

Сбрасываю скорость, выжимаю педали и резко выворачиваю руль в расчете вывести машину в слабый управляемый занос. На деле вышла ерунда какая-то. Я рассчитывала сэкономить время на топкинге, а в итоге остановилась на нем. Машина издает приглушенный рык, а я усилено стараюсь понять, что же сделала не так.

Управляемый занос — навык не одного часа и даже дня. Несколько лет назад мне повезло обучиться этому фокусу. Я способна повторить это, пусть не совершенно, но сносно точно могу...

Так что же не так пошло сейчас?

С нужной быстротой реакции образно повторяю всю последовательность движений рук и ног.

Хм...

Возвращаюсь.

— Я думал, нет хуже старта, чем первая гонка Марго, — с усмешкой сказал парень, когда я вышла из машины.

— Джеймс, — недовольно сказал Хэнтон, и тот беспрекословно отступил.

Теперь Джон смотрит на меня.

— Что случилось?

— Ты просил меня обойтись без подвигов на первом старте. Я так и сделала.

Джеймс объявил пари. Припомнив победу Марго только на тринадцатом старте, парень поставил триста тысяч на мою первую победу в семнадцатой по счету гонке. Майкл возразил, предложив пари в формате одного дня, ибо за сегодня мне не стартовать больше десяти раз.

— Ты совсем в меня не веришь? — усмехнулась я, когда Джеймс поставил на нулевые шансы.

— Первое впечатление самое верное, — уверенно заявил он.

Моя бровь изумленно изогнулась, когда выводы Джеймса поддержали Майкл и мистер Вэйст. Сделал ставку и Хэнтон — десятая гонка.

Кэролайн поставила на девятую, за что получила неодобрительный взгляд от мужа.

День продолжается.

Стартовал синий «Ванклард» Джеймса против темно-зеленого «Колибри» мистера Вэйста. Победа досталась Джеймсу; возгордившийся, тот сразу вызвал на старт Хэнтон, проиграв ему с огромным разрывом в дистанции.

В гонке с Майклом я попробовала уйти в управляемый занос уже на высоких оборотах, но реакция оказалась недостаточно быстрой — меня сразу закрутило вокруг оси.

— Проклятие! — раздосадованная новой неудачей, выругалась я.

Возвращаюсь к финишу без надежды на победу.

— Что ты там творила? — потребовал Майкл, когда я вышла из машины. Смотрит с тревожным любопытством.

— Пыталась тебя опередить. Не получилось.

— Я думал, что должен вернуться за тобой...

— Спасибо, что беспокоишься, — улыбнулась я Майклу.

Проигрываю гонку с Хэнтон. Проигрываю гонку с мистером Вэйстом и снова с Марго. Но в поражениях есть толк! Я лучше чувствую машину и понимаю ее управление. С каждым разом расстояние, что разделяет меня с оппонентами по результатам финишных прямых, становится короче.

На старте поравнялись синий «Ванклард» и красная «Фойра».

У Джеймса дерзкий взгляд. У меня... немножко злой.

Джеймс и Марго. Эти двое вместе. Они пара. Это стало ясно почти сразу.

Но вот что мне совсем непонятно — отчего эти двое весь день подшучивают надо мной?

Миссис Вэйст права... Чертята!

Объявить старт вышел Хэнтон. Мужчина суров и тверд как скалистая гора.

«Ему идет оружие, — вдруг подумала я. — А еще к лицу белая рубашка, тяжелый взгляд и брутальная внешность в целом».

Внутреннее «я» падает в обморок, а пальцы до белизны костяшек сжимают рычаг переключения скоростей.

Джон уверенно поднял дуло пистолета в небо. Раздался выстрел.

Стрелка спидометра быстро приблизилась к высокой скоростной отметке и ползет дальше. В мыслях все схвачено: ни сомнений, ни тревог, ни страха. Быстро достигнув топкинга, сбрасываю сцепление, жму на тормоз и выворачиваю руль. Когда автомобиль достиг нужного разворота, выжимаю газ, на ходу успешно скорректировав траекторию движения.

Маневр не безупречен, но удался!

Сохранив за собой лидерство, как дьявол несусь вперед.

Я в восторге!

Я увлеклась...

Далеко миновав линию финиша, останавливаюсь в условиях экстренного торможения, едва не столкнувшись с «Шальдо» Джона.

У меня чуть сердце не остановилось. Машина Хэнтон совсем близко.

Двигатель издает приглушенный рык. От капота поднимается жар.

Я вышла из автомобиля. Джон смотрит с упреком. На меня с упреком смотрит даже мистер Вэйст.

— Ты молодец, — с надломленной улыбкой сказал мне Гроуз. Смотрит на незначительное расстояние между «Фойрой» и «Шальдо». — Но в другой раз тормози немного раньше.

— Bravo, мисс Лоуренс, — с улыбкой аплодирует мне Джеймс. — К победе вы пришли на шестом старте. Вам удалось нас удивить!

Даже похвала от этого парня слышится как насмешка... Добрая, и все же насмешка.

Солнце ушло в закат. В небе появляются первые звезды.

Борт «Кэролайн Вэйст» отправляется в Илсити, а мы с Джоном возвращаемся в Данфорд.

В широких удобных креслах я и Хэнтон сидим друг напротив друга.

— Этот день невероятен, — сказала я, сразу осушив предложенный миссис Кетч стакан воды. — Я полагала, что такие люди, как вы, собираются в каких-нибудь закрытых клубах, играют в покер... На скачках делают ставки, в конце концов. Я не думала, что...

— Нам по вкусу такой спорт?

— Я не думала, что вы способны на такой спорт.

Джон улыбнулся.

— Вэйста это развлечение начинает тяготить. Скоро он будет сидеть за круглым столом и делать ставки в покер, — размышляет он. — Думаю, за игрой в покер я составлю Вэйсту компанию.

Самолет взял быстрый разгон и плавно оторвался от земли. Поднимается в небо, стремительно набирая высоту.

Я взглянула на свой счет. Кому и сколько я должна, обозначено карандашом на вырванном из записной книжки Майкла листе.

В общей сложности я должна четыреста тысяч.

Небольшая сумма...

В один из приятных теплых вечеров мы с Коллинсом гуляли по многолюдным улицам Данфорда. Я долго сомневалась, стоит ли говорить ему о подарке Хэнтон. Когда Клайд на вид спокойно отнесся к рассказу о встрече в Стилдоне и моих впечатлениях от гонок, посчитала, что нестрашно рассказать детали появления в моей жизни «Фойры».

Мужчина по-прежнему остался на вид спокойным, но, заглянув ему в глаза, поняла, что это совсем не так.

— Ты приняла подарок Хэнтон. Почему ты это сделала?

— Дело в машине. Она мне была так нужна, что я выдумала причину, по которой могла бы ее оставить себе... — у меня сердце рвется из груди. Я чувствую вину. Впервые за все время я ощущаю, как горю от сожаления от того, что сделала. — Я так неправда... В Стилдон тоже не нужно было ехать.

— Но ты выдумала причину, по которой могла бы это сделать.

Возникла долгая тяжелая тишина. То, как он на меня смотрит сейчас...

— Клайд... — выдохнула я, обеими ладонями обхватив его лицо. — Не говори о том, о чем придется пожалеть. Не делай сейчас никаких выводов. Только не сейчас!

Мужчина провел ладонью мне по щеке.

Смотрит на меня, а я смотрю на него.

— Разберись, чего ты хочешь, — сказал он мне и отступил...

Глава 15

В июле 1958 года новое стилполотно узкой нитью прорезало прожженную солнцем долину Стилдона к нефтяным скважинам «Лоуренс нефть».

Стилдон уже месяц не сходит с первых страниц ведущей деловой прессы.

Арчи Томпсон сделал «Лоуренс нефть» сенсацией!

Двадцать восемь оборудованных скважин и обслуживающие объекты с налаженным сообщением — грандиозное зрелище, если смотреть с высоты водонапорной башни.

«Лоуренс нефть» способна снабдить нефтью весь юг», — сказала я в одном из интервью, когда говорила о намерении пустить в эксплуатацию еще шесть скважин в новом месяце. После этого интервью «Технология будущего», претендуя на статус главного перевозчика и партнера, разработала для «Лоуренс нефть» новейший стилпоезд, способный перевозить большой вес груза со скоростью пассажирского состава.

«Это не предел! — объявил репортерам Майкл Гроуз. — Стиल्पоезд «Титан» превзойдет в мощности любой существующий в мире стилпоезд. У машины двадцать восемь двигателей!».

Когда пресса объявила, что нефть на земле Анны Лоуренс была обнаружена случайно, информация обрела эффект взорвавшейся бомбы. Сразу возникло мнение, что все земли Стилдона богаты нефтью. Любой участок. В любом месте в раскаленной солнцем долине.

Обычно пустующий четвертый этаж Земельного комитета, отвечающий за земли Стилдона, вдруг погряз в работе. Даже их коллеги снизу не помнили подобного ажиотажа на собственных этажах, ведь живая цепочка к земельному инспектору юга тянулась с улицы: молодые энтузиасты, юристы, агенты недвижимости и обычные горожане — куски Стилдона вдруг понадобились всем.

Вскоре на страницах газет появились супруги Лоуренс.

Бенджамин внешне строг. Он аккуратен в том, что говорит репортерам. Сдержан и осторожен. С Джиной Лоуренс все по-другому. Джина чаще мужа появляется на страницах бульварных изданий и с удовольствием раздает интервью. На всех фотографиях она демонстрирует счастливую улыбку, отличный стиль и безупречный макияж. Она чувствует себя настоящей звездой. К слову, в жизни такой я ее не видела еще ни разу прежде.

Джина Лоуренс говорит с репортерами много, и большая часть ее слов — ложь. Я не могу судить о том, что было до моего появления в ее жизни, но я очень хорошо помню, что было после, — Джина никогда меня ни в чем не поддерживала, а теперь мой успех ставит себе в заслуги. Меня это ужасно злит, а представители прессы, припомнив ее позицию в суде, справедливо поставили под сомнение правдивость сказанных ею слов. Когда под прицелом фотообъектива мне задали вопрос прямо, я, ни о чем не раздумывая, подтвердила каждое ее слово.

Пусть я не чувствую к Джине Лоуренс и капли из того, что должна чувствовать к матери дочь, я буду уважать эту женщину, несмотря ни на что. Анна хотела бы этого. Этого хотела бы от Анны и я.

С тех пор Джина посылает мне бесконечные приглашения на домашний ужин или на чай к ее подругам...

Приглашения посыпались не только от супругов Лоуренс и их ближайших друзей — впервые меня официально стали приглашать на громкие мероприятия и торжественные вечера.

Кода где-то звучит фамилия Лоуренс, людям больше не представляется любовница Джона Хэнтон. Теперь в умах людей это имя прочно связано с успехом «Лоуренс нефть».

18 августа 1958 года стал днем торжественного отправления новейшего стилпоезда «Титан» в свой первый рейс по направлению к скважинам «Лоуренс нефть».

Я нервничаю. Я радуюсь. А еще страшусь и предвкушаю.

В таких смешанных чувствах направляюсь к вокзалу Илсити. На пассажирском сидении респектабельной машины смотрю в окно на солнечный красивый город.

Когда машина остановилась, водитель вышел из автомобиля и открыл для меня дверь. В ту же секунду будто ослепило солнце. Это репортер сделал снимок... Я улыбнулась ему, и опять взорвалась фотовспышка.

В этот день я выгляжу иначе, чем обычно. По моему индивидуальному заказу изготовлены черные туфли на высоком тонком каблучке и сшито белоснежное платье с узкой юбкой. Эта одежда не принадлежит этому времени. На мне то, что носила когда-то Виктория.

Зачем я это сделала?

Мне вдруг стало важно, чтобы этот день достался не одной только Анне.

Я вошла в мраморные стены вокзала Илсити. Здесь прохладно. Хорошо.

Я спустилась по лестнице в зал отправления, иду к четвертой платформе, огороженной позолоченной цепью.

Здесь гости и репортеры.

Здесь «Титан».

Под прицелами фотообъективов восторженно смотрю на тяжелого многотонного гиганта на стилполотне. От изумления даже приоткрылись губы.

Я впервые вижу это чудо.

Передо мной большая бронзовая машина с длинным пассажирским вагоном, за которым тянется еще шестнадцать грузовых. Впереди два фонаря. Над ними большими золотыми буквами выложено слово «ТИТАН».

На длинном пассажирском вагоне глубокая серебряная гравировка: «Технология будущего». На грузовых вагонах тоже есть гравировка...

— «Лоуренс нефть», — прочла я вслух.

— Тебе нравится? — спросил Гроуз.

— Майкл, это чудо! — позабыв себя от восторга, принимаю от него бокал с шампанским.

— Мистер Гроуз, мисс Лоуренс, — репортер обернулся к Джону. — Мистер Хэнтон. Групповое фото на фоне стилпоезда. Прошу вас!

Мы с Майклом встали рядом со стилпоездом. К нам приблизился Джон. В ослепительно белой рубашке он выглядит эффектно.

Взорвалась фотовспышка.

— Ты счастлива? — когда мы остались одни, спрашивает Хэнтон, с любопытством заглянув мне в глаза.

— Помнишь открытие стилпоезда на вокзале Юдеско? — говорю я. — Представь, вы, сильные и успешные, празднуете открытие нового стилнаправления к горам Ханди, а между вами и людьми на платформе целая пропасть. Джон, два года назад я стояла на противоположном берегу от вас. А теперь я в Илсити, среди тех, кто пьет шампанское, праздную собственный триумф. Рада ли я?

Холодная сталь его глаз под внезапно вспыхнувшим огнем вдруг наполнилась теплом.

— Ты удивительная женщина, — признался Хэнтон.

Эти слова нашли пылкий отклик в моих чувствах. И что-то такое отразилось на моем лице... Взгляд Джона вдруг изменился. Такой взгляд должен меня смутить, но этого не происходит.

Кончики его губ незаметно взметнулись вверх.

Наш праздник разделили Уильям и Кэролайн Вэйст. Они коротко поздравили Джона, Майкла и меня с достижением, не сразу оторвав взгляд от «Титана».

Когда мужчины заговорили о скучных вещах, Кэролайн отвела меня в сторону и тихонько спросила:

— Анна, твои туфли — что-то невероятное. Откуда они?

— Я могу заказать для вас такие же.

— В конце месяца прием у Ванхаусетов...

— Хорошо, — понимаю я намек.

— Спасибо, дорогая.

Майкл взял в руки бокал с шампанским и выступил с торжественной речью. Искренне гордый, презентует собравшимся стилпоезд, его мощь и возможности. Благодарит несколько компаний в поддержке и сотрудничестве, и в конце особенно горячо не забывает упомянуть о «Лоуренс нефть» и «Корпорации Хэнтон».

Зрители рукоплещут.

— Прошу на борт, — объявил Майкл.

— А вы? — спрашиваю я Кэролайн, когда замечаю, что женщина с мужем так и остались стоять с бокалами шампанского у банкетного стола.

— Мы остаемся, — с улыбкой сказала мне она. — Это ваш день. Наслаждайтесь!

Джон и Майкл уже в вагоне стилпоезда. Хэнтон остается у дверей в вагон, ждет меня.

Когда я приблизилась к поезду, мужчина вытянул мне ладонь — как приглашение стать частью нового для меня мира — его мира. Как если бы до мечты оставался только шаг... Вытягиваю к нему руку, и Хэнтон, сжав мою ладонь, мягко потянул к себе. Оба держимся за металлический поручень, даем возможность репортерам сделать финальные снимки.

Я невообразимо счастлива и горда.

Чаще приходилось улыбаться из необходимости делать это, а сейчас я улыбаюсь, потому что хочу, потому что так чувствую!

На стилполотно перед поездом встал представительный мужчина, в его руках большие золотые ножницы. Теперь фотообъективы наведены на него. Он сделал решительный шаг вперед и с торжественной улыбкой перерезал ножницами красную ленту.

Посыпались аплодисменты.

Раздался гудок стилпоезда. Многотонная бронзовая машина качнулась, и мужчина торопливо поднялся с путей на платформу.

Джон захлопнул стальную дверь и в ту же секунду прижал меня к ней. Сжав пальцы на моем подбородке, мужчина примкнул к губам.

Это случилось внезапно. Я сразу начала сопротивляться, но только в мыслях...

Возникло тепло. Голод нескольких месяцев отчаянно потребовал распахивать губы всякий раз, когда мужчина этого желает. Собственные руки, словно мне не подвластные, вдруг обхватили его шею.

Под ногами появилась дрожь — это тяжелая многотонная машина пришла в движение. Меня охватил большой восторг. Мой пульс набирает темп, а кровь становится горячей.

Двухдневная щетина его лица и вкус табака на губах сводят меня с ума.

Поцелуй прекратился... Под легкую дрожь стилпоезда мы все еще касаемся кончиками носов, чувствуя дыхание друг друга. Я опустила веки; мои губы уверенно вернулись к его. Хэнтон навалился на меня, еще плотнее вжав в холодную сталь стилпоезда. Сильные пальцы сжались на моей талии, и в теле пробежала искра, подобно разряду молнии. Поцелуй сильный, глубокий... Видит бог, ничего бы не остановилось, если бы Майкл не издал вежливое:

— Кхе-кхе.

Совершенно потеряв связь с реальностью, удивленно смотрю на Майкла, несколько первых мгновений силясь понять, что он вообще здесь делает. Хэнтон медленно-медленно снял ладонь с моей груди.

— Мне показалось, вы не знаете о моем присутствии, — усмехнулся Гроуз, развалившись на бархатной обивке пассажирского вагона. В руках держит шампанское.

— Так оно и было, — серьезно говорю я, и мужчины тихо рассмеялись.

Стилпоезд набирает скорость и мчится вперед. Деревья, столбы, машины — все это быстро ускользает прочь, и только общая картина остается сколько-нибудь уловимой для человеческого глаза.

Дрожат окна, стучат колеса. Из зелени Илсити к фермерским угодьям, от них к долинам Стилдона.

290 километров в час. Поразительно!

В долинах Стилдона картинка за окном не слишком меняется. Я уставилась в окно, уже плохо понимая, что вижу за ним.

Стильпоезд пришел к месту назначения спустя неполных три часа пути. Еще вчера это казалось невозможным.

На перроне под открытым небом железного гиганта встречают представители прессы, чиновник и два десятка рабочих. Эти люди улыбаются.

Стильпоезд совершил окончательную остановку, и грузовые машины сразу приступили к погрузке в грузовые вагоны тяжелых цистерн, а рабочие закрепляют их.

По-своему красивое, восхитительное зрелище.

— Невероятно, мистер Гроуз, — восхищается чиновник, своими пухлыми пальцами указав на записи в своем блокноте. — Такая скорость. Невероятно!

В особняке на Северо-западной, шесть тихо.

— Джон? — тихонько позвала я, когда вошла в гостиную.

Мужчина обернулся ко мне. Спокойный взгляд серых глаз стал подозрительным.

Облокачиваюсь плечом к дверному косяку, сложив руки на груди.

— Я хочу поговорить с тобой.

— О чем?

— О том, что произошло сегодня в Илсити...

— Ты о поцелуе? — прямо спросил меня Джон.

— Позади уже месяцы, а между нами все еще что-то происходит. Все это слишком затянулось, и... Мы должны с этим разобраться.

Мужчина неторопливо приблизился к граммофону с большой широкой трубой, выбрал пластинку. Когда возникла спокойная красивая музыка, Хэнтон приблизился ко мне и протянул ладонь.

— Джон, я не умею танцевать, — в замешательстве говорю я.

— Я знаю.

Музыка стала ярче. У мужчины очень уверенный вид.

Когда моя ладонь легла в его, а другая рука мужчины опустилась мне на талию, Джон посмотрел мне в глаза.

— Три шага назад и один вправо, — объяснил он, и сразу двинулся на меня.

Движения скользящие, плавные.

— Три шага назад и один вправо...

Я постоянно смотрю себе под ноги, остерегаясь наступить на его. Это не помогло. Когда наступила мужчине на ногу, сразу расцепила руки и отошла в сторону.

— Я предупреждала тебя, — оправдываюсь я.

— Все в порядке, — сказал Джон. Опять протягивает мне ладонь. — Первая неудача — еще не повод бросить все...

Смотрю на него, он смотрит на меня.

Робко делаю шаг вперед. Моя ладонь снова в его руке.

— Шаг шире и чуть быстрее, — сказал он.

Я всегда остерегалась танцев, потому что чудилось, будто выгляжу глупо, силясь повторить неестественные в привычной жизни движения. Все казалось сложным и непонятным. Я чувствовала себя неуклюжей...

Сейчас я тоже чувствую себя неуклюжей. А вот выгляжу я глупо или нет — об этом даже не думаю.

Мне нравится танцевать с Джоном Хэнтоном... Это если быть честной.

Между тем зазвучали низкие ноты, своего рода акцент композиции.

— Когда эпизод повторится — кружись.

— Что? — возразила я. — Нет!

— Только один поворот.

Три шага назад и один в сторону, назад и в сторону. Эта комбинация повторяется снова и снова, пока не наступает момент сделать оборот вокруг своей оси. И в миг, когда я возвращаюсь к его рукам, мы неизбежно сталкиваемся нос к носу. Дыхание только на мгновение становится единым.

Смотрю на Джона. Всматриваюсь в сталь его серых глаз. Ощущаю запах его парфюма.

Из глубин моего сознания вдруг поднялись воспоминания о нас...

«Меня зовут Виктория».

«Джон».

Три шага назад — один в сторону. Поворот, и возвращаюсь к его рукам.

«В юности я искал собственный путь, — как далекое эхо в сознании возник голос Джона. — Обстоятельства привели меня на ферму. Это был суровый и самый полезный урок, который могла преподнести мне жизнь».

Три шага назад — один в сторону.

Я вспоминала лавину в Ханди. В момент столкновения в моем сознании пронеслась только одна мысль...

«Джон».

Три шага назад — один в сторону.

«Любить тебя — сущее проклятие!».

Три шага назад — один в сторону.

«Джон Хэнтон, вы согласны взять на себя обязательство опекуна над Анной Стоун?», — как наяву, слышу сильный голос председательствующего.

Три шага назад — один в сторону.

«Да».

Поворот. Я вернулась к его рукам.

Я чувствую его дыхание.

Когда мужчина склонился ко мне для решительного поцелуя, я сразу опустила подбородок. Отстранилась так, будто испугалась чего-то.

В воздухе возникло напряжение.

Пальцами касаюсь тяжелых век. Я не хочу поднимать взгляд на Джона. Я не хочу опять что-то увидеть в его глазах.

Музыка становится тише. Это не композиция подходит к концу, это я отдаляюсь от источника звука. Мелодию виниловой пластики уже почти не слышно, но громче становится звучание другой... Я узнаю эту мелодию. Этому времени она не принадлежит.

Поменялись ощущения.

Больше нет этого давящего чувства в груди. Мне стало хорошо и комфортно.

Я открыла глаза. Ударил яркий свет. Мне приходится щуриться на солнце.

Перед глазами все плывет. Не вижу контуров. Не понимаю, где я.

Слышу музыку и голоса людей. Звуки становятся громче.

Для того чтобы чувства пришли в норму, потребовалось время. И теперь, когда я вижу... меня бросило в жар и сразу в холод. Стало трудно дышать.

Над головой узкий розовый плакат: «Даниил и Виктория». Между именами изображены сцепленные обручальные кольца.

Во мне будто перевернулась сама душа.

— Выход невесты не сейчас! — на ходу говорит мне женщина в строгом черном платье. Улыбается. — Вернитесь в комнату невесты.

Я не могу издать ни звука. Я как статуя, у которой живыми остаются только глаза, они мечутся от места к месту, с одного лица на другое.

— Вика, вы меня слышите?

На летней веранде очень красиво. Расставлены круглые столы, повсюду цветы, и я, в длинном свадебном платье, даже стою на лепестках белых и красных роз. Люди, что смотрят на меня сейчас, улыбаются. Большинства я совсем не узнаю.

— С вами все в порядке? — беспокоится женщина в черном. Она, судя по всему, организатор этой свадьбы.

Возникло тяжелое давящее чувство.

— Я успела забыть... — сдавленно изрекла я. Едва сдерживаю слезы.

— Простите, что?

Я успела забыть, как может выглядеть современное компактное фотооборудование в руках фотографа. За столько времени я забыла, какими могут быть люди, не стесненные обязательствами этикета: это заметно по их улыбкам, по их словам и прикосновениям.

Когда я увидела девушку в жемчуге, элегантно розовой рубашке и в рваных джинсах, на моем лице расплзлась улыбка, и продержалась она недолго, потому что из моих глаз прорвались слезы. Ее подруга с длинными распущенными волосами тепло прижимается к парню, и когда она уткнулась в поцелуе ему в висок... я почувствовала зависть.

Вокруг так много людей и никто не обратил на них гневный взгляд. Фотограф поймал этот момент и сделал снимок им на память...

Слезы катятся по щекам и падают мне на грудь.

Я вспомнила, какой может быть жизнь!

Я вспомнила, какой она была у меня раньше, и мои слезы — слезы тоски по ней. Я успела забыть это время, а теперь чувствую его как что-то далекое, мне уже совсем не принадлежащее.

— ...у нас паника. Маму на летнюю террасу, — тихонько говорит в рацию женщина в строгом черном платье.

Когда среди цветов и столов появилась мама и протянула мне свои руки, сердце едва не разорвалось на куски. Она говорит нежные слова, стирает мои слезы.

— Мама, — выдохнула я. Сомкнула ее в объятии, больше всего на свете желая, чтобы эта встреча не была последней.

Никто во всем мире — ни в этой вселенной, ни в другой — не будет любить меня так, как любит она!

Я посмотрела в ее красивые, любящие меня больше жизни глаза.

— Давай уйдем в комнату невесты, чтобы жених не увидел, — улыбнулась мне мама. Она взяла меня за руку, уводя за собой в высокий старинный особняк.

— Увидеть невесту до венчания — плохая примета! — говорит нам вслед женщина в черном платье.

— Это ерунда, — отмахнулась я от глупого суеверия.

— Но ты же сама только и говоришь о приметах, постоянно, — с улыбкой напомнила мама. Мы вошли в комнату невесты. Когда закрылась дверь, она заботливо спросила:

— Ну, что с тобой случилось?

Не дождавшись ответа, женщина подошла ко мне и приобняла за плечи. Обе смотрим в большое круглое зеркало.

На мне белое подвенечное платье из шелка, кружева и очень мелкого бисера. Элегантное, нежное и очень красивое.

На манекене есть длинная фата. Ее еще предстоит надеть.

— Я счастлива? — вдруг спросила я, а по лицу женщины пробежало удивление. Ей потребовалось время, чтобы осознать, — вопрос серьезный.

— Ну, дорогая, это знать можешь только ты.

— А как тебе кажется?

Всем видом показываю, как мне важно услышать ее ответ.

— Я вижу тебя счастливой, — уверенно сказала она. — Ты влюблена.

Мне было странно и приятно услышать эти слова.

— А Даниил достоин моей любви?

— Ты задаешь мне очень странные вопросы...

— Просто ответь, — прошу я. — Как тебе кажется?

— Если бы не был достоин, разве я допустила бы эту свадьбу? Ты же меня знаешь.

— Конечно, знаю, — я взяла ее за руки. Стараюсь запомнить ее глаза. Ее улыбку.

Я не смогу взять с собой ее фотографию. Она не сможет уйти вместе со мной. Все, что у меня останется, — только воспоминания о ней.

— У папы все хорошо?

— Ну, он перестал ворчать, — весело отмахнулась мама. — Наконец смирился, что этот день настал.

У нас с мамой есть одна общая черта — мы неспособны скрыть свои чувства и мысли. Все, о чем мы думаем, отражается у нас на лице.

— Знаешь, у меня сейчас такое чувство... — неторопливо говорит она. — Помнишь, я когда-то сказала тебе, будто ты изменилась и сама на себя не похожа?

— Будто не я вовсе, — невольно обрадовалась я тому, что мама смогла почувствовать разницу. Она крепче сжала пальцы на моих ладонях.

— Вот сейчас я смотрю на тебя и чувствую то же самое. Господи, даже не знаю, как это сказать, будто я вижу тебя прежнюю. У тебя опять этот тяжелый взгляд! — рассмеялась она.

Минуты летят слишком быстро. А спустя час дамочка в черном объявила, что скоро мой выход. Мне стало не по себе...

Свадьба Анны организована на территории старого загородного особняка, где-то далеко от городских высоток, среди высоких деревьев, зелени травы и цветов.

В приятный солнечный день в красивом зеленом саду собрались родные и близкие, знакомцы... Впереди белая ковровая дорожка, ряды гостей, свадебная арка.

У начала ковровой дорожки на меня восторженно смотрит девушка в длинном синем платье. Я не знаю ее, но судя по тому, как она улыбается мне, она знает меня. Одними только губами, не издав ни звука, она желает мне удачи.

Девушка в синем платье не моя подруга, а мужчина под свадебной аркой не мой жених.

Это торжество не в мою честь.

Рядом с подружкой невесты стоит мой отец. Он обернулся и улыбнулся мне.

Со дня последней встречи с ним прошло уже два года — он немного постарел.

Я взяла его под руку. Сжалось сердце, так давно я не касалась его руки и не видела его лица.

— Не могу поверить, что делаю это, — смеется папа, ласково заглянув мне в глаза. — А ведь сейчас мог смотреть матч, — съязвил он.

Музыканты заиграли свадебный гимн, и под руку с отцом я ступаю на белую ковровую дорожку, усыпанную лепестками роз.

— Когда-нибудь это должно было случиться, — тихонько говорю ему я.

— Да... но полуфинал тоже не каждый день.

Девушки с последних рядов сжали кулаки, едва сдерживая радостные вопли. В ответ я вежливо улыбнулась незнакомкам.

На меня смотрят добрые улыбочивые лица. Я не знаю большую часть этих людей, что, вывернув шеи, уставились сейчас на меня.

Это уже не моя жизнь, и здесь мне не место.

— Дочка, сейчас лучше смотреть вперед, — тихонько посоветовал мне папа и, в привычной ему манере прищутив взгляд, рассмеялся. А я все равно не могу оторвать от него глаз. Остановившись на полпути к арке, и свадебный гимн сразу затих.

— Вика? — озадачен папа. Я буквально набросилась на него, не желая разомкнуть объятия.

Одновременно с умилительными вздохами гостей посыпались аплодисменты.

Сцену невесты и отца усиленно фиксирует фотограф. Как много я бы отдала только за одну фотографию, которую смогла бы забрать с собой!

Нехотя я разомкнула пальцы и выпустила из объятий отца.

— Ну что, сделаем это? — тихонько спрашивает он и подает мне руку. Снова заиграл свадебный гимн. Я посмотрела на гостей. Сейчас смотрю на жениха.

«Разве я могу сделать это за нее?» — вдруг подумала я.

Если верить словам председательствующего, вот-вот я должна вернуться в Данфорд. Ждать уже недолго.

— Вика, ты в чем-то сомневаешься? — очень серьезно спрашивает меня отец.

— Никаких сомнений, — уверенно объявила я. — Давай попросим фотографа сделать наш совместный снимок — ты, мама и я, и больше никого в кадре. Только мы. Втроем.

— Сейчас?

Я опять посмотрела на жениха. Кажется, он беспокоится.

— Да...

Папа махнул рукой музыкантам, чтобы те перестали играть торжественный гимн.

— Пять минут, и продолжим! — как на стадионе, крикнул он.

Жених сразу спустился с помоста, а отец его остановил:

— Ты! — строго сказал он, направив на мужчину указательный палец. — Стой на месте.

Даниил нехотя, но подчинился.

Мы с отцом встали у высокой зеленой изгороди в саду, к нам торопливо присоединилась мама. Фотограф встал в позу, настраивает ракурс.

— Сохрани эту фотографию, ладно? — прошу я маму.

— Мы повесим ее в гостиной, — сказала она и улыбнулась в объектив. Отец обнял меня за плечи.

Я долго буду помнить этот миг. По правую сторону плеча — мама, по другую — папа. Возможно, это наша последняя фотография, где мы вот так вместе.

Щелчок.

— Я люблю вас, — выдохнула я.

— Остаемся на месте, — предупредил фотограф. Сквозь туман вижу его короткий жест.

Щелчок.

По ногам пронесся холодок.

Щелчок.

«Готово», — как далекое эхо, слышу голос фотографа на пути в черную бездну.

Больше не чувствую тяжести платья. Под ногами не гуляет холодок.

Зрение фокусируется. Четкость в контурах появляется не сразу.

«Великолепная Лоуренс», — прочла я большой заголовок газеты в собственных руках. Ниже фотография на всю страницу нефтяных вышек в Стилдоне.

Верхний уголок газеты разорван. На столе ручка.

Сосредоточившись на ощущениях, понимаю, что в моей ладони смят клочок бумаги.

«Анна догадалась сделать то, что не пришло в голову мне».

В напряжении каждая клеточка моего тела. Я вдруг поймала себя на мысли, что мне очень страшно прочесть ее послание.

— Анна?

Очень медленно поднимаю взгляд. Джон стоит близко и внимательно следит за мной. Достаточно спокоен.

Мой взгляд вернулся к рукам. Я растянула записку. Аккуратным, красивым почерком написано:

«Будь счастлива».

Я не смогла сдержать слез, они вырвались из моих глаз и покатались по щекам. Чувства очень противоречивы, сильны и неконтрольны. Как может сердце разрываться от тоски, в то время как губы растягиваются в улыбке подлинного счастья?

Хэнтон с опаской всматривается в мое лицо, а я торопливо стираю со щек новые слезы. Мужчина решительно не понимает, что со мной происходит. Кажется, впервые он растерян и не знает что делать.

— Прости, — я не узнаю собственного голоса. Тоска опять сжала мне сердце. — Мне... лучше уйти.

— Останься.

Решительно мотаю головой.

Хэнтон хочет настоять, но находит причины этого не делать.

— Мой водитель отвезет тебя, — сказал мне Джон.

Глава 16

Когда я вернулась в дом у реки, я сразу пронеслась через гостиную в кухню. Откупорила бутылку красного вина и наполнила им бокал. Дрожь в руках не унимается, подгибаются даже ноги.

Я села на стул.

Когда в голове стойко возникли образы матери и отца, пальцы вдруг стали слабыми, бокал выпал из моих рук. Я взялась за голову, как будто она стала необыкновенно тяжелой. Меня рвет на части неведомо откуда взявшееся знание, что это было прощание с родными мне людьми, и сейчас я как никогда прежде чувствую боль утраты, настоящей и невыносимой.

Улыбки, взгляды и слова...

Я долго сижу на деревянном стуле, крепко ухватившись за голову. Под ногами уцелевший после падения бокал с растекшимся вином, а поверх красноватой лужи шлепаются слезы.

Каждое мгновение причиняет мне боль. И так все время.

Солнце меняется ночью, свет становится тьмой.

Часы переходят в дни, а дни в недели.

Мне не нужны слова утешения или чье-то присутствие. Подлинное утешение я нашла в работе. Я с головой погружаюсь в отчеты, размышляю над задачами, решаю их. Мой день начинается за рабочим столом и редко заканчивается как-то по-другому. Это была нирвана, в которой я могла не думать о том, что причиняет мне боль, но я слишком увлеклась...

Клайд уехал в Юдеско. Осознать это удалось спустя несколько дней после его отъезда. Глядя в календарь, я не могла поверить, что прошло уже так много времени. Я попыталась вспомнить, когда мы с Коллинсом в последний раз разговаривали, и...

Я не помню.

В голове хаос мыслей. Это как очень запутанный клубок из чувств, эмоций и воспоминаний. Когда я попыталась распутать его, возникло хорошо знакомое чувство — безнадежно. В моей жизни все перевернулось. В моей жизни все не так...

Я настолько увлеклась работой над Стилдоном, что в процессе гонки за своей мечтой не заметила, как изменились обстоятельства, изменилась жизнь, изменилась я.

Как долго я не замечала, что за окном моего дома больше нет машины Фрица? Когда он был здесь в последний раз — неделю или две назад? А может, прошел уже месяц?

А когда в последний раз я говорила с Евой? Она оставила мне так много сообщений на автоответчик. Я помню, как нажимала на большую квадратную кнопку: я слышала голос Евы, но я не слушала, что этот голос говорит мне. Запись кончалась, и я забывала...

Несколько месяцев я жила одной только работой, отказываясь замечать собственную жизнь и людей, которые все еще остаются в ней.

Вечно прятаться не получится. Пора принять реальность такой, какая она есть, и что-то делать.

И вот сейчас я впервые за долгое время делаю что-то, совсем не связанное со Стилдоном и «Лоуренс нефть», — еду на вокзал западного Данфорда, чтобы на стилпоезде отправиться в Юдеско.

Теперь, когда у Коллинса появилась возможность возглавить отделение в новой психиатрической больнице, воплотить свои идеи в жизнь и стать тем, кем он хочет быть, могу ли я встать у него на пути?

Стилпоезд ритмично покачивается. Я смотрю в большое окно и на фоне чистого голубого неба вижу в нем холодные и неприступные Ханди. Смотрю на горы и не могу поверить, что мы с Грузом почти сутки держали путь в этих местах и не погибли.

«Прогресс» вернули на стилполотно, и прямо сейчас я направляюсь в Юдеско в одном из купе этого поезда.

Я спокойна.

Спустя два дня пути на стилпоезде в полдень я прибыла в пункт назначения. На вокзале Юдесколюдно и шумно.

Из зала отправления я поднимаюсь по широкой лестнице в вестибюль. Впереди стальная фигура Филиппа Гроуза и первый сконструированный им стилпоезд. Я не прошла мимо, я остановилась перед темной статуей — она кажется живой.

Филипп Гроуз — необыкновенный человек, подаривший миру чудо технологии. Как замороженная, смотрю на его машину.

Разве первая технология в своем роде может быть такой совершенной?

Этот человек появился внезапно и встряхнул сонную в промышленности эпоху. Передвижения и скорость. Сила! Его изобретение — толчок прогресса.

Взгляд мой вернулся к глазам холодной статуи. У стального человека открытый взгляд и широкая улыбка.

Я смотрю на легенду и мечусь в догадках, а по воле случая ли этот человек попал на страницы истории этой эпохи?

С таинственной улыбкой на губах я прошла мимо статуи, и голова моя заполнилась прежними мыслями.

К новой психиатрической больнице Юдеско еду на такси.

Я хочу увидеть Коллинса и страшусь встречи с ним одновременно.

Клайд не был удивлен, когда встретил меня у ворот больницы. Я явилась без предупреждения. Мужчина спокоен, он смотрит так, будто знал, что я буду здесь.

Уже поздняя осень, осыпается желтая листва.

Коллинс открыл передо мной высокую металлическую дверь в воротах. Я сделала шаг вперед и прижалась к нему в объятии. Когда я хотела губами слегка коснуться его губ, мужчина осторожно отстранился.

Поджав губы, отступаю. Много стало ясно.

— Выглядишь усталой, — с заботой заметил Клайд.

— Дорога была долгой... Прости, что не предупредила о своем появлении. Наверное, стоило позвонить.

— Не беспокойся об этом, — сказал он. Я улыбнулась. — Пройдемся?

Я взяла мужчину под руку.

Сад в красно-оранжевой расцветке выглядит сказочно, на его фоне сказочным дворцом кажется сама больница: здание в шесть этажей с двумя высокими башнями. Рука об руку мы прогуливаемся по внутреннему двору еще пустой больницы.

Мы должны поговорить о том, что происходит с нами. Что нам делать и как быть дальше? Я знаю, что мы будем говорить об этом прямо сейчас. Мы оба это понимаем. Вопрос только в том, кто заговорит первым...

— Я хочу, чтобы ты осталась со мной в Юдеско, — сказал Клайд.

В груди будто остановилось сердце. Это чувство длилось мгновение, но оставило после себя долгий тяжелый след.

— Это невозможно, — с грустью в голосе говорю я. — Моя работа сосредоточена в Данфорде, Илсити и в Стилдоне, и так будет еще долго.

— Я в Юдеско, а ты в Данфорде — так будет еще долго.

— И что нам делать?

— В попытке сохранить то, что есть между нами, одному из нас неизбежно придется отказаться от собственных амбиций... Я мог бы это сделать, — сказал Клайд. — Вот только если бы все было так просто...

Мужчина остановился и прямо посмотрел на меня. Я смотрю на него.

Я знаю, что хочет сказать Клайд. И сейчас он проговорит вслух то, что я очень боюсь услышать.

— Тебе не безразличен Джон Хэнтон. «Лоуренс нефть» всегда будет связывать тебя с ним. Моя жертва будет напрасна.

Мне нужно отрицать? Я должна возражать? Или... мне следует быть честной с нами?

— Ты хочешь, чтобы я отказалась от «Лоуренс нефть», — очень тихо и мрачно проговорила я. Это был не вопрос. Я озвучила вслух условия Клайда и в этот самый миг во мне что-то поломалось.

Я знала, каким будет исход этой встречи, и все равно оказалась к нему не готова.

— Я не могу от тебя этого требовать... — сказал Клайд.

— А я не могу согласиться на это.

Клайд добр, он честен и благороден в своих помыслах и поступках, в отличие от меня. Припоминаю, что было между мной и Хэнтоном в день отправления стилпоезда в Илсити...

Дело не в «Лоуренс нефть» и дело даже не в Хэнтоне.

Дело в нас с Клайдом. Дело во мне и моих чувствах к нему — они даже наполовину не так сильны, как те, что я до сих пор испытываю к человеку с темной сталью в глазах.

Клайд заслуживает кого-то лучше, чем я.

— Не тяготись о моих чувствах. Со мной будет все в порядке, — уголки губ на лице мужчины уверенно поднялись вверх. — Ты можешь обещать мне то же?

Я легонько кивнула.

— Скажи это, — попросил меня Клайд.

— Со мной будет все хорошо.

В груди не разрывается сердце, оно только жалобно поскуливает. Разговор был коротким, даже слишком, вопреки всем обдуманному мною вариантам предполагаемого развития событий.

Клайд проводил меня до ворот, и какое-то время мы молча смотрим друг на друга. Повсюду с деревьев сыпется осенняя листва.

— Клайд, — робко зову я. — То, к чему мы сейчас пришли, ведь не означает, что мы больше никогда не увидимся? Я хочу сказать, ведь нам не придется делать вид, что мы не знаем друг друга?

Мужчина улыбнулся. В этой улыбке я вижу сожаление... Сожаление о нас.

— Я всегда буду тебе рад.

Я и Клайд больше не вместе, но это совсем не значит, что я поехала к Хэнтону и сразу постучалась ему в дверь. Проходят недели, и я отказала Джону во всех неформальных встречах. Если мы встречаемся, то по делу, а когда говорим — то о работе.

Некогда я рассталась с Джоном, теперь стоит точка в отношениях с Клайдом. В миг, когда в моей жизни образовалась пустота, стало спокойно и хорошо. Я никому ничего не должна. Я никому ничего не обязана.

Никакой вины и переживаний. Я устала от этих чувств.

Теперь я хочу насладиться покоем, залечить еще саднящие раны и наконец простить себя за все те глупости, которые довелось совершить.

За месяцы работы мы с Томпсоном добились великолепных успехов. Завод преобразился до неузнаваемости — он полностью ориентирован на нефтеперерабатывающее дело. В завод пришлось много вложить — сил и средств — но результат превзошел даже самые смелые ожидания. Теперь это место не кажется тенью своего бывшего величия. Завод стал лучше, он стал больше. В нем возродилась жизнь, и я не смогла дать этой жизни другое имя.

«Стилдон» — отражение характера этих мест.

Когда в пропасти минувших лет ушли люди, развалились дома, потрескались дороги, завод Стилдона остался прочно стоять на фундаменте.

Полностью груженные стилпоезда совершают по три рейса в день. Каждый день. Семь дней в

неделю.

Всего через несколько месяцев «Технология будущего» поставит на стилполотно еще один поезд!

А когда заговорили о производстве бензина и керосина, далекий Конектик, так сильно зависимый от нефти севера и условий Алана Лонгера, теперь рассматривает возможность строить собственный стальной путь на юг.

«Стилдон — феникс, восставший из пепла», — сказал «Данфорд пресс».

«Меня тоже можно сравнить с фениксом», — однажды подумала я. Жизнь Анны когда-то полыхнула огнем и обратилась в пепел. А из пепла ее разрушенной жизни вдруг родилась я — новая Анна. Расколола клетку, расправила крылья и дотянулась до небес.

Головокружительный успех принес с собой массу работы и проблем. Самая опасная проблема — Алан Лонгер.

Законодательная палата от его лица выдвинула иск, оспаривая мои права на «Лоуренс нефть». Рассматривается возможность участия в делах компании правительства. Основания для этого сильно притянуты за уши...

Как бы там ни было, процесс необратим.

Меня хотят ограбить.

Я отнеслась к этому достаточно спокойно, если так вообще можно выразиться, учитывая, чем обернулась моя жизнь.

А правильно ли я поступаю?

Может, Алан Лонгер не тот человек, с которым стоило бы сражаться? Хэнтон, Вэйст и Гроуз выбрали сдержанную позицию в отношениях с этим мерзавцем, остерегаясь прямого наступления. Может, стоило задуматься, почему три титана своего дела не поступают так, как поступаю я?

Может, не идти на условия Лонгера было ошибкой?

Когда ты владеешь чем-то, похожим на «Корпорацию Хэнтон» или «Лоуренс нефть», за право существовать и твердо стоять на ногах приходится платить. Хэнтон никогда не говорил подробно о том, по какому принципу ведет дела с Лонгером. Я об этом его никогда не спрашивала. Это дело каждого. Это выбор каждого.

Мой выбор — пойти в сопротивление. И сейчас весь крупный бизнес замер в тревожном ожидании. Чем закончится эта схватка?

Начинается новое шоу.

Когда я приехала в свою квартиру в Данфорде, первым делом я достала из сейфа желтый конверт с фотокарточками, которые сделал Фриц. У меня нет глупых намерений в их отношении.

Я взяла конверт и села в квадратное кресло, высыпав на колени черно-белые снимки.

Я внимательно всматриваюсь в скверное содержание отвратительного вечера, откладывая в сторону карточку за карточкой. А когда отложила последнюю из них, дипломатично сцепила руки в замок и крепко задумалась.

Что я собираюсь с ними делать?

Прошли долгие минуты, в голову опять полезли сомнения.

Может, моя позиция — ошибка, и мое желание победить Лонгера — наивная глупость? Быть может, вместо открытого сопротивления стоило договариваться с этим человеком и попытаться отстоять для себя более выгодные условия, чем те, на которых настоял сам Лонгер?

Все может быть, а сейчас... Зачем я смотрю на эту мерзость?

Что я хочу сделать?

Возникло знакомое чувство, будто разум уже принял решение, но я не поспеваю за ходом его работы. Я жду, когда идея окончательно созреет во что-то обозримое.

Может, я думаю о мести?

Слепая месть, не сулящая никакой пользы моему предприятию. Месть ради мести, унижающая и

мое достоинство тоже?

Как отвратительно. Все равно, что заявить: «На большее я не способна».

Нет, мне нужна не месть, а продуктивное решение проблемы.

Я хочу победить, сохранив достоинство. На тех же условиях готова проиграть.

Когда взглянула на ручку на столе, я вдруг поняла, какую цель преследую. Мое восприятие, наконец, достигло идею.

Эти снимки не помогут мне достичь цели. Они — только средство давления, унижающие мои гордость и самолюбие.

Я собрала карточки и вложила их обратно в конверт, но на обратной стороне одной из них большим размашистым почерком написала мудрость Ганди:

«Око за око, и мир ослепнет».

Я не стану мстить Алану Лонгеру за его стремление защитить свои интересы. Нефть он считает своим делом, а я вторглась на его территорию. Желание отделаться от меня вполне объяснимо. Не во взаимной антипатии дело, не в мести решение, это схватка за зону влияния. Каждый из нас стремится защитить свою выгоду.

Фотокарточки — несомненный способ давления, но я не хочу победить или проиграть вот так... Если мы будем сражаться, это произойдет красиво, так, что даже поражение будет достойно уважения в моих глазах и в глазах тех, кто будет внимательно следить за этой схваткой.

Отправить конверт Лонгеру не было для меня простым решением. Для этого потребовалась сила воли.

Я не хочу встречаться с Лонгером лично и не могу отправить конверт с таким содержанием обычным способом. Репортеры повсюду, они заглядывают не только в окна, но и в мой почтовый ящик. Они подкупают всякого, кто меня окружает.

Человеком, которому я еще могу доверять, несомненно, остается Генри Фриц. На втором этаже ресторана «Мистраль» за отдаленным от общего зала столике я вижу, как приближается невысокая фигура Генри. Я сразу обратила внимание на выглаженную одежду, начищенные туфли и аккуратно причесанные волосы.

— Господи, Генри, ты отлично выглядишь, — похвалила я, тепло приветствуя друга улыбкой.

— Когда в твоей жизни появляется женщина, это неизбежно, — улыбнулся Фриц и сел за столик. — Анна Лоуренс. Сколько уже... почти год прошел?

— Да, где-то так, Генри, — смотрю на мужчину и сама собой на лице растянулась улыбка. — Как ее зовут?

— Кларис, — ответил Фриц. — Я с таким энтузиазмом слежу за твоей судьбой, что Кларис, кажется, начинает ревновать.

— Ну... это неизбежно, когда в твоей жизни появляется женщина, а ты увлечен судьбой другой, — тихонько рассмеялась я.

— Да. В этом что-то есть.

Официант принес две чашки кофе и легкий завтрак.

— Чем могу служить Великолепной Лоуренс? — мужчина взял кофе.

— Мне нужна услуга, Генри. Я хочу, чтобы ты передал один пакет Алану Лонгеру лично в руки.

— Это можно устроить, — с готовностью ответил мужчина. — В случае опасности как поступить с пакетом?

— Уничтожь его, — сказала я и протянула Фрицу желтый конверт. Генри узнал этот пакет. Взгляд его вдруг стал серьезным. Мужчина внимательно смотрит на меня и наконец произносит:

— Хорошо.

Когда я вошла в строгий серый кабинет Хэнтон, мне отчего-то стало холодно.

Хэнтон поднял на меня взгляд. Смотрит прямо, не улыбается.

— Здравствуй, Джон.

— Анна. Чем обязан? — в этих словах нет тепла. Одно только сухое деловое приветствие.

— Ты, должно быть, слышал об иске против «Лоуренс нефть»?

— Разумеется.

Мужчина поднялся, на мгновение взглянул на чистое небо над Данфордом. Смотрю Хэнтону строго в глаза, он отвечает тем же.

— Мне нужен Джеферсон, — прямо сказала я.

— Мне он тоже нужен.

— Я не прошу об одолжении. Пока он будет работать на меня, я готова платить. Назови цену.

Джон улыбнулся. Но улыбка получилась какой-то безликой, не выражающей никаких чувств.

— Мне не нужны деньги.

Я нахмурилась. Мне нужен Джеферсон, и сейчас я совсем не рассматриваю возможность уйти, не заручившись его поддержкой.

— Тебе не нужны деньги, ладно...Тогда чего ты хочешь?

Совершенно не поменявшись в лице и с деловой прохладой в голосе Джон заявил:

— Я хочу, чтобы ты спала со мной.

От изумления у меня приоткрылись губы.

Смотрю на Джона и понимаю, он очень серьезен в выдвинутом предложении. За мной только право согласиться или отказаться. Я говорю:

— Ладно.

Продолжаем испытующе смотреть друг на друга. В лице Хэнтон остается строг, и взгляд его в этот самый миг до неприятного пронизателен.

— Пока Джеферсон занят делами «Лоуренс нефть», я буду с тобой где угодно и когда угодно, — сказала я.

Мужчина вдруг направился ко мне.

— Ты явишься ко мне днем или ночью, всегда, когда я этого захочу.

— Не сделаю этого, только когда объективно не позволят обстоятельства, — возразила я.

Джон расстегивает верхние пуговицы рубашки. Я отступила на шаг назад.

— Если мы обо всем договорились, тогда я иду к Джеферсону.

— Ты сможешь сделать это позже, — в его тоне нет компромисса.

— Он в кабинете будет только час, а переговорить с ним нужно уже сегодня, — настаиваю я.

Джон расстегнул еще несколько пуговиц, частично обнажив грудь. Снял телефонную трубку и набрал несколько цифр.

— Патрик, какое дело у тебя назначено на три часа? — потребовал он и медленно расправился с еще одной пуговицей. — Перенеси встречу и дождись мисс Лоуренс в кабинете, — последнее прозвучало как приказ.

Выполнив один решительный шаг, мужчина набросился на меня. Впился мне в губы и сделал это жадно, властно и откровенно пошло. Он с силой вжал меня в край рабочего стола, задрал юбку и стянул белье.

По венам растеклось пламя жарче лавы, а Джон вдруг схватил меня за подбородок и заставил смотреть ему в глаза. На лице мужчины сразу расплзлась довольная ухмылка.

— Ты хочешь меня не меньше, чем я тебя, — шепчет он.

Хэнтон вернулся к моим губам в глубоком и сильном поцелуе. Умопомрачительное удовольствие!

Я скучала по этим плечам и широкой твердой груди. Скучала по аромату дорогого одеколона и табака. Как кошка, вдыхаю восхитительные запахи, лишаясь собственного рассудка.

Джон Хэнтон не был нежен. Он был достаточно груб со мной, как если бы это было актом его мести мне за все, через что я заставила его пройти. И если это так, видит Бог, я рада такой мести!

Хэнтон накинул на плечи рубашку, а я разгладила на себе платье и теперь поправляю чулок. Мы сидим на полу, облокотившись о рабочий стол Джона.

В дверь постучались. Вошла Дэйзи. Девушка нисколько не смутилась увиденной сцены, сохранив невозмутимое выражение лица. Осторожно поставила поднос с кофе на пол между мной и Хэнтоном.

— Спасибо, Дэйзи, — в обычной деловой форме благодарит Джон.

Девушка уходит.

Пока я поправляю второй чулок, мужчина внимательно следит за мной. Вернув мне на плечо соскользнувшую лямку черного бюстгалтера, вдруг бросил:

— Выходи за меня.

Мне больше не интересен чулок. Я медленно перевела свой взгляд на мужчину.

— Что скажешь? — добавил он.

Отпуская мне свою жизнь, Анна дала только одно напутствие — быть счастливой. Что значит для меня быть счастливой?

Быть хозяйкой собственной компании?

Быть знаменитой?

Быть богатой?

Быть свободной?

Быть счастливой — значит заслужить любовь Джона Хэнтон. Но его любовь без должного уважения будет короткой — с этого все началось. Заслужить уважение такого мужчины как Хэнтон — значит быть равной ему.

— Ладно, — уверенно говорю я.

— Ладно? — коротко ухмыляется.

— Ладно, — так же уверенно повторила я и поднесла кофе к губам.

— Гнаться за тобой — долгое и кропотливое занятие, дорогая, — мужчина говорит спокойно, но в голосе угадывается претензия. — Неужели нельзя было обойтись без демонстрации своенравности?

— Своенравности, дорогой? — моя бровь многозначительно изогнулась вверх. — Если бы ты хоть сколько-нибудь считался со мной, ничего бы не было. Но ты убежден, что всегда знаешь лучше.

— Коллинс возник между нами тоже из-за личных обид?

— Мое поведение — не обида. Я ушла, потому что отношения с тобой стали обременительны, — спокойно говорю я. — Думала, мне будет лучше без тебя.

— И как, стало лучше?

— Я бы поняла, если ты оставил бы нас с Клайдом в покое. Хоть на какое-то время.

— В другой раз проще убить твоего любовника, — холодно выругался Джон.

— Коллинс не был любовником. Какой другой раз? — с раздражением заметила я. — А впрочем, неважно... Мне пора к Джеферсону.

В полдень выходного дня тепло и солнечно. На большом зеленом поле для гольфа в загородном клубе много игроков.

— Этим жестом вы кое-чего добились, — Алан Лонгер подразумевает фотографии, что доставил ему Генри Фриц. Всматривается строго по направлению движения белого мяча. Мяч остановился. Направляемся к новой позиции. — Моего уважения.

— Это... лестно, — без уверенности в голосе отозвалась я.

— Но это не значит, что вы можете рассчитывать на мое личное расположение к вам. Для меня важны только мои интересы, так же как и ваши собственные — для вас.

— А вы не боитесь, что однажды вместо защиты я приму позицию нападения?

— Сделайте мне одолжение... — Лонгер ударил клюшкой по мячу, и белый шарик покатился к лунке. — Очаровательная мисс Лоуренс, вы выбрали жизнь, в которой никогда не будет покоя. Вам придется защищаться — настанет день, начнете нападать. Ваш ход.

Я встала на позицию, примеряясь клюшкой к мячу.

— Локоть выше, — сказал Лонгер.

— Разве победа не в ваших интересах? — делаю, как сказал он, и мяч катится к лунке по хорошей траектории.

— Предпочитаю сильных соперников. Вкус победы ярче.

Я сосредоточилась на мяче, что остановился в нескольких метрах от лунки. Неплохо.

— Вы не любите Хэнтон и ни во что не ставите Гроуза. Чем я заслужила ваше расположение?

Лонгер и я идем по зеленому полю к мячам.

— Не люблю наследников.

— А вы разве не наследник?

— Я действительно из богатой семьи, но в ней я шестой сын, не говоря уже о сестрах. Мне ничего не досталось от наследства семьи, кроме имени. Я всего достиг сам. Так же, как и вы, — с любопытством смотрит на меня. — Око за око... Я нигде не нашел такого изречения. Эта мудрость принадлежит вам?

— Нет, — сказала я. Убедившись, что говорить больше я не стану, Лонгер сказал:

— Я сжег фотокарточки.

— Хорошо.

Приготовилась. Удар. Мой мяч не достиг лунки, и Лонгер заявил:

— Вы проиграли.

Я не сильно расстроилась поражению в спорте.

Мы вернулись в клуб. Прислуга подготовила прохладительные коктейли. Лонгер садится в плетеное кресло и жестом предлагает сесть мне.

— Вам не выиграть правительственный иск, — уверенно объявил он. — Согласитесь на мои условия и сохраните хотя бы половину.

— Нет.

— Тогда вы потеряете все.

Глава 17

Я никогда не задумывалась о собственной свадьбе как о самом важном событии в моей жизни. Изредка представляя это торжество, я никогда не находила в своих мыслях чего-то роскошного, непревзойденного и исключительного.

В моей прежней жизни никогда не было кого-то, кого я могла бы представить в такой день рядом с собой.

Удивительно, какой непредсказуемой может быть жизнь! Я впервые выхожу замуж, а за плечами у меня уже развод. Был даже день, когда мой отец вел меня под руку к жениху... вот только не к моему.

Надеюсь, вселенная оставит наконец свои насмешки надо мной, и свадьба с Джоном Хэнтоном пройдет как надо — без вмешательства Анны, как когда-то в ее свадьбу вмешалась я. Мне бы этого очень хотелось.

— Ты уверена, что хочешь именно это платье? — задумчиво спросила миссис Вэйст, рассматривая меня в отражениях нескольких зеркал. Кэролайн не выказывает откровенного недовольства, но одобрения в ее голосе тоже нет. Женщина в сомнениях.

— Этот выбор мне тоже не понять, — сказала Ева.

Женщины стоят по обе стороны от небольшого круглого подиума, на котором стою я. Им трудно критиковать это платье, ведь сшили его для меня по моему точному заказу. Я понимаю их настроения — мой выбор пал на платье в стиле двадцатых годов, устаревшее в моде и непривлекательное для этого времени.

Силуэт платья приближен к прямоугольнику, с заниженной линией талии и свободной шелковой юбкой в пол; на спине кружева, а спереди выразительное декольте. Рукавов у платья нет.

— Чем мне особенно нравится это платье, — говорю я, любуясь своим отражением в зеркалах. — В этом платье нет талии.

— А тебе есть, что скрывать? — таинственно спрашивает меня Кэролайн.

— Нет, — спокойно говорю я. — В этот день у всех женщин будет узкая талия, а у меня нет...

Женщины тихонько рассмеялись.

Свадьба — это не только забота о платье, еще это масса других хлопот! Гости, приглашения, оформления, приготовления и великое множество мелочей, которые обязательно нужно предусмотреть. Причем чтобы свадьба получилась такой, какой она должна быть в соответствии с модными тенденциями, без упущений, упрощений и казусов, моего участия быть не должно совсем. Я так решила, потому что знаю себя. А еще я знаю Беки Джонс, поэтому для этой работы я пригласила именно ее. Эта женщина знает, что делать.

В организации свадьбы Беки я предоставила полную свободу и неограниченные ресурсы, но за одним только исключением: платье — моя забота! Беки пробовала возражать. Когда женщина стала слишком настойчивой, мне пришлось шикнуть на нее.

Прежний опыт совместной работы показал, что между нами согласия быть не может. Если нужно, чтобы все было как надо, нам с Беки нужно работать порознь, так что в вопрос выбора свадебного платья я не позволю этой женщине просунуть свой проворный носик.

Откуда-то снаружи двумя короткими гудками просигналила машина. Мы с Кэролайн удивленно переглянулись, когда Ева, попросив у нас прощения, вышла из примерочной. Я спустилась по двум ступеням с округлого подиума и с любопытством заглянула в окно. Смотрю, кто вышел из темной машины, и не могу поверить собственным глазам.

Ко мне подошла Кэролайн и тоже посмотрела в окно.

— Тебе знаком этот джентльмен? — заботливо спросила она, и мой взгляд быстро метнулся к миссис Вэйст.

— Да, — рассеянно говорю я, наблюдая, как Ева подошла к Генри Фрицу и сразу поправила ему шляпу. По тому, как они смотрят друг на друга, сразу понимаю: между ними что-то есть. Но почему эти двое скрыли свой роман от меня?

— Он кажется очаровательным мужчиной, — с улыбкой добавила Кэролайн. — Или мне только кажется, и он мерзавец?

— Нет... Генри — очень хороший человек, — торопливо говорю я. — Еве очень повезло.

Еве и вправду повезло!

Генри Фриц не просто хороший парень, он как рыцарь в сверкающих доспехах, сильный и отважный, — настоящий герой. Если Ева будет рядом с таким, как он, у меня нет причин для беспокойства.

Я отошла от окна.

— Ты всегда смотрела на нас с Хэнтоном, как на пару, — говорю я Кэролайн, заглядывая в золото ее глаз. — Всегда. С первой нашей встречи ты говорила о нас, как о паре, хотя знала, что у меня был другой. Почему?

Взгляд женщины изменился — сейчас она смотрит на меня глазами матери много старше и мудрее наивного дитя.

— Я не помню, чтобы видела мистера Коллинса в Стилдоне, — подразумевает она необычное развлечение на дорогих машинах в раскаленной солнцем пустыне. — Нам тебя представил Джон. Машина, которой ты управляла, — разве не его подарок тебе?

Взгляд женщины стал снисходительным.

— Нужно быть слепой, чтобы не видеть, как ты на него смотришь, — сказала Кэролайн, и я почувствовала, как загорелись щеки. — Почему, по-твоему, Джеймс и Марго с таким удовольствием над тобой подшучивали? Не дай ты им повод, чертята бы за тебя не цеплялись.

Женщина положила ладони мне на плечи, с теплой улыбкой оценив меня в свадебном платье.

— Можешь представить, как было трудно Джону делить тебя с кем-то еще? А ведь это не в его характере.

— Могу, — резко говорю я, припомнив о мисс Бауэр. Кэролайн с пониманием улыбнулась.

— Тогда ты можешь представить, какими были его чувства... Он любил тебя, несмотря ни на что. Он пошел на поводу твоих желаний.

Теплые длинные пальцы Кэролайн соскользнули с оголенных плеч и спустились вниз по моим рукам.

— Когда этот день настанет, было только вопросом времени, — задумчиво проговорила она.

Где-то позади скрипнула дверь, и в светлую примерочную вернулась Ева.

— Распоряжусь, чтобы нам приготовили чай, — улыбнулась мне Кэролайн. Женщина прошла мимо Евы и тихонько закрыла за собой дверь.

Я смотрю на Еву, а она с тревогой смотрит на меня.

— Почему ты не сказала мне? — с недоумением спрашиваю я.

— Чтобы отсрочить момент, когда ты смотришь на меня вот так.

Я не сдержалась и рассмеялась, подошла к подруге и обняла ее. Ладони Евы нерешительно легли мне на плечи.

— Один человек как-то пожелал мне одну добрую вещь, — мне вспомнилось послание Анны. Я разомкнула объятия, посмотрела на Еву и сказала ей:

— Будь счастлива.

Ева Нельсон с благодарной улыбкой смотрит на меня в ответ.

Я не знаю причин, по которым Ева мне ничего не сказала, не уверена, что хочу знать их теперь. У нее все хорошо — этого достаточно.

Когда смотрю на свое отражение в зеркале, мне трудно вспомнить ту девчонку с короткими волосами и в зеленом платье, без свободы и больших перспектив на счастливую жизнь.

Сделки с совестью, сделки с гордостью, сделки с мерзавцами! Последние три года моей жизни богаты на потрясения. Мне дважды каким-то чудом повезло сохранить жизнь и даже пришлось побороться за честь. Пришлось с боем возвращать себе право быть хозяйкой собственной жизни, а на этом пути мне не раз довелось больно упасть, чтобы упрямо встать на ноги и идти дальше.

Три года моей жизни — это как попытка вскарабкаться на самую высокую гору, вершину которой способен взять не каждый. Тропы нет, людей вокруг тоже нет. Путь наверх долгий, изнуряющий и, безусловно, опасный. Увидеть солнце на вершине горы, среди необъятных облаков, сможет только победитель. Тот, у кого хватит сил и упорства идти до конца!

С таким упорством и трудом возвратив для себя свою жизнь и свободу, как можно объяснить то, что я делаю прямо сейчас: в подвенечном платье готовлюсь отдать свою жизнь в руки Джона Хэнтонна?

Я всерьез это сделаю?

Учитывая, что думаю об этом с улыбкой на губах... выходит, что так.

Я никогда не думала, какой будет моя свадьба, но при всяком раскладе и при любых обстоятельствах я едва ли могла предположить, что этот день настанет 11 июля 1960 года.

Лето, время, когда распускается церцис — красивейшее дерево, усыпанное тысячами мелких розово-фиолетовых цветов. Именно здесь, в этом саду, среди нескольких десятков поразительной красоты деревьев, состоится мое венчание.

Именно здесь мне предстоит обещать Джону Хэнтону свою жизнь, свою свободу, свою любовь.

Почему я это делаю?

Сейчас, когда иду по белой дорожке, усыпанной для меня лепестками роз, думаю, я могу ответить на этот вопрос без всяких сомнений и раздумий. А ответ до невозможного прост.

Ничто не имеет значения без Джона Хэнтонна, даже собственная жизнь!

Связывая наши жизни, я делаю это не в силу каких-либо легкомысленных порывов. Учитывая, через что мне пришлось пройти, я со всей ответственностью принимаю решение и делаю шаг вперед.

Бенджамин Лоуренс в красивом сером смокинге и с гордой улыбкой на лице ведет меня к свадебной арке, под которой меня ждет самый привлекательный мужчина в моей жизни. Спокойный взгляд серых глаз обращен на меня, тепло его улыбки предназначено только мне.

Кое-кто рядом с Хэнтонном тоже счастлив. Майкл Гроуз улыбается так, будто сегодня день его собственной свадьбы. Главное — не смотреть на бессовестно обворожительную улыбку Майкла слишком долго...

Мой взгляд метнулся к рядам гостей. Я знаю этих людей, я узнаю их лица.

Я иду под венец к своему жениху!

Это моя свадьба. Это моя жизнь, и Анне в ней больше ничего не принадлежит, как и в моей прежней жизни ничего не принадлежит мне! Даже семьи, заботы о которых мы теперь можем передать в ответственность друг друга и никак иначе. Я уверена, Анна позаботится о самых близких и родных моему сердцу людях, а я позабочусь о тех, кто дорог ей. Я обещаю ей это.

Свадебная арка очень близко, а гости ни на мгновение не сводят с меня глаз. Вытягивают шеи. Их взгляды обещают, что о моем платье будут говорить еще долго.

Я хотела выглядеть не так как все — что ж, я этого добилась!

Осталось только несколько шагов, и я представила, что к свадебной арке, к моему жениху, меня ведет не Бенджамин Лоуренс, а мой собственный отец. Представить это было нетрудно, ведь по счастливому стечению обстоятельств — возможно, по тому, как сложились звезды или повернулась земля, — мне повезло получить для себя те бесценные мгновения, когда папа вел меня по белой дорожке, усыпанной лепестками роз... Я вспоминала его голос, его настроение и запах его парфюма. Я вспомнила обо всем, о чем мы говорили в тот день.

Приподняв подол своего шелкового платья, поднялась по двум ступеням. Под живой аркой, будто сделанной из одних только цветов, я встала напротив Джона Хэнтонна.

Девчонка в зеленом платье, коей я была когда-то, краснела от такого взгляда, каким смотрит на меня сейчас Джон.

Позади плеча Хэнтонна Майкл Гроуз, позади моего — Ева Нельсон.

За невысокой трибуной, украшенной золотыми лентами и цветами, стоят сразу двое: хмурый регистратор в черной одежде и счастливый священник в белой рясе.

Говорил только священник: он прочитал недолгое обязательное вступление к обряду свадебной

церемонии, говорил о земле и о небесах, об ангелах, что спустились с неба, чтобы засвидетельствовать рождение новой семьи.

Когда пришло время клятв, вопреки традиции, первой заговорила я:

— Джон Хэнтон, я люблю тебя больше, чем ты можешь себе представить. Я никогда не говорила тебе этих слов, пронесла свою любовь через года, и вот наконец о том, что чувствую, говорю вслух. Я люблю тебя! Доверяю тебе свою жизнь и обещаю сделать все возможное, чтобы твоя жизнь со мной была нескучной. Согласна ли я быть твоей женой? Джон, я безумно хочу быть твоей женой!

Лицо Хэнтонна обрело непривычную мягкость. Гроуз за его спиной широко улыбается.

Хмурый регистратор странно переглянулся со священником. Нарушение правил его озадачило. Это хорошо. Проявленные эмоции на его скучном лице делают его менее похожим на служителя похоронного бюро.

— Нескучной? — задумчиво повторил Джон. — Знаешь, дорогая, у этих слов тревожный контекст.

— Мистер Хэнтон, ваша клятва, — дружелюбно напомнил священник, чтобы прекратить разговоры и спасти то небольшое, что осталось от правил.

— Ты знаешь, какой я, — жизнь со мной обещает быть нелегкой. Я знаю, какая ты, — убежден, жизнь с тобой и вправду будет нескучной. Почему бы нам не пройти ее вместе и не посмотреть, что из этого выйдет?

На лице хмурого регистратора возникло больше эмоций. А вот на лице священника их стало меньше.

Мы обменялись кольцами и поставили свои подписи в журнале строгого регистратора. С этого дня и с этой самой минуты я больше не Лоуренс, мое имя отныне и навсегда — Анна Хэнтон!

— Я люблю тебя, — тихонько сказал мне Джон.

Я знаю, чего стоило такому человеку, как Джон, сказать эти слова, и я с благодарностью смотрю на него за то, что он нашел причины и силы проговорить их вслух.

Глава 18

43 дня спустя

Джон и я становимся силой, с которой придется считаться. Алан Лонгер это хорошо, должно быть, понял, когда правительственный иск к «Лоуренс нефть» был им проигран.

Справедливости ради, план Лонгера был хорош и он имел все шансы на успех, если бы не группа крупных бизнесменов, чьи интересы были так опрометчиво затронуты. Я получила от титанов промышленности невероятную поддержку, обеспечивающую в совокупности фактически неограниченные возможности. Каждый чиновник в зале суда был по отдельности куплен тем или иным бизнесменом, с которым имеет сколько-нибудь личное знакомство и совместные дела. Ведь никакому дельцу не нужен столь вопиющий прецедент, когда правительство узаконивает откровенный грабеж корпораций.

Алан Лонгер был на этом слушании: им было проиграно не просто сражение, Лонгер проиграл войну! Теперь, когда организованный им иск был проигран, те, кем этот человек так долго мог управлять по отдельности, почувствовали вкус победы. Он не предполагал, что эти люди способны на коллективную работу. Те, кого он считал безусловными одиночками, оказались способны объединяться ради достижения одной цели. Теперь Алан Лонгер будет вынужден бояться, чтобы эти могущественные люди не объединились ради новой цели — пойти против него самого, создав союз, во многом превосходящий его силу и влияние.

Стук от ударов моих каблуков эхом разносится по широкому пустому коридору. Я и Джеферсон идем плечом к плечу вдоль высоких деревянных панелей и быстро приближаемся к дверям, за которыми уже раздаются десятки голосов тех, кто нас за ними ждет.

Долгое многочасовое слушание позади, а я все равно не могу поверить в его исход!

Победа действительно за «Лоуренс нефть»? Слух меня не обманул, и с уст государственного председательствующего действительно прозвучало решение в пользу моей компании?

Я чувствую торжество победы, но не могу до конца насладиться этим чувством, пока в руках сохраняется волнительная дрожь.

Джеферсон прошел вперед и открыл для меня дверь. Когда переступила порог правительственного здания, меня ослепило не солнце, а десятки фотовспышек. Остановилась, легонько сощутив взгляд.

Я привыкла к этому. Где бы я ни была и чем бы ни занималась, внезапно возникшая вспышка перед моим лицом больше меня не пугает. Репортеры стали постоянными спутниками моей жизни, некоторых из них я узнаю в лицо. Самых проворных, наглых и удачливых знаю по именам. Майкл научил: если мне дорога личная жизнь, с такими репортерами лучше встречаться с глазу на глаз и давать то, что им нужно, — эксклюзив. Выгода такого партнерства — ненавязчивость и возможность повлиять на смысл того, что пишут в газетах, когда это очень потребуется.

Десятки репортеров кричат одновременно — голоса их сливаются в один непонятный вопль. Только благодаря молчаливым служителям закона на нас еще не набросились люди с микрофонами, блокнотами и фотоаппаратурой.

Осторожными шажками спускаюсь по широкой лестнице вместе с Джеферсоном. Когда мы встали за невысокую трибуну, огороженную канатным ограждением, толпа смолкла. Репортеры поднимают руки, Джеферсон жестом показывает на одного из них. Меня опять ослепила фотовспышка...

— Миссис Хэнтон!